ПСИХОЛОГІЯ

ВОЕННОЙ ПРОФЕССІИ

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА

ГИГІЕНА

Etude sur les eaux potables et le plomb. Paris, 1884. Traduction turque, Constantinople, 1889.

Chronique de l'Hygiène en Europe. Montreal, 1886.

Dell' uso dei tubi di Piombo per la condotta delle acque alimentari. Piacenza, 1889; traductions polonaise et espagnole.

Traite de l'hygiène publique d'apres ses applications dans les differents pays de l'Europe, par le Dr Palmberg. Traduction française, Paris, 1891.

СОЦІОЛОГІЯ

L'Agonie d'une Société, 1889.

Ministère et Mélinite, 1891.

France sociale et politique. Année 1890, 2 volumes; année 1891. Paris, 1891 et 1893.

Le Socialisme et le Congrés de Londres, Paris 1897. Traductions portugaise, espagnole.

ПСИХОЛОГІЯ

Psychologie de l'Anarchiste Sosialiste. Paris, 1895. Traductions espagnole et tchèques.

КРИМИНОЛОГІЯ

Déterminisme et Responsabilité, Paris, 1898.

Про

ОЧЕРКИ ПО СОЦІАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ

ПСИХОЛОГІЯ ВОЕННОЙ ПРОФЕССІИ

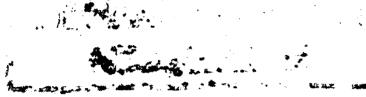
А. ГАМОНА

Профессора высшихъ курсовъ Брюссельскаго Новаго Университета, Профессора Парижской вольной Гимназіи Соціальныхъ наукъ, директора изданія L'Humanité Nouvelle.

Amicus Plato sed magis amica veritas.

Переводъ съ новаго французскаго изданія, исправленнаго и дополненнаго главою: — Защита.

ЖЕНЕВА
ИЗДАНІЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРУППЫ АНТИМИЛИТАРИСТОВЪ
1902



224747

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Когда въ началѣ 1893 г. мы взялись за психологію военной профессіи, мы ни мало и не подозрѣвали той странной участи, какая ждала это научное изслѣдованіе.

Défense (защита), помѣщенная въ концѣ этой книги послѣдняго изданія, показываетъ, какія превратности испыталъ нашъ трудъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ въ свѣтъ.

Его появленіе сейчасъ же произвело большой шумъ. Изъ Германіи были получены четыре требованія разрѣшить переводъ. Сдѣланный переводъ оставался въ рукописи у одного бернскаго издателя. Въ августѣ 1895 г., не смотря на мое формальное запрещеніе, книга появилась въ печати безъ всякихъ примѣчаній и сносокъ. Новое нѣмецкое изданіе вышло въ Лейпцигѣ., въ 1896 г., но не было замѣчено прессой.

Въ Португаліи, въ Опорто, «Свободная Библіотека» (Biblioteca Libertaria) издала мою книгу въ іюнѣ 1896 года.

Психологія военной профессіи переведена на языки: испанскій, румынскій, болгарскій

но переводчики не могутъ найти издателей, какъ кажется, по причинѣ той смѣлости, съ какою трактуется поставленный вопросъ.

Новое изданіе, дополненное главою Défense, появилось во Франціи въ 1895 г.

Первое итальянское изданіе вышло въ Римѣ въ 1895 г. Это изданіе все разошлось. Второе изданіе съ нѣкоторыми второстепенными измѣненіями и дополненное главою Défense появилось (май 1901 г.) въ Палермо въ «Biblioteca di scieza sociali et politichi» Saudron'a. Въ немъ фигурируетъ слѣдующая замѣтка издателя, напечатанная безъ нашего вѣдома:

«Мы просимъ читателя помнить, что авторъ говоритъ въ этой книгѣ о французской арміи, и что сказанное имъ не можетъ быть приложимо къ нашимъ военнымъ учрежденіямъ и къ нашимъ войскамъ, еще недавно въ Китаѣ давшимъ столько доказательствъ гуманности и духа самопожертвованія, проявленныхъ во имя соціальнаго интереса. Издатель».

Эта замѣтка представляетъ интересный психологическій фактъ; потому что достаточно даже поверхностно прочитать мою книгу, чтобы знать, что въ ней говорится не о французской арміи въ частности,, а о военныхъ вообще, независимо отъ ихъ національности.

Уже восемь лѣтъ какъ издана эта книга. Теперь, прочитавъ ее и перечитавъ, я не вижу нужды дѣлать въ ней какое бы то ни было существенное измѣненіе, и даже какую бы то нибыло прибавку.

«Милитаризмъ есть школа преступленія». Этотъ

аформизмъ веегда остается вѣрнымъ и подтверждается массой событій, которыя прошли передъ нашими глазами съ 1893 года.

Война на Филиппинскихъ островахъ, въ Китаѣ, въ Трансвалѣ, въ Суданѣ, и др., показали намъ военныхъ въ тотъ моментъ, когда ихъ аппетиты и страсти не имѣютъ узды. Убійство, воровство, грабежъ, насиліе, бойня, наслажденіе чужой мукой — вотъ что ихъ привлекаетъ. Ихъ единственная цѣль — непосредственный матеріальный интересъ, ихъ завѣтное желаніе — позументы, кресты, чины, деньги. Англичане, нѣмцы, русскіе, итальянцы, французы, американцы, испанцы, и др., всѣ заявили себя одинаковымъ образомъ. Это видно изъ разсказовъ всѣхъ газетъ и журналовъ — англійскихъ, американскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, бельгійскихъ, и др.

Тоже самое подтверждается многое множество разъ корреспонденціями высшихъ офицеровъ: напримѣръ, *во время африканской войны, отъ 1833 по 1848 г., корреспонденціями отправлявшимися маршалу де-Кастелянъ* (vol. in 8. Plon éditeur), или *мемуарами маршала Канробера*, говорящаго въ одномъ мѣстѣ: «Войны ведутся не филантропическими средствами» и пр. и пр.

Безчувственность, этотъ наслѣдственный пережитокъ жестокости, легко пробуждается и развивается въ человѣкѣ подъ *постояннымъ вліяніемъ профессіи.*

Профессія подготовляющая къ насилію, къ жестокостямъ войны, воспитываетъ человѣка въ этомъ направленіи и такимъ образомъ будитъ въ немъ крова-

вые звѣрскіе инстинкты, которые дремлютъ въ каждомъ человѣкѣ. Профессія развиваетъ эти инстинкты у военныхъ, приспособляющихся къ своимъ задачамъ. Профессіональные военные являются преступниками вслѣдствіе простого факта приспособленія къ средѣ, въ которой они живутъ, — къ цѣли, которую они преслѣдуютъ и въ виду которой они воспитываются.

Констатировать, что милитаризмъ есть школа преступленія, значитъ констатировать фактъ. Этимъ не наносится ни обида, ни оскорбленіе профессіональнымъ военнымъ.

Этотъ фактъ теперь сталъ банальностью. То, на что мы указывали въ 1893 г. и чѣмъ всѣхъ приводили въ большое смущеніе, то теперь стало, такъ сказать, явленіемъ заурядным: всѣ признаютъ его, повторяютъ его, кричатъ о немъ.

Армія не можетъ быть демократизирована, она по самой сущности своей авторитарна:

«Солдаты не республиканцы: привыкнувъ подчиняться, они рады видѣть и гражданъ въ подчиненіи, въ какомъ находятся сами... Армія по своей сущности — монархична, и вы увидите, что этотъ духъ охватитъ и Англію... (Conversations de Napoleon, par le général Baron Courgaud, Revue de Paris, 15 Janvier 1899).

Человѣчество все болѣе и болѣе направляется къ демократіи. Эта неоспоримая тенденція, которую легко можетъ констатировать всякій наблюдательный и безпристрастный умъ, находится въ полной противоположности съ духомъ арміи, съ духомъ милитаризма.

Отсюда проистекаетъ антагонизмъ, выражающійся въ болѣе или менѣе горячей борьбѣ. Вездѣ начинается антимилитаризмъ. Вездѣ онъ быстро ростетъ. Подъ словомъ *вездѣ* я понимаю всѣ тѣ страны, гдѣ существуетъ милитаризмъ. Ошибаются поверхностные наблюдатели думая, что начало и развитіе антимилитаризма зависитъ отъ рѣчей и рефератовъ, отъ газетныхъ статей и литературныхъ произведеній. Все перечисленное есть результатъ милитаризма и вліяетъ, какъ причина, лишь второстепеннымъ образомъ. Главныя же причины антимилитаризма — это поступки, дѣйствія, профессіональныхъ военныхъ, вредящіе тѣмъ, противъ кого они бываютъ направлены. Пресса, книга, рѣчь только предаютъ гласности вредные факты. Что же касается разсужденій, декларацій, теорій и системъ, то ихъ вліяніе на генезисъ антимилитаризма очень незначительно, потому что незначительно ихъ дѣйствіе на людей.

Партизаны милитаризма должны находить въ немъ самомъ объясненіе существованія антимилитаризма. Протесты противъ милитаризма не могутъ быть прекращены ни преслѣдованіемъ и осужденіемъ авторовъ и ихъ произведеній, ни уничтоженіемъ этихъ произведеній. Они прекратятся лишь благодаря исчезновенію ущерба и разнаго рода вреда, приносимаго милитаризмомъ, иначе говоря, протесты противъ милитаризма могутъ быть уничтожены лишь путемъ уничтоженія самого милитаризма.

Въ 1890 г., когда мы писали нашу *Психологію Военной профессіи*, мы думали, что исчезновеніе этой профессіи близко. Теперь наоборотъ, мы счита-

емъ это исчезновеніе далекимъ. Правда, прогрессъ идетъ быстро, но человѣкъ живетъ не долго, и его жизнь есть лишь мгновеніе, простой очень короткій моментъ въ развитіи человѣчества. Конечно, пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ исчезнетъ военная профессія. Точно такъ же въ животныхъ организмахъ долгое время сохраняются слѣды прежнихъ органовъ, паразиты болѣе или менѣе приносящіе вредъ организму, болѣе или менѣе противорѣчащіе его общимъ тенденціямъ.

Случается даже, что такіе органы отличаются большою живучестью въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени. Мы оказываемся свидѣтелями одного изъ такихъ моментовъ. Его можно было предвидѣть въ воинственныхъ стремленіяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи. Соединенные Штаты начинаютъ колоніальную и завоевательную политику. Обстоятельства постепенно приведутъ ихъ къ милитаризму, если они останутся на избранномъ пути. Уже они увеличили армію и не хотятъ уменьшать ее. Уже они увеличиваютъ военные расходы.

Въ Великобританіи происходитъ то же самое. Экономическія условія развиваютъ имперіализмъ, фатальнымъ результатомъ котораго, какъ впервые сказалъ Джонъ Морлей, является милитаризмъ. Такимъ образомъ въ Англіи развивается военный духъ и, вѣроятно, не далеко то время, когда въ ней будетъ введена обязательная для всѣхъ воинская повинность.

Исчезновеніе войны будетъ концомъ милитаризма. Самодержавію не желательно это исчезновеніе. Его

интересы требуютъ сохраненія и войны и особенно милитаризма, дающаго возможность имѣть постоянную армію, благодаря которой, держится самодержавіе. Война же исчезнетъ только тогда, когда вслѣдствіе изобрѣтеній человѣческаго ума она станетъ до такой степени смертоносной, что люди откажутся воевать.

Желаніе остановить изобрѣтательный человѣческій геній — пустая мечта, смѣшное ребячество. Автократіи, пожелающія воспротивиться естественному ходу вещей, будутъ ниспровергнуты имъ подобно тому, какъ идущій поѣздъ сметаетъ, какъ соломинку, ставшаго на его пути дикаго быка.

Милитаризмъ умираетъ. Условія среды дѣлаютъ неизбѣжной эту смерть. Она не минуема, фатальна, и представляетъ только вопросъ времени. Но, пока наступитъ это время, милитаризмъ не поддается, хочетъ жить и еще долго будетъ жить.

Пусть же ученая русская среда и читающая русская публика сочувственно отнесутся къ моей научной работѣ.

Хладнокровно, безстрастно, изложили мы истину такою, какою она намъ казалась, въ 1893 г.

Перечитывая нашу книгу въ 1901 г., мы не нашли нужнымъ что нибудь прибавить или убавить.

«Милитаризмъ есть школа преступленія» — остается для насъ истиной, истиной основанной на фактахъ, и только на фактахъ. Она есть выводъ, заключеніе, а не мнѣніе безъ основанія, не формула, просто выражающая чувство.

Какъ бы ни отнеслись къ нашему научному очерку, къ этому скромному опыту въ области профессіональной психологіи, опыту представляющему въ данной области одинъ изъ первыхъ, если не первый шагъ, — мы можемъ съ увѣренностью повторить слова, написанныя когда то Монтэнемъ:

Это добросовѣстно написанная книга.

A. HAMON

Nevilly sur Seine.
15 мая 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

«Криминалисты, писали мы въ одной статьѣ *) изучаютъ только нѣкоторыя проявленія анти-соціальнаго акта, именно тѣ, которыя при нашемъ состояніи цивилизаціи, наиболѣе возмущаютъ чувства средняго человѣка. Они забываютъ изучать другія проявленія преступности, проявленія болѣе важныя, чѣмъ первыя, но не кажущіяся намъ таковыми, потому что привычка наша видѣть ихъ постоянно мѣшаетъ намъ понять, на сколько они гибельны. Результатомъ этого выходитъ то, что большинство криминалистовъ изучаетъ только то, что я могу назвать исключительнымъ преступленіемъ **)

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ криминалисты занимаются

*) Crime et criminaliste, p. 165—172. Almanach da la question sociale pour 1893.

**) А. Корръ въ своихъ работахъ «Преступленіе и самоубійство» и «Преступники» говоритъ о скрытомъ преступленіи. Это кажется единственный криминалистъ, взглянувшій на дѣло немного шире.

гораздо больше заключенными преступниками, тѣми, кого Манувріе называетъ подонками преступниковъ, чѣмъ массой людей, несправедливо считающихся честными, съ которыми мы ежедневно сталкиваемся во всѣхъ профессіяхъ. Это происходитъ потому, что криминалисты идутъ въ ногу съ полиціей, забывая, что въ обязанность полиціи вовсе не можетъ входить психологическій анализъ, необходимый для криминолога *).

Наши психологическія изслѣдованія привели насъ къ слѣдующему заключенію: явная преступность ничтожна, почти не имѣетъ значенія, сравнительно съ преступностью тайной. Изученіе этой послѣдней имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ изученіе явной преступности, особенно если хотятъ придать понятію *преступленіе* философскій смыслъ. Въ одной изъ нашихъ послѣднихъ статей **) мы попытались найти этотъ смыслъ и пришли къ слѣдующему опредѣленію: *подъ преступленіемъ разумѣется всякое дѣйствіе, которое нарушаетъ свободу личности.* Здѣсь дѣло идетъ, конечно, о свободѣ дѣйствовать, т. е. только о возможности выполнить свое хотѣніе, такъ какъ свободы самого хотѣнія не существуетъ.

Очевидно, что такое широкое пониманіе преступленія допускаетъ множество интересныхъ изслѣдованій,

*) Манувріе Archives de l'antrophologie criminelle, septembre 1892.

**) Archives de l'antrophologie criminelle, mai 1893, p. 242—257. Brochure in 8°. Lyon 1893. Storck éditeur.

которыя являются столько же психологическими, какъ и криминологическими. При такомъ опредѣленіи вполнѣ понятна важность психологическаго или криминологическаго разбора большихъ профессіональныхъ классовъ общества. Трудность подобнаго изслѣдованія не малая, этого не слѣдуетъ отъ себя скрывать; она состоитъ въ собираніи фактовъ. Для криминалиста, занимающагося уродливыми случаями преступленій, сравнительно легко собрать данныя: для этого существуютъ судебные процессы, полицейскія слѣдствія, юридическая и уголовная статистика. Для криминолога же, занимающагося преступленіемъ съ философской точки зрѣнія, все это мало на что пригодно. Ему нужно собирать по книгамъ, газетамъ, обозрѣніямъ и т. п. встрѣчающіеся тамъ безчисленные факты, часто даже мало ясные, факты, обнаруживающіе состояніе души не отдѣльно взятыхъ личностей, но коллективныхъ, принадлежащихъ къ одной и той же профессіи.

Всѣмъ, разумѣется, понятно, что въ такой совокупности личностей, какъ напримѣръ народъ, существуетъ общее состояніе души, дѣлающее то, что всѣ члены этой совокупности имѣютъ аналогичныя представленія объ общихъ вещахъ. Точно также и въ каждомъ изъ большихъ подраздѣленій (отдѣловъ) общества, какъ напр. въ арміи, въ магистратурѣ, въ полиціи, у финансистовъ, комерсантовъ, и т. п. существуетъ состояніе души, свойственное ихъ профессіямъ. Эту-то сущность и требуется извлечь тому, кто хочетъ сдѣлать изслѣдованіе криминологіи какой-

нибудь эпохи. Уже по одному этому можно судить о трудности написать полный трудъ, соціальную криминологію. Мы не имѣемъ смѣлаго намѣренія предпринять его въ настоящее время, но мы хотимъ набросать его, начертить его планъ.

Этотъ очеркъ, представляющій психологію военнаго по ремеслу, показываетъ вліяніе среды на форму преступности. Онъ будетъ первымъ въ той серіи статей, которыя мы собираемся послѣдовательно написать о полиціи, о магистратурѣ, прессѣ, финансахъ, коммерціи и промышленности.

Для такихъ очерковъ необходимо приводить, какъ примѣры профессіальной сущности, факты, которые я назову историческими, несмотря на то, что часто они произошли очень недавно. Они историческіе въ томъ смыслѣ, что они были разсказаны въ журналахъ, газетахъ, книгахъ, и никто противъ нихъ не возражалъ. Всѣ факты, которые мнѣ придется цитировать были напечатаны; я собралъ ихъ, вмѣстѣ со многими другими, или въ научныхъ работахъ, или въ газетахъ, этомъ въ высшей степени драгоцѣнномъ рудникѣ для того, кто умѣетъ имъ пользоватся. Факты, которые я привожу, — только примѣры, т. е. я не разсказываю всѣхъ аналогичныхъ, извѣстныхъ мнѣ фактовъ *), которые я собралъ за тѣ четыре

*) А. Корръ любезно одолжилъ мнѣ нѣсколько фактовъ изъ своихъ собственныхъ собраній, такъ прекрасно документированныхъ; я прошу его принять мою искреннюю благодарность и очень сожалѣю, что моя дружба съ нимъ мѣшаетъ

года, какъ я собираю французскую прессу для редакція моей *Соціальной и Политической Франціи.*

Эти примѣры имѣютъ тѣмъ болѣе цѣнности, что лица, которыхъ они касаются, занимаютъ высокое положеніе въ своей профессіи, что они въ ней являются наиболѣе избранными, наиболѣе уважаемыми,— что, впрочемъ, не значитъ,— наиболѣе нравственными. Отсюда и явилась необходимость называть по именамъ лица—примѣры, если они уже были упомянуты въ журналахъ или газетахъ. Чтобы написать эти главы криминологіи, этого отдѣла соціологіи, чувствуешь себя въ томъ же положеніи, какъ и историкъ, составляющій исторію какой-нибудь страны, или географъ, описывающій какую-нибудь мѣстность. Ихъ обязанностью будетъ указать поименно политическихъ дѣятелей, полководцевъ и т. п., горы, рѣки, города. Точно также и криминологъ обязанъ привести имена лицъ — примѣровъ. Такимъ образомъ онъ придаетъ больше вѣса фактамъ. Всѣмъ, разумѣется, понятно, что если указать десять мелкихъ торговцевъ, какъ фальсификаторовъ продуктовъ, то это не будетъ профессіональнымъ характеромъ торговаго міра, тогда какъ, если указать на десять крупныхъ коммерсантовъ, то профессіональный характеръ выяснится съ достаточной справедливостью. Здѣсь является вопросъ пропорціональности, потому что крупныхъ коммерсантовъ меньше, чѣмъ мелкихъ; и такъ, если число

мнѣ высказать все, что я думаю хорошаго о немъ, какъ о человѣкѣ и какъ объ ученомъ.

примѣровъ тоже самое, то есть болѣе вѣроятія получить характерный типъ нравственности людей этой профессіи, взявъ свои примѣры между крупными товговцами, чѣмъ между мелкими. Кромѣ того, того, извѣстно, что подражаніе есть одно изъ качествъ человѣка *); мы всѣ, въ различныхъ степеняхъ очень склонны подражать, и тѣмъ больше, чѣмъ болѣе почетное положеніе занимаетъ предметъ подражанія. Всѣ люди обладаютъ какимъ-то органическимъ стремленіемъ къ лучшему, а этимъ лучшимъ является для многихъ болѣе высокое положеніе. Эти разъясненія указываютъ на руководившее мной направленіе, когда я приводилъ имена лицъ—примѣровъ.

Въ этихъ очеркахъ читатель, разумѣется, замѣтитъ, что я чаще всего бралъ примѣры изъ французской націи, чѣмъ у другихъ народовъ той же цивилизаціи. Это произошло оттого, что будучи самъ французомъ, я черпалъ мои данныя изъ французскихъ журналовъ, газетъ и книгъ гораздо болѣе, чѣмъ изъ подобныхъ же иностранныхъ источниковъ. Для дѣла же это мало имѣетъ значенія; потому что Европа, Соединенные Штаты и нѣкоторыя другія страны въ основныхъ своихъ чертахъ обладаютъ одинаковой цивилизаціей. Профессія покрываетъ личность одинаковой профессіональной окраской повсюду, гдѣ только встрѣчается одинаковая цивилизація; потому что естественнымъ

*) Стоитъ прочесть по этому вопросу труды Тарда, который особенно много занимался имъ, и былъ даже немного односторонен въ своихъ выводахъ.

слѣдствіемъ ея является профессіональная аналогія, если не профессіональная тождественность. Нѣмецкій офицеръ, по состоянію своей души и по привычкамъ, походитъ на французскаго офицера гораздо болѣе, чѣмъ на всякаго другого французскаго гражданина. Никто болѣе не походитъ на англійскаго коммерсанта, какъ коммерсантъ американскій, нѣмецкій, французскій. Существуетъ что-то вродѣ опредѣленнаго нравственнаго склада, свойственнаго всѣмъ лицамъ одной и той же профессіи. Слѣдовательно, хотя французскіе примѣры и болѣе многочисленны, но въ этихъ очеркахъ профессіональной криминологіи опредѣленно выясняется ихъ общее значеніе.

ПСИХОЛОГІЯ
ВОЕННОЙ ПРОФЕССІИ

Глава I

Общія замѣчанія.

Въ этомъ первомъ очеркѣ трактуется о военной профессіи.

Въ наше время, когда религія «патріотизма» замѣнила собою христіанство — причемъ предметъ того и другого не поддается точному опредѣленію, точному пониманію — вѣроятно, многіе увидятъ особенную дерзость въ томъ фактѣ, что мы осмѣливаемся затронуть военную профессію, самую священную изъ всѣхъ, ибо она служитъ охраной отечества. Обрекать этихъ смѣльчаковъ на пытки, скажутъ намъ, это значитъ совершать антипатріотическое дѣло. Но это замѣчаніе не можетъ связывать ученаго, человѣка отдавшагося исканію истины; потому что когда онъ находитъ истину или думаетъ, что нашелъ ее, онъ долженъ высказать ее во всеуслышаніе, каковъ бы ни былъ результатъ отъ этого для него лично, для его близкихъ и для его отечества. Его долгъ — быть лойяльнымъ

въ изложеніи фактовъ, быть логичнымъ въ выводахъ, его долгъ — изслѣдовать людей и явленія безъ духа партійности, сектантства или фанатизма. Мы думаемъ, что настоящій очеркъ, принадлежащій человѣку, незнающему другого культа кромѣ культа истины, удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, которымъ онъ во всякомъ случаѣ стремится удовлетворить.

Въ настоящее время во всѣхъ странахъ съ европейской цивилизаціей военная служба обязательна для каждаго здороваго человѣка [1]).

Онъ живетъ въ казармахъ болѣе или менѣе продолжительное время, самое большее семь лѣтъ, и затѣмъ возвращается къ гражданской жизни. Безспорно, среда вліятъ на него въ этотъ промежутокъ времени; но такихъ солдатъ по обязанности нельзя разсматривать какъ солдатъ профессіональныхъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ изученію вліянія военной профессіи на психику, то есть къ опредѣленію профессіональной психологіи, приходимъ къ изученію военныхъ по призванію т. е. офицеровъ и небольшого числа унтеръ-офицеровъ, вновь остающихся на службѣ. Этихъ послѣднихъ мы оставляемъ безъ вниманія; такъ какъ они по своему происхожденію принадлежатъ къ классу менѣе образованному, менѣе утонченному, и профессія должна вліять на нихъ съ большей силой чѣмъ на офицеровъ, происходящихъ

[1]) Англія представляетъ исключеніе. Если въ этой странѣ законъ и предписываетъ всеобщую воинскую повинность, парламентъ ежегодно отмѣняетъ приложеніе этого закона; такимъ образомъ англійская армія всегда профессіональна.

изъ высшаго класса и имѣющихъ частыя сношенія съ свѣтскимъ просвѣщеннымъ обществомъ. Такимъ образомъ, если будетъ ясно показано вліяніе профессіи на психику офицеровъ, то отсюда можно будетъ заключить, что вліяніе этой профессіи на унтеръ-офицеровъ должно выражаться въ явленіяхъ еще болѣе рѣзкихъ. Наблюденія фактовъ подтверждаютъ такую точку зрѣнія.

Тутъ еще сказывается вліяніе подражанія низшихъ высшимъ какъ по естественной склонности, такъ и въ силу интереса.

Эти соображенія объясняютъ, почему мы заимствовали наши примѣры между офицерами, преимущественно между высшими офицерами или генералами: высокое общественное положеніе этихъ послѣднихъ имѣетъ тенденію смягчать у нихъ сущность профессіональнаго вліянія. Впрочемъ это смягченіе компенсируется продолжительностью періода, во время котораго профессія вліяетъ на этихъ лицъ.

Глава II

Цѣль службы профессіональныхъ военныхъ.

«Въ былыя времена, — пишетъ Корръ, [1]) — вовсе не было національной арміи», еще менѣе существовало отечество... Были старые служаки, готовые на

[1]) Le militarisme, стр. 91—96. Въ Almanach da la question sociale за 1892. Aperçu général de la criminalité militaire en France. Storck éditeur à Lyon, 1891.

все: объ ихъ поступкахъ во французской странѣ можно читать въ мемуарахъ, относящихся къ религіознымъ войнамъ, о нихъ можно судить по разсказамъ изъ драгонадъ, предписанныхъ королемъ-іезуитомъ противъ своихъ собственныхъ подданныхъ; что они были способны совершать въ непріятельской странѣ, находясь подъ командой даже самыхъ гуманныхъ начальниковъ, это видно по кампаніи Тюренна 1674 г. (первый пожаръ Палатината) и кампаніи Катината 1690 года (пьемонтская война). Въ 1735 г. солдаты итальянской арміи безъ всякаго стѣсненія грабятъ беззащитные города и мѣстечки; они открыто торгуютъ ворованными предметами; «отказываясь отъ говядины доставляемой отъ сардинскаго короля, чтобы питаться живностію накраденною въ деревняхъ», они не щадятъ даже женщинъ... Послѣ Росбахова дня (1757) графъ С. Жерменъ съ огорченіемъ пишетъ: «я предводительствую сборищемъ воровъ, палачей; они грабили, насиловали, разбойничали, совершали всевозможные ужасы».

Итакъ, во время предшествовавшее Революціи были солдаты, которые сражались не за отечество, а ради личной выгоды тѣхъ, кто ихъ содержалъ. Сражаться— это было ихъ ремесло и такимъ способомъ они пріобрѣтали себѣ славу и выгоду, какъ лавочникъ пріобрѣтаетъ выгоду и почетъ, продавая свои товары. Существуютъ наемныя войска, которыми не руководитъ никакая благородная идея. Приманка роскоши путемъ грабежа, половыхъ удовольствій путемъ насилія, — все это усиленное развившимся вкусомъ къ убійству,

къ которому влечетъ запахъ крови — вотъ что вело войска въ бой. XVIII вѣкъ въ этомъ отношеніи не уступаетъ XIV столѣтію.

Съ Революціей развивается идея свободы, которая въ революціонной Франціи, составляющей оппозицію монархической Европѣ, необходимо сливается съ патріотизмомъ, съ любовью къ странѣ, въ которой хотятъ жить свободно. Вся нація поднимается для защиты свободы, которой угрожаетъ коалиція королей; *національная* армія создана. Наполеонъ своими завоеваніями заставляетъ прочіе народы тоже создать національныя арміи и въ тоже время онъ превращаетъ французскую армію въ профессіональную.

Вслѣдствіе этихъ политическихъ и соціальныхъ движеній европейскія чисто *національныя* арміи становятся *профессіональными*.

Въ ихъ составѣ находится много иностранцевъ, а граждане страны, составляющіе значительную часть арміи, находятъ въ своей службѣ карьеру: они—солдаты, какъ другіе граждане — земледѣльцы, углекопы. Наступаетъ война 1870 г. съ ея лихорадкой вооруженія, продолжающейся еще и теперь. Военная служба теряетъ свой профессіональный характеръ, становясь общеобязательною! Теперь во всей Европѣ за исключеніемъ Англіи существуютъ настоящія національныя арміи, какъ это было въ извѣстный моментъ революціоннаго періода. Въ этихъ національныхъ арміяхъ, какъ мы сказали, одна часть ихъ остается профессіональная — это корпусъ офицеровъ.

Во Франціи свободныя идеи подняли націю въ

эпоху Революціи. Въ другихъ странахъ ненависть къ французскому нашествію подняло народы послѣ наполеоновскихъ завоеваній. Благодаря этимъ обстоятельствамъ возникло всеобщее мнѣніе, что человѣкъ военной профессіи есть солдатъ по своей преданности отечеству, по патріотизму. Это мнѣніе, окружившее военныхъ своего рода ореоломъ, безусловно ложно. Доказательствомъ служатъ факты. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

2 Сентября 1796 г. наканунѣ сраженія подъ Бассано, генералъ Массена въ письмѣ къ генералу Бертье подаетъ въ отставку, сообщая въ то же время, что его дивизія не можетъ принять участія въ проэктирующихся операціяхъ. Словомъ онъ отказывается идти впередъ, оскорбленный открытымъ противъ него слѣдствіемъ по поводу разныхъ фактовъ воровства. Впрочемъ онъ взялъ свою отставку обратно послѣ тайнаго свиданія съ Бонапартомъ [1]).

13 Сентября того же года Ожеро въ свою очередь подаетъ въ отставку; потому что ему надоѣли съ слѣдствіемъ открытымъ по поводу совершеннаго имъ хищенія. [2])

Во время этой итальянской кампаніи Бонапартъ приказалъ дивизіоннымъ генераламъ немедленно отставить всѣхъ офицеровъ, отсутствовавшихъ безъ законнаго основанія, особенно тѣхъ, которые развлекались въ городахъ: Миланѣ, Бресчіи, Плезансѣ [3])

---

[1]) Неизданная оффиціальная и конфиденціальная переписка Н. Бонапарта, II, 17. Цитата Тролара въ De Montenote au Pont d'Arcole, стр. 328—329. Издатель Savine.

[2]) Trolard, L. C. стр. 330.

[3]) Переписка Наполеона I, I, 446. Цитата изъ Trolard'a, L. C. стр. 179.

и др. Слѣдуетъ замѣтить, что французская армія находилась тогда въ непріятельской странѣ, въ ежедневномъ соприкосновеніи съ врагомъ.

Во время войны съ Испаніей побѣги изъ французской арміи совершались очень часто. Изъ journal de l'adjudant X...., опубликованнаго въ Revue rétrospective, мы узнаемъ, что дезертиры всѣхъ степеней служили въ иррегулярныхъ бандахъ; когда же они встрѣчались съ офицерами и унтеръ-офицерами, оставшимися вѣрными своимъ знаменамъ, то они мирились, вступая въ большую дружбу. Послѣ паденія Наполеона эти дезертиры возвратились въ Францію и пользовались большимъ почетомъ.

Маршалъ Мольтке, одинъ изъ создателей теперешней Германіи, блестящій полководецъ, превосходный солдатъ, былъ датчанинъ по своему происхожденію, по своимъ предкамъ. Онъ получилъ образованіе въ Даніи и былъ офицеромъ въ датской арміи, но не видя передъ собою будущности въ этой маленькой странѣ, онъ отправился служить сначала въ Турціи, а потомъ въ Пруссіи. Будучи прусскимъ офицеромъ онъ сражался противъ своей родины и очень способствовалъ ея раздробленію.

Въ турецкой арміи и во флотѣ служитъ много офицеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ.

Греческая армія была организована французскими офицерами.

Во Франціи существуетъ иностранный легіонъ, совершенно профессіональный — до солдатъ включительно. Онъ представляетъ полную аналогію съ наемными войсками прежнихъ вѣковъ.

Совершенно излишне вспоминать о хорошо извѣстномъ поведеніи маршала Базена въ Метцѣ.

Въ 1890 г. эксъ-лейтенантъ Буске былъ пригово-

ренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію за государственную измѣну.

Еще не забыто дѣло Тюрпена-Трипонье, надѣлавшее столько шуму въ 1891 г. Помнятъ, какъ было доказано, что дивизіонный генералъ Лявока былъ другомъ и соучастникомъ шпіона Трипоэ. Другіе высшіе офицеры были болѣе или менѣе скомпрометированы[1]) въ этомъ дѣлѣ продажи секретныхъ документовъ англійскому дому Армстронгъ.

Менѣе извѣстно дѣло о морскихъ орудіяхъ, въ которомъ было скомпрометировано все Артиллерійское Управленіе вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ — генераломъ Дю-Папъ. „Артиллерійское Управленіе, сказалъ Клемансо съ трибуны депутатовъ, совершило настоящее преступленіе противъ отечества, не держа нашей артиллеріи на уровнѣ иностранной“ [2]).

Въ Декабрѣ 1891 г. покончилъ самоубійствомъ подполковникъ Рокаръ, прикомандированный къ Артиллерійскому Управленію Морского Министерства. Многочисленными данными, опубликованными въ газетахъ [3]), было установлено, что этотъ высшій офицеръ доложилъ генералу Дю-Папъ о тяжелыхъ проступкахъ своего предшественника подполковника Перисса. Дю-Папъ приказалъ молчать. Раздраженный Рокаръ нанесъ оскорбленіе своему начальнику и вслѣдствіе этого долженъ былъ покончить самоубійствомъ. Перисъ — изобрѣтатель особаго способа при-

---

[1]) Дѣло Тюрпена-Трипоне въ полномъ видѣ изложено въ Ministère et Mélinite, A. Homon'a G. Buchot, Paris, 1901.

[2]) Палата Депутатовъ, Парламентскіе дебаты, отчетъ in-extenso, стр. 2535. Засѣданіе 6 декабря 1891 г.. упоммнаемое Hamon'омъ въ France sociale et politique, 1891 г. стр. 694. Всѣ детали этого дѣла приведены въ Ministère et Mélinite, стр. 71—99.

[3]) Intransigent, 30 декабря 1891 г., газеты за 28 и 30 января 1892 г.

готовленія бомбъ — былъ отставленъ отъ службы за тяжелое нарушеніе дисциплины, говоритъ оффиціальный органъ. Газеты сообщали, основываясь на доказательствахъ, что онъ продалъ свое изобрѣтеніе одному англійскому дому и обязался давать ему государственные заказы. Подполковникъ Перисъ, такимъ образомъ обвиненный публично, вовсе не пытался оправдаться посредствомъ уголовнаго суда, гдѣ доказательства обязательны.

Въ 1891 г. Бриссонъ сдѣлалъ отъ имени бюджетной коммиссіи докладъ, который можно найти въ парламентскихъ документахъ (прибавленіе къ Journal Officiel). При изученіи этого доклада поражаешься чрезвычайной расточительностію констатированною въ постройкѣ кораблей, въ разнаго рода покупкахъ, относящихся къ національной оборонѣ (Морской отдѣлъ). Виновники этой расточительности — высшіе офицеры или генералы [1]).

Между французскими администраторами одной англійской компаніи, поставляющей боевые снаряды кому угодно, находятся, по словамъ Action (29 Янв, 1892 г.) генералъ Тумасъ и адмиралъ Жонкіеръ.

Въ дѣлѣ о еврейскихъ ружьяхъ, надѣлавшемъ столько шуму по ту сторону Вогезъ, соучастникомъ фабриканта Левэ оказался полковникъ Кюнъ; скомпромитированы были и другіе высшіе офицеры [2]).

Вооруженіе, по словамъ русскаго генерала Федорова служитъ только для обогащенія промышленниковъ и офицеровъ [3]). Такъ въ Маѣ 1892 г., газета Le

---

[1]) Hamon, L. C., 1891 г., стр. 691—694. Въ Juif de la Marine, P. Masson, отставной морской инженеръ, приводитъ факты, подтверждающіе указанія, сдѣланныя депутатомъ Бриссономъ.

[2]) Газеты за декабрь 1892 г.

[3]) Hamon, L. C. 1891 г. стр. 657.

Matin опубликовала депешу, сообщавшую, что Левэ подкупилъ испанскихъ офицеровъ, чтобы получить право снабжать ружьями испанскую армію.

Массена, Ожеро, требующіе отставки въ разгарѣ войны; Мольтке, сражающійся противъ своего отечества; французскіе, англійскіе, нѣмецкіе офицеры, продающіе свои услуги чужой странѣ; генералъ Лявока соучастникъ шпіона, артиллерійское управленіе, морскіе постройки, расточающіе фонды національной обороны; полковникъ Кюэне, помогающій Левэ обманывать нѣмецкое правительство, и др. дѣйствовали такъ мало патріотически, насколько только могли, показывая этимъ, что они не имѣли никакого понятія о служеніи отечеству.

Эти характерныя факты показываютъ, что люди военной профессіи выполняютъ свое ремесло вовсе не изъ патріоттзма. Ихъ профессія есть ихъ ремесло, дающее имъ возможность жить и въ то же время пріобрѣтать славу, богатство, почести. Военными по профессіи бываютъ точно также какъ бываютъ промышленниками, финансистами, т. е. по личному интересу, безъ вмѣшательства идеи о служеніи отечеству. Притомъ въ мирное время отечество съ любовью заботится о своихъ профессіональныхъ слугахъ: оно содержитъ ихъ если не въ роскоши, то въ достаткѣ, не требуя отъ нихъ много работы. Во время войны профессіональные военные тонутъ въ массѣ военныхъ по обязанности, и эти оба рода солдатъ одинаково жертвуютъ собой; причемъ первые надѣются достигнуть славы и почестей, что нимало

не прельщаетъ темнаго солдата, резервиста, ополченца, который еще вчера былъ мирнымъ гражданиномъ.

Можно, пожалуй, сдѣлать возраженіе, что если дѣло и стоитъ такъ въ случаѣ европейской войны, то нельзя этого сказать про профессіональныхъ военныхъ, завоевающихъ отдаленныя страны. Про нихъ, обыкновенно, думаютъ, что они рискуютъ найти скорую смерть въ бою, или медленную — въ болѣзняхъ, и все это ad majorem patriae gloriam. Такой взглядъ есть плодъ поверхностнаго изученія фактовъ. Цѣль всякаго человѣка — преуспѣвать въ избранной имъ карьерѣ; въ военной профессіи этой цѣлію служитъ повышеніе въ чинахъ. Колоніальныя экспедиціи больше всего способствуютъ достиженію такого результата. Слѣдующая страничка, принадлежащая Дю-Кассъ — бывшему капитану генеральнаго штаба, даетъ курьезное освѣщеніе затронутому вопросу.

„Чтобы назначить С. Арно въ Парижѣ дивизіоннымъ генераломъ, нужно было придать ему ореолъ величія, нужно было, чтобы онъ прошелъ сквозь громы войны. А такъ какъ для войны нуженъ непріятель, то рѣшили наказать Кабиловъ, и С. Арно поручили командованіе отрядомъ. Поступили слѣдующимъ образомъ: Кабилы были настигнуты и изобличены въ волненіи... Имъ дали понять, что они находятся въ полномъ возстаніи... А чтобы Франція знала, какой славой покрылъ себя С. Арно, для этого заранѣе были редижированы высокопарные бюллетени о побѣдахъ[1])“.

[1]) Les Dessous du Coup d'Etat, стр. 35—37. Paris, 1891. Издатель Savine.

Естественно, что, при такихъ условіяхъ, наиболѣе честолюбивые офицеры — мечтающіе о повышеніи въ чинахъ, — или тѣ, которые предпочитаютъ боевую жизнь казарменной, охотно принимаютъ участіе въ колоніальныхъ экспедиціяхъ, рискуя найти въ нихъ смерть. Они походятъ на средневѣковыхъ рейтаръ, рисковавшихъ своею жизнью ради платы и ради удовольствій своего ремесла, представлявшаго сплошной грабежъ. У нихъ нѣтъ даже тѣни альтруистическаго чувства къ человѣческимъ группамъ,

Въ конечномъ результатѣ военная профессія есть ремесло какъ всякое другое ремесло, и занимаются ею также какъ всѣми другими ремеслами. Это до такой степени вѣрно, что баронъ генералъ Фредерикс, военный аташе при русскомъ посольствѣ во Франціи, въ своей рѣчи на банкетѣ послѣ французскихъ маневровъ 1891 г., отъ имени своихъ товарищей — иностранныхъ военныхъ аташе — въ томъ числѣ и нѣмецкихъ, сказалъ:

«Наше присутствіе здѣсь есть доказательство солидарности, объединяющей насъ всѣхъ въ изученіи нашего славнаго военнаго ремесла.

Отъ имени моихъ товарищей, иностранныхъ военныхъ аташе, превозглашаю горячій тостъ за военнаго министра, и пр“ [1]).

Точно также говорили бы промышленники, коммерсанты, на корпоративномъ, интернаціональномъ банкетѣ. Эти слова показываютъ всякому мыслящему

[1]) Натоп, L. C., 1891 г. стр. 467,

человѣку, что „славное военное ремесло“ ничѣмъ не отличается отъ другихъ ремеселъ, нисколько не выше этихъ послѣднихъ.

Истина то, что теперь, какъ и въ предреволюціонную эпоху военные по профессіи занимаются своимъ ремесломъ не изъ патріотизма, а въ силу личнаго интереса, побуждаемые приманкой роскоши, половыхъ удовольствій и славы во время войны; а въ мирное время — приманкой легкой свѣтской жизни, почета и уваженія.

Глава III

Практика военнаго ремесла.

Армія создана для войны, и война есть цѣль каждаго профессіональнаго военнаго. Это не подлежитъ сомнѣнію; потому что во всѣхъ странахъ всѣ офицеры желаютъ войны. Капитанъ Де-Функе, военный аташе при нѣмецкомъ посольствѣ во Франціи, призналъ это въ слѣдующихъ словахъ: „*Офицеры желаютъ войны; потому что война — ихъ ремесло*“ [1]). Духъ войны дореволюціоннаго періода существуетъ еще и теперь: подобно средневѣковымъ рейтерамъ, профессіональные военные, практикуя „славное военное ремесло“, предаются грабежу, насилію, воровству, пожару.

Война есть цѣль профессіональныхъ военныхъ, поэтому она — война — даетъ намъ факты, обна-

[1]) Натоп, L. C. 1891, стр. 469.

руживающіе профессіональную сущность людей военнаго ремесла. Мы видимъ, что и теперь наши, такъ называемыя, цивилизованныя арміи совершаютъ такіе же всевозможные ужасы, какіе практиковались въ большихъ войнахъ арміями прошлыхъ вѣковъ. Послѣ битвы всегда бываютъ многочисленные пожары, убійства, воровство, насиліе. Вотъ доказательства:

Массена, герцогъ Риволійскій, князь эсслингскій, незаконно удержалъ въ свою пользу 300,000 ливровъ изъ суммъ конфискованныхъ у непріятеля. Онъ поручилъ своему адъютанту отдать на сохраненіе вѣрнымъ лицамъ захваченное серебро и деньги. Такъ генералъ-адъютантъ Ландріе нашелъ у двухъ священниковъ два ящика, принадлежащіе Массенѣ, заключавшіе въ себѣ серебрянныя вещи, награбленныя въ церквахъ и въ частныхъ домахъ, и 310,077 фр. [1]).

Маршалъ Ожеро, герцогъ Кастильонскій, перъ Франціи, наполнилъ цѣлый фургонъ предметами, незаконно удержанными. За 60,000 франковъ онъ продалъ въ свою личную пользу 160 лошадей, отбитыхъ у австійцевъ. По его распоряженію ночью былъ ограбленъ богатѣйшій ювелирный магазинъ въ Болоньѣ. Добыча была сложена въ фургонъ Ожеро. Верона была разграблена въ отсутствіе Ожеро, поэтому онъ потребовалъ отъ городского муниципалитета свою долю добычи и получилъ пять кораблей, нагруженныхъ разными пряностями. Это было до такой степени несправедливо, что генералъ Шасранъ желалъ было завладѣть кораблями [2]).

---

[1]) Landrieux. Memoires. — Savine éditeur, Paris 1893. Cité par Trolard, L. C. p. 63—65.

[2]) Id. p. 260, 387, 390.

Въ Веронѣ была разграблена ломбардная касса. Офицеры похитили самые дорогіе предметы. „Каждый считалъ своею личною собственностью все, что находилъ“.

Въ одномъ домѣ офицеры вытребовали 60,000 ливровъ и не дали росписки въ полученіи этой суммы [1]).

Въ томъ же городѣ были конфискованы всѣ кареты и розданы генераламъ и полковникамъ. Оставшіяся были проданы въ пользу низшихъ офицеровъ [2]).

Генералъ Балланъ и Кильманъ вытребовали отъ веронскаго муниципалитета по 200,000 ливровъ, а Ландріе 150,000 [3]).

Генералъ Деспинуа, командуя войсками, расположенными въ Ломбардіи, обнаружилъ мало честности и много любви къ деньгамъ [4]).

Во время этой Итальянской кампаніи, офицеры забирали лично для себя въ Плезансѣ бѣлье, обувь, лошадей [5]).

Въ Мартѣ 1797 года, генералъ Лапуссъ захватилъ 60,000 франковъ въ кассѣ Чіуссы. Деньги были французскіе и не могли быть предметомъ добычи [6]).

Воровство было организовано и до такой степени, что 18 Февраля 1797 г. Бонапартъ писалъ Директоріи: „Комиссія художниковъ сдѣлала обильную *жатву* въ Равеннѣ, Римини, Пезаро, Анконѣ, Лоретти и Перуджіи. Скоро все будетъ отправлено вамъ.

---

[1]) Corr. ined. off. et cont. de Napoléon Bonaparte III, 81, 116, — Cité par Trolard L. C. p. 382, 383.

[2]) Landriex, L. C. Cité par Trolard, p. 387.

[3]) Ibid. p. 390.

[4]) Marmont, Memoires, I, 244. — Cité par Trolard, L. C., p. 444–445.

[5]) Trolard, L. C, p. 76.

[6]) Corresp. Napoléon I, III, p. 117 — Cté Trolard, p. 10, 11. De Rivoli à Marengo, Paris, 1893.

Присоединивъ это къ тому, что было выслано изъ Рима, *мы будемъ имѣть все, что было самаго лучшаго въ Италіи*, за исключеніемъ нѣсколькихъ предметовъ, находящихся въ Неаполѣ и Туринѣ“ [1]).

Виценскій комендантъ заставлялъ платить ему по 525 ливровъ столовыхъ каждые десять дней мѣсяца и сверхъ того по 400 ливровъ ежемѣсячно, тогда какъ ему полагалось только по шесть ливровъ въ день [2]).

Начальникъ бригады Дюпюи писалъ изъ Милана: „Я одѣлъ моихъ людей заново, но чего мнѣ это стоило! Я кралъ все, что могъ, потому что здѣсь всѣ воруютъ“ [3]).

Въ Виценчѣ ломбардная касса была секвестрована французскими властями. Когда были наложены печати, военный коммисаръ Букэ похитилъ драгоцѣнные предметы [4]).

Въ Веронѣ коммиссаръ съ генераломъ Шабраномъ похитили 20,000 фунтовъ серебра изъ ломбардной кассы и вынудили 25,000 червонцевъ отъ муниципалитета. Рапортуя Директоріи о восьми коммисарахъ распорядителяхъ, Кларкъ аттестуетъ двухъ изъ нихъ *безчестными*, одного *мало* деликатнымъ; изъ пятидесяти четырехъ военныхъ коммиссаровъ, находившихся на службѣ, двадцать одинъ аттестованы какъ люди, *безразличной* или *сомнительной честности*, одинъ какъ *шарлатанъ*, одинъ какъ *торгашъ старыми вещами*. Эти коммиссары были изъ офицеровъ и когда то участвовали въ бояхъ. Букэ былъ подъ

---

[1]) Trolard, p 111. De Rivoli à Marengo.

[2]) Corr. de Napoléon I; III, 377, — Cité Trolard. p. 233, 234. De Rivoli à Marango.

[3]) Archives municipales de Toulouse. — Trolard. p. 394. De Rivoli à Marengo.

[4]) Trolard, p. 233. De Rivoli à Marengo.

подъ военнымъ судомъ за воровство брильянтовъ и драгоцѣнныхъ вещей въ ломбардной кассѣ Падуи и Веценчіи. По этому поводу генералъ Кильманъ писалъ Букэ. „Между людьми, которые васъ преслѣдуютъ, есть люди, заслуживающіе болѣе васъ упрека въ воровствѣ и грабежѣ. Если судятъ васъ, то должны судить и многихъ другихъ, или сказать, почему ихъ не судятъ, если не будетъ установлено, что эта армія имѣетъ привиллегированныхъ воровъ". Букэ былъ осужденъ 3 Іюля 1797 г. на три года заключенія. Генералъ Кильманъ писалъ ему: „Вы хорошо сдѣлали, что отвѣчали презрительнымъ молчаніемъ вашимъ, *такъ называемымъ*, судьямъ. Это *палачи*, которые принесли васъ въ жертву!... Я опять повидаюсъ съ главнокомандующимъ (Бонапартъ), онъ не можетъ дольше оставаться глухимъ къ голосу справедливости... *Я заранѣе даю вамъ положительное увѣреніе, что вамъ будетъ оказана справедливость.* Дѣйствительно, 10 Января 1798 г. ревизіонный военный судъ отмѣнилъ приговоръ, и 13 Августа второй военный судъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Фіорелли, оправдалъ Букэ, *по распоряженію сверху.* Во время Имперіи, Наполеонъ назначилъ Букэ, пенсію въ 2,400 франковъ изъ своей личной кассы [1]).

Ландріе въ своихъ Мемуарахъ (Memoires) пишетъ: „Мюратъ и Виньоль вышли изъ прекрасной англійской кареты, конфискованной, по словамъ Мюрата, у англійскаго консула въ Ливурно, откуда они пріѣхали. Мюратъ просилъ меня взять карету на сохраненіе на нѣсколько дней, пока представится случай

---

[1]) Leonce Grasilier. Jean Landrieux, генералъ-адъютантъ, завѣдывавшій секретнымъ бюро, 1756—1824, p. 254—261. Paris, in-8, 1893. Sayine éditeur. — M. Grasilier ссылается какъ на источники на Archives Nationales et de la Guerre. Онъ съ точностью указываетъ дѣла или номера бумагъ.

продать ее. Онъ не хотѣлъ взять ее съ собою въ Миланъ, боясь, что Бонапартъ забереть ее себѣ. Виньоль сказалъ мнѣ, что всѣ они — офицеры главнаго штаба — получили приблизительно по 60,000 франковъ изъ долговыхъ коммерческихъ суммъ ливурнцевъ англичанамъ. Колло, которому были поручены розыски этихъ суммъ, принудилъ должниковъ внести эти суммы, которыя затѣмъ и были раздѣлены [1]).

Въ замѣткахъ, сообщенныхъ Бонапартомъ Кларке, и приведенныхъ въ Lettre au Directoire, которое можно видѣть въ Національныхъ Архивахъ, A, F. III, 72. doss. 291, находятся слѣдующія слова: Массена очень любитъ деньги; Ожеро очень любитъ деньги; Мюратъ и Шабранъ тоже. Ланнъ очень либитъ деньги и добываетъ ихъ путями неодобрительными съ точки зрѣнія честности" [2]). Дѣло идетъ о генералахъ.

За нѣкоторыми офицерами тянулись повозки, чтобы было куда складывать награбленную добычу. Дивизіонные генералы, кромѣ Серюрье и Барегъ-Ильера, смотрѣли на это дѣло сквозь пальцы [3]).

Австрійскій генералъ Мелькамъ, принужденный оставить Павію, не хотѣлъ уйти съ пустыми руками. Угрозой сжечь городъ онъ вымучилъ отъ павіанцевъ, *друзей* Австріи 40,000 франковъ. Уходя, онъ для развлеченія взорвалъ арки моста [4]).

Въ 1897 г., генералъ Шабранъ, проходя черезъ Бресчію, заставилъ муниципалитетъ заплатить ему 40,000 ливровъ, и нагрузилъ ими повозку, которою правилъ отецъ сожительницы генерала [5]).

---

[1]) Léonce Grasilier. — L. C., p. 198.

[2]) Léonce Grasilier. — L. C. p. 262.

[3]) Trolard, L. C., p. 123—124.

[4]) Рукописи Fenini въ Университетской бібліотекѣ Павіи,— Цитата изъ Trolard'a, L, C. p. 136.

[5]) Landrieux, L, C. Цитата изъ Trolard'a, p. 190.

Генералъ Шевалье, которому было поручено обезоружить жителей Кастельнюово, взялъ себѣ не только австрійскую кассу, но и деньги графа Морандо[1]).

Генералъ Бертье, впослѣдствіи маршалъ и князь Ваграмскій, умѣлъ *извлечь много выгодъ* изъ итальянскаго похода. Ландріе даетъ на этотъ счетъ слѣдующія цифры:

Подѣленная съ Массеной ливурнская контрибуція, 300,000 франковъ, половина которой составляетъ	150,000
Подѣленные съ Массеной доходы, собранные, въ зачетъ Массены, Болонье и Ферраре и доходившіе до 293,000 ливровъ, половина этой суммы составляетъ . . .	146,000
Подѣленные съ Массеной налоги, собранные съ Пьемонтцевъ и Миланцевъ, 34,000 цехиновъ, въ 12 фр. каждый. Половина этой суммы составляетъ . .	204,000
Денежная благодарность, врученная въ Миланѣ, назначенная Бонапартомъ управителю Ломбардіи	1,500,000
Итогъ, не включая драгоцѣнностей, лошадей, повозокъ, и пр. . . .	2,000,000
За вычетомъ, причитающейся на Массену, доли вслѣдствіе отбитаго непріятелемъ въ Боргофортѣ фургона съ 34,000 выше упомянутыхъ цехиновъ	204,000
Остается [1]) . .	1,796,000

[1]) Ibid., p. 111—223.

[2]) Léonce Grasilier, L. C. p. 319.

Въ Буффарикѣ находятся часы, подаренные генераломъ Пелисье по взятіи Севастополя. Пелисье укралъ эти часы въ одной церкви [1]).

Большой крестъ, возвышающійся на церкви С. Мартена, въ Брестѣ, снятъ съ одной севастопольской церкви.

П. Бранда сообщаетъ, что адъютантъ генерала Х... говорилъ ему: „Послѣ разграбленія Лѣтняго Дворца (Китайская война), мы поспѣшили зажечь его; каждый изъ насъ видѣлъ въ немъ своего обвинителя. Тамъ была библіотека, столь же драгоцѣнная, какъ александрійская. Она была предана пламени [2]).

„Вы не можете повѣрить, до какой степени неистовства дошелъ грабежъ во дворцѣ... Офицера, срывавшаго жемчугъ съ золотого дерева завистливый хищникъ ударилъ съ руганью, но тотъ и не повернулся“ [3]).

„Одинъ изъ важныхъ участниковъ китайской экспедиціи говорилъ въ Шанхаѣ, во время большого полу-оффиціальнаго обѣда: за двадцать піастровъ я купилъ у солдата двѣ громадныхъ вазы и двѣнадцать бокаловъ изъ метала. Меня соблазнила красота работы. Судите же о моемъ удивленіи, когда я узналъ отъ китайца, золотыхъ дѣлъ мастера, что эти вещи изъ золота. — Ну хорошо! сказалъ одинъ изъ слушателей, а что же солдатъ? — Я его напрасно разыскивалъ, пробормотала въ отвѣтъ важная персона [4])

Одинъ изъ пассажировъ говорилъ мнѣ, не стѣсня-

---

[1]) Hamon, L. C., anée 1891, p. 540.

[2]) Paul Branda. Mers de Chine, p. 63. — Paris, 187[illegible] Pichon éditeur. — P. Branda есть псевдонимъ контръ-адмирала P. Réveillère. Онъ участвовалъ въ Китайской экспедиціи.

[3]) Ibid. p. 64.

[4]) Ibid. p. 64.

ясь: „ За недостаткомъ двухъ піастровъ я не смогъ устроить свою судьбу. Солдатъ предлагалъ мнѣ за два піастра оливковидную жемчужину чистѣйшей воды. Большой діаметръ ея былъ больше двухъ дюймовъ. Подвернувшійся Б..... далъ два піастра“ [1]).

Полковникъ Дюпенъ (Бранда не называетъ его) привезъ изъ Китая багажъ объемомъ въ 80 кубическихъ метровъ! Не дурно шли дѣла въ Пекинѣ! Онъ привезъ разныя рѣдкости и *открылъ торговлю китайскими вещами* [2]). За этотъ публичный скандалъ онъ былъ отчисленъ въ запасъ. Разсказывали, что многія изъ этихъ вещей онъ насильно взялъ у солдатъ.

Что касается воровства, убійствъ, и пр., совершенныхъ на французской территоріи нѣмецкой арміей въ 1870 году, то я могу доказать ихъ лучше всего выдержками изъ разсказа баварскаго поручика Эммара.

Этотъ офицеръ во время войны изо дня въ день писалъ замѣтки въ тетради, которая была найдена на немъ послѣ его смерти. Писатель Генри Готье Вилляръ, въ 1892 году, опубликовалъ многое изъ этого дневника въ Revue Bleue. Къ сожалѣнію этотъ ученый, щадя стыдливость читательницъ, пропустилъ мысли офицера [3]) о женщинахъ. Не смотря на пропуски, опубликованныя мѣста очень поучительны, какъ можно судить по слѣдующимъ цитатамъ :

---

[1]) Ibid. p. 65.

[2]) Ibid. p. 66.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что Эммаръ не любилъ войны: въ своемъ дневникѣ. 15 августа, онъ писалъ: «Слава Богу. Война кончается!

7 Августа.—Сегодня утромъ грабятъ, берутъ цыплятъ, гусей, поросенка. Почата бочка съ виномъ. Дрова для кухни берутъ у жителей. Кутежъ".

8 Августа.—Въ Цинсвайгерѣ грабежъ и попойка. Мы уходимъ въ восемь часовъ, и я не думаю, чтобы объ насъ очень пожалѣли".

„17 Августа.—Вступаемъ въ Домбасль, гдѣ солдаты ужасно напиваются. Поручикъ Франкъ напился какъ стелька. Мнѣ съ трудомъ удалось отвести его въ его комнату, которую онъ такъ отдѣлалъ, что завтрашній жилецъ будетъ удивленъ оставленнымъ запахомъ".

„23 Августа. — Мелини-ле Петн. Бѣдная деревушка. Ужасныя блохи. Злые люди, которые встрѣтили нашихъ съ вилами въ рукахъ. Чтобы обучить ихъ хорошему поведенію, открываютъ свинину и вино и всю провизію, какую они спрятали. Имъ не оставляютъ рѣшительно ничего. Бьютъ палками крестьянина подъ предлогомъ, что онъ выстрѣлилъ въ капитана, что было просто ложью..."

„4 Октября. — Поручикъ Феверлейнъ добылъ пару хорошихъ лошадей. Онъ старался увѣрить, что получилъ ихъ въ подарокъ, и напрашивался, если удастся сбыть ихъ за пятсотъ-шестсотъ франковъ, взять его деньги на сбереженіе. Такимъ образомъ онъ выставлялъ себя безкорыстнымъ, неспособнымъ взять ни малѣйшую вещичку. Между тѣмъ по утвержденію поручика Верлэ, деньщикъ Феверлейна еще въ Клерѣ спряталъ въ вѣрное мѣсто серебряную посуду"!

„12 Октября. — Хорошо проспалъ ночь у приходского священника, несмотря на адскій шумъ людей, горланившихъ на улицѣ. Утро я провелъ въ розыскахъ по домамъ и нашелъ много хорошаго, между прочимъ прекрасную трубку и превосходное ружье шаспо, которыя я заботливо упаковалъ. Вчера мой деньщикъ принесъ два шерстяныхъ одѣяла. Беру ихъ

для себя. Уношу съ собою восемь бутылокъ хорошаго коньяку, вино, шоколадъ, сахаръ, кофе и пр. Съ этими вещами можно совершать походъ. *Взорвали два дома* одинъ за другимъ, *въ которыхъ находились двѣ дѣвушки.*

„Священникъ сказалъ, что мы поступали какъ мошенники. Но, быть можетъ, французы на нашемъ мѣстѣ держали бы себя еще хуже“.

Офицеръ, участникъ тонкинской экспедиціи, писалъ: „Я забиралъ трубки, чашки, (у аннамитовъ въ то время входилъ въ моду чай), все, что казалось мнѣ подходящимъ... Захватилъ также красивое ружье и копье, изъ за обладанія которымъ у меня чуть не вышла исторія, но я во время послалъ пулю собственнику вещей[1]).

Въ газетахъ за 13 и 20 Января 1892 г. было напечатано оффиціальное извѣщеніе, что Морское министерство имѣло заняться распредѣленіемъ вещей, причитавшихся на каждаго солдата, участвовавшаго въ какомъ нибудь бою въ Тонкинѣ, въ промежутокъ времени отъ 25 апрѣля 1882 г. по 17 октября 1884 г. Доля приходившаяся на солдата колебалась между 0,14 фр. и 168,48 фр. Поручики и подпоручики получили двѣ —три доли, капитаны — четыре, высшіе офицеры — пять; командиръ отряда — шесть.

Послѣ этихъ примѣровъ воровства и грабежа, взятыхъ изъ тысячи фактовъ, укажемъ нѣсколько примѣровъ дикости [2]):

---

[1]) Hamon. L. C., années 1890, p. 208. T. II.

[2]) Потребовались бы цѣлые тома, если бы мы пожелали излагать всѣ эти факты, съ снисходительностію перечисляемые въ описаніяхъ войнъ и завоеваній всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Они ярко изображены Бине на картинѣ, которую мы видѣли въ 1893 г. въ художественной галереѣ

24 Мая 1796 г., батальонъ подъ командой Ланна вступаетъ въ Бинаско какъ въ аттаку. Дома наводнены солдатами. Въ первомъ домѣ, куда ворвались солдаты, три рабочихъ собирались обѣдать. Они были исколоты штыками.... Это была охота на людей, самая ужасная, какую можно себѣ представить... Ланнъ приказалъ поджечь весь городъ, не исключая ни одной улицы [1]).

Молодая жена одного непріятельскаго офицера *досталась при дѣлежѣ на долю* Массены. Онъ сейчасъ же запер ся съ ней въ одномъ домѣ въ Дего, гдѣ *эта часть добычи* помѣшала ему принять нужныя предосторожности по службѣ [2]).

Въ Дего австрійцы набросились на спавшихъ, напившихся до потери сознанія, людей [3]).

Муниципалитетъ Онелля сообщилъ Правительству Республики: «Уваженіе къ личности было нарушено по отношенію къ четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Эту дѣвушку, уже около мѣсяца страдавшую лихорадкой, застали въ постели офицеръ и четыре другихъ человѣка...Пользуясь слабостію дѣвушки, они всѣ одинъ за другимъ обезчестили ее... Грабили дома. Забирали все, что могли унести [4]).

Священникъ Альбергини,очевидецъ событій 1796—1797 гг. писалъ въ своихъ замѣткахъ, «что австрійцы

Марсова Поля. La Melée (стычка), такъ названа эта страничка изъ военной исторіи, изображающая французскихъ моряковъ, аттакующихъ прусскихъ солдатъ. Можно бы подумать, что это дикіе, ревущіе, воющіе. Это ужасно!

[1]) Trolard, L. C. стр. 168.

[2]) Генералъ лейтенантъ графъ де-Сегюръ. Memoires. Цитата изъ Trolard'a.

[3]) Piuma, австрійскій военный священникъ. Récit historique de la compagne de Bonaparte en Italie par un témoin oculaire. Изъ Trolard'a.

[4]) Trolard, L. C. p. 60 по Archives Nationales.

совершали большія насилія, хищенія, воровство. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать французовъ, они грабили дома. Два ни въ чемъ неповинныхъ человѣка были убиты... Французы начинаютъ свои подвиги въ нашемъ краѣ, и хотя австрійцы почти разорили насъ, тѣмъ не менѣе 29 іюля возобновляется съ прежней силой грабежъ и опустошеніе» [1]).

Тирманъ, алжирскій генералъ-губернаторъ, говорилъ въ Сенатѣ, «что завоеваніе Кабиловъ разорило страну: нужно было сжечь большую часть деревень, пришлось вырубить деревья. Покорившіеся намъ были обречены такимъ образомъ на продолжительныя бѣдствованія [2]).

Я могъ бы указать на пожаръ Базейля и на массу другихъ дикихъ и жестокихъ фактовъ, совершенныхъ нѣмецкою арміею. Раньше (дневникъ поручика Эмара) я отмѣтилъ и обратилъ особенное вниманіе на одинъ изъ такихъ фактовъ.

Достаточно лишь упоминанія о свирѣпомъ, кровавомъ подавленіи Коммуны версальцами. Многіе не знаютъ объ немъ или отрицаютъ его; но время дѣлаетъ свою работу, и скоро будетъ возможна безпристрастная исторія этой бурной эпохи. Уже и теперь возможенъ правильный взглядъ на Коммуну благодаря Journal d'un vaincu, П. де-Ляно, Histoire d'un Trente sous Суттеръ-Лавмана, Sous le drapeau rouge Л. Баррона и др. Я ограничусь цитатой одной фразы С. Генеста, консервативнаго писателя и большого поклонника арміи: «Галифэ поступалъ какъ при разстрѣливаніи Коммунаровъ, когда онъ *по капризу* мѣнялъ номера» [3]).

Въ мексиканскую войну, начальникъ правительст-

---

[1]) Trolard, p. 30—31. De Rivoli à Marengo.
[2]) Hamon, L, C., Année, 1891, p. 84,
[3]) Ibid. p. 423.

венныхъ партизанскихъ отрядовъ полковникъ Дюпенъ, очень прославился своею жестокостью.

Вотъ иллюстрація: «Во главѣ своего отряда онъ приходитъ въ одно помѣстье. Съ большимъ почетомъ принимаютъ этого ужаснаго гостя. Хозяинъ устраиваетъ богатую пирушку. Полковникъ держитъ себя очень мило, какъ человѣкъ любезный, съ изысканными манерами: „Право, дорогой мой, сказалъ онъ за дессертомъ, обращаясь къ хозяину, вы устроили намъ прекрасный обѣдъ, съ пріятностію настоящаго джентлмена. — Я очень радъ, полковникъ, что доставилъ вамъ удовольствіе. Я надѣюсь, что и еще увижу васъ за моимъ столомъ. — Не думаю. — Почему же, господинъ полковникъ? О, Боже мой! Потому что.. васъ сейчасъ повѣсятъ... Вы шутите, господинъ полковникъ? — О! нѣтъ, чортъ возьми, я не шучу!.... Посмотрите въ окно, вы увидите вашу висѣлицу.... Поглядите, прибавилъ онъ, протягивая письмо, вѣдь это ваше... Вы любезный человѣкъ, но все таки васъ повѣсятъ“. Несчастнаго повели на смерть, а полковникъ, ковыряя себѣ въ зубахъ, говорилъ: „Если бы я повѣсилъ его раньше, мы бы плохо пообѣдали“ [1]).

Въ 1841 г., во время завоеванія Нижней-Кохинхины, командиръ Z. *разстрѣливалъ всѣхъ, кого встрѣчалъ на пути*, боясь, чтобы не ускользнулъ ни одинъ пиратъ. Командиръ X. ежедневно *украшалъ* ими кѣмъ нибудь изъ аннамитовъ [2]).

Овладѣвъ Біенъ-Гоа, капитанъ Y. взялъ сто человѣкъ въ плѣнъ и сообщилъ о своемъ успѣхѣ. Ночью часть плѣнныхъ бѣжала. *Не желая измѣнить показанной цифры, онъ пополняетъ недостающее число*

---

[1]) Paul Branda. L. C., p. 66, 67.
[2]) Ibid. p. 84.

плѣнныхъ земледѣльцами, которыхъ онъ набираетъ въ подчинившихся мѣстахъ [1]).

Одинъ изъ нашихъ мэровъ привелъ пиратовъ командиру Х., который будучи занятъ въ этотъ моментъ неотложными дѣлами, лаконически отвѣтилъ: повѣсить ихъ! Плѣнники съ азіатскимъ равнодушіемъ всунули головы въ роковыя петли. Одинъ, впрочемъ, очень сопротивлялся, но и его повѣсили. Командиръ Х., освободившись отъ своихъ занятій, хотѣлъ поздравить мэра, но этого упрямца нельзя было найти [2]).

Въ 1862 г. французы жгли деревни, которыя не подчинились, или, вѣрнѣе, жгли *все*, боясь ошибки. Грабежи, убійства, пожары наполнили страну слезами и кровью [3]).

Командиръ Х. говорилъ: «вѣшайте! постоянно вѣшайте!... *Правыхъ* и виноватыхъ, все равно,; наша цѣль — ужасъ — будетъ достигнута» [4]).

Морской офицеръ К., командиръ канонерки и начальникъ округа говорилъ своему сослуживцу Ревеньеру: «Когда я опасаюсь возмущенія въ какой нибудь деревнѣ, то приказываю схватить въ ней почетныхъ жителей, и вѣшаю ихъ, при первыхъ признакахъ волненія деревни... Вчера одинъ оборвалъ у меня двѣ веревки. Я ему додарилъ новую. Онъ вертѣлся, вертѣлся, разсучивая веревку... *Очень было смѣшно*... Порвалась и новая веревка... Онъ все таки не умеръ. *Наконецъ я приказалъ убить его.* Кстати, сказалъ К., обращаясь къ своему лейтенанту, не забудьте распорядиться, чтобы завтра утромъ въ каждой намѣченной деревнѣ повѣсили по одному человѣку» [5]).

---

[1]) Ibid. p. 84.
[2]) Ibid. p. 85.
[3]) Ibid. p. 102.
[4]) Ibid. p. 117.
[5]) Ibid. p. 135.

Во время экспедиціи Ф. Гарнье, по взятіи Гонойи, французы сложили большое количество провіанта и боевыхъ припасовъ въ цитадели. По этому предмету помощникъ морскаго инспектора писалъ слѣдующее: «Нѣтъ ничего курьезнѣе, какъ эти маневрирующіе бѣдняки (мущины и женщины аннамиты). Унтеръ-офицеръ, назначенный смотрѣть за ними и вести ихъ не зналъ ни одного слова по аннамитски. Жестами замѣнялись у него слова: *всегда вооруженный большой дубиной*, *которой онъ*, нужно сказать къ его чести, *никогда не употреблялъ безъ успѣха*, онъ заставлялъ свой маленькій отрядъ маршировать съ точностію пруссаковъ» [1]).

Въ Тонкинѣ, генералъ де-Негріе приказалъ, неизвѣстно для чего, отрубить головы у 640 китайскихъ труповъ и сдѣлать изъ нихъ пирамиду [2]).

Въ Суданѣ, полковникъ Аршинаръ разстрѣлялъ плѣнниковъ взятыхъ при Ніоро. Туземцамъ была обѣщана награда за каждую принесенную голову непріятельскаго солдата [3]).

Въ маѣ 1891 г., подполковникъ Лефевръ былъ посланъ въ Нижній Казамансъ, чтобы сжечь деревню Селики, въ наказаніе за убійство, совершенное въ 1886 г. Французскій областной управитель протестовалъ въ виду того, что за это убійство уже мстили нѣсколько разъ, т. е. что деревню уже сжигали нѣсколько разъ; а также, что онъ — управитель — можетъ сказать все только въ пользу жителей. «Если тутъ нечего дѣлать, то не стоило насъ тревожить», сказалъ подполковникъ Лефевръ. На другой день онъ

---

[1]) Maurice Dubard. Une expedition au Tonkin, p. 81—82. — Paris, 1882. Dentu éditeur.

[2]) Harmant. La verité sur la retraite de Langson, p 94. Paris 1892. Savine, éditeur. — Псевдонимъ капитана.

[3]) Hamon. L. C. année 1891, p. 218.

зажегъ деревню въ тотъ моментъ, когда жители ея водружали трехцвѣтное знамя въ честь прихода французскихъ солдатъ. Скотъ и птица были проданы въ пользу войска [1]).

Въ 1890 г. капитанъ Махмаду-Расинъ, прикомандированный къ генеральному штабу, присвоилъ себѣ сто рабовъ... Если начальникъ какого нибудь поста стремится къ наживѣ, то онъ крадетъ и скотъ и зерно, не думая о послѣдствіяхъ [2]).

Въ Массауагѣ, поручикъ Ливраги, убилъ въ нѣсколько разъ восемьсотъ абиссинцевъ, по приказанію военныхъ властей. Это признаетъ генералъ Балдиссера на судѣ, оправдавшемъ поручика. По мнѣнію генерала Ореро, это было ничто иное, какъ примѣненіе военныхъ законовъ въ военное время [3]).

Въ бельгійскомъ Конго, начальникъ экспедиціи Вандерговенъ, разстрѣлялъ въ декабрѣ 1891 года, 1800 плѣнныхъ арабовъ, какъ сообщила пресса; по оффиціальному же отчету было разстрѣляно двѣнадцать человѣкъ. Слоновую кость отбирали въ пользу государства. По сообщенію телеграфа, арабы были мирные, по оффиціальному донесенію бельгійскаго поручика Понтье, арабы грабили черныхъ [4]).

Е. Сенжери, старшій вахмистръ морской артиллеріи, передаетъ, что «въ сраженіи при Догбѣ (дагомейская экспедиція), добивали всѣхъ подававшихъ признаки жизни [5]).

«.... *Полковникъ Додсъ приказалъ безпощадно разстрѣливать раненныхъ и плѣнныхъ*, попадаю

---

[1]) Ibid. p. 683.

[2]) Капитанъ Peroz. — Au Soudan français. Paris 1892. Calman-Levy, éditeur.

[3]) Journaux de mars et novembre 1891.

[4]) «Matin» 21 et 22 mai 1892.

[5]) «Autorité», 9 novembre 1892.

щихся въ наши руки. Приказъ этотъ выполнялся въ точности. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ при Догбѣ, оказались двѣ амазонки. Послѣ допроса, онѣ подверглись общей участи» [1]).

«Въ дѣлѣ при Тонгуэ *взяли въ плѣнъ восемь амазонокъ, которыя потомъ были разстрѣляны*» [2]).

«Наши кавалеристы захватили въ плѣнъ трехъ нѣмцевъ и одного бельгійца, служившихъ офицерами въ арміи Беганзина. *Послѣ короткаго допроса, полковникъ Додсъ приказалъ ихъ разстрѣлять*» [3]).

Приводимъ страничку изъ опубликованнаго Шишолемъ разсказа одного солдата. «Въ Зону былъ захваченъ наблюдавшій за нами дагомеецъ. Полковникъ допрашивалъ его; но тотъ не хотѣлъ дать никакихъ объясненій, рѣшительно никакихъ указаній. *Во избѣжаніе всякаго безпокойства, мы его закололи*... Приходилось голодать и мучиться жаждой. Трудно было, да что дѣлать! Походъ не забава! *Мы развлекались тѣмъ, что стрѣляли дагомейцевъ*... [4]).

«Дорого обходятся побѣды. Сколько убито офицеровъ! Но *замѣчательно* интересна эта война!.... Сегодня утромъ полковникъ Додсъ поздравилъ меня *и пригласилъ на рюмку абсента*... *Сабля моя красна*, сказалъ полковникъ, *потому что многихъ изрубилъ я ею!*. Цѣлую васъ, мои дорогіе», писалъ капитанъ Кремье-Фоа, 5 октября изъ стоянки Погесса [5]).

Приведенные симптоматическіе факты свидѣтельствуютъ, что духъ хищничества и дикости, столь

---

[1]) «XIX Siècle» 10 novembre 1892.
[2]) Ibid. 11 novembre 1892.
[3]) «Figaro», novembre 1892.
[4]) Ibid.
[5]) «Journal» 19 novembre 1892.

свойственной солдатамъ древнихъ временъ, живучъ и въ теперешнихъ арміяхъ. Убійства, воровства, пожары, насилія совершаются въ наше время точно также какъ и прежде и доказываютъ рутину человѣческаго духа, не смотря на безспорно совершенный имъ прогрессъ. Это повтореніе въ разныя эпохи совершенно аналогичныхъ фактовъ при развившейся чувствительности и морали, говоритъ о томъ вліяніи, какое производитъ коллективная среда на психику человѣка.

Существуетъ общепринятый взглядъ, что люди, принимающіе участіе въ войнѣ, привыкаютъ къ ней, и что изъ этой привычки къ крови неизбѣжно возникаютъ кровавые поступки, образчики которыхъ мы сейчасъ приводили. По данному нами опредѣленію преступленія, война есть преступленіе. Философія должна осуждать войну, но она должна также признать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди, для самозащиты отъ преступныхъ дѣйствій другихъ, бываютъ принуждены дѣйствовать преступно. Именно эта польза обороны помѣшала намъ брать примѣры изъ фактовъ самихъ сраженій, и мы искали ихъ въ массѣ явленій сопутствующихъ битвамъ.

Поступки, типическіе примѣры которыхъ мы указали, безполезны, часто даже вредны не только для совершающаго ихъ лица, но и для коллективной единицы или группы, членомъ которой служитъ данное лицо. Отъ этихъ поступковъ нимало не увеличивается слава ни отдѣльнаго лица, ни націи; и тѣмъ не менѣе они всегда сопутствуютъ войнѣ, составля-

ютъ ся неизбѣжный элементъ, являются даже квинтъ-эссенціей «славнаго военнаго ремесла».

Въ чемъ кроются причины этихъ преступленій? Тутъ очень рѣдко дѣйствуетъ ненависть, чувство столь свойственное человѣку, чувство благородное, хотя и варварское. Аннамиты, Китайцы, Итальянцы, Абиссинцы, Французы, Суданцы, Нѣмцы, Австріяки и др., не имѣли ненависти къ своимъ врагамъ, къ тѣмъ, надъ кѣмъ совершали указанныя выше преступныя дѣйствія. Ненависть имѣетъ мѣсто въ междоусобіяхъ, въ дѣйствіяхъ политическихъ или соціальныхъ. Въ нихъ и побѣдители и побѣжденные совершаютъ преступленія безусловно дикія, звѣрскія.

Причины вышеуказанныхъ нами преступленій — низки. Онѣ ведутъ свое вѣковое начало отъ нашихъ предковъ, объединившихся въ племена, которыя постоянно враждовали между собою, считали похвальнымъ и славнымъ всякое воровство, всякое хищеніе, всякое убійство, совершенное надъ чужимъ, т. е. надъ врагомъ. Да и теперь, развѣ профессіональные военные не считаютъ за славу имѣть ордена, какъ доказательсяво ихъ военныхъ подвиговъ, то есть доказательства того, что они убили много враговъ, жгли деревни, грабили дома, совершали всякія насилія надъ дѣвушками, надъ людьми? Точно также темнокрасные Индѣйцы считаютъ славой имѣть много скальповъ или волчьихъ хвостовъ; потому что они говорятъ объ ихъ храбрости въ бою, о множествѣ совершенныхъ ими убійствъ, грабежей и пр. Въ этомъ

наслѣдственномъ пережиткѣ надо видѣть коренную причину указанныхъ преступныхъ дѣйствій.

Но вліяютъ и другія второстепенныя причины. Насыщенная кровью среда, какъ результатъ боя, притупляетъ, атрофируетъ на время или на всегда чувствительность, свойственную животнымъ и развитую въ человѣкѣ послѣдовательными вліяніями цивилизаціи. Это опьяненіе кровью, эта нравственная безчувственность побуждаютъ человѣка къ самымъ позорнымъ поступкамъ, которые онъ совершаетъ, не давая себѣ отчета въ своемъ поведеніи. Сражающійся или спасается отъ опасности или подвергается ей. Въ немъ происходитъ, такъ сказать, прекращеніе всякой мозговой работы за исключеніемъ мысли о наслажденіи, и такъ какъ въ немъ есть сила, то онъ употребляетъ ее для удовлетворенія своихъ желаній, для полученія наслажденій, ни мало не думая о какомъ бы то ни было ущербѣ, наносимомъ имъ другимъ людямъ.

Эти преступленія, имѣющія мѣсто послѣ борьбы, совершаются, обыкновенно, коллективными единицами, а не отдѣльно взятыми индивидами. Тутъ происходитъ своего рода соревнованіе. Въ числѣ факторовъ здѣсь выступаетъ подражательность, толкающая на путь преступленій. Слѣдующей второстепенной причиной этихъ преступленій служитъ неуязвимость, свойственная профессіональнымъ военнымъ. Извѣстенъ стоицизмъ французовъ, раненныхъ подъ Ватерлоо. Доказательства мы находимъ также въ запискахъ XVII и XVIII ст., сообщающихъ случаи быстраго излѣченія, можно ска-

зать, смертельныхъ ранъ, полученныхъ въ бою, или на дуэли. Укажу на случай съ генераломъ Галифе.

Въ Мексикѣ «страшно раненный въ бою, онъ, какъ разсказываютъ, былъ брошенъ въ числѣ мертвыхъ. Однако, придя въ себя, онъ смогъ доползти съ разорваннымъ животомъ до лазарета, куда вошелъ неся кишки въ кепи. Императоръ спросилъ жену Галифе: «Должно быть, вы очень безпокоились, узнавъ изъ газетъ, какъ тяжело раненъ вашъ мужъ? — О! нѣтъ, Сиръ, отвѣтила съ ангельской улыбкой госпожа Галифе, ему всегда такъ все удается!» [1])

Простой народъ въ этой крѣпости организма видитъ твердость характера; и тутъ нѣтъ конца похваламъ. На самомъ же дѣлѣ такая физическая нечувствительность есть наслѣдственный животный остатокъ и служитъ показателемъ низшей мозговой организаціи. Дѣйствительно она встрѣчается у большихъ уголовныхъ преступниковъ, то есть у людей съ уклоненіями отъ нормальнаго типа. У профессіональныхъ военныхъ она вліяетъ на нравственную чувствительность — разрушаетъ ее въ меньшей или большей степени и позволяетъ совершеніе тѣхъ поступковъ, которые насильно, грубо, причиняютъ вредъ индивидуальной свободѣ.

Наконецъ, играетъ роль и привычка, благодаря которой признаются натуральными и нравственными тѣ

---

[1]) M-me Carette (née Bouvette). Souvenirs intimes de la Cour Tuileries, p. 234, 235. — Paris, 1889. Ollendorf, éditeur.

поступки, которые прежде считались противоестественными и безнравственными. Всѣ эти причины внутреннія и внѣшнія: атавистическій пережитокъ, физическая аналгезія или нечувствительность, нравственное безчувствіе, желаніе наслажденій, подражаніе и привычка, объясняютъ генезисъ указанныхъ преступленій, совершаемыхъ людьми предрасположенными легко поддаваться вліянію этихъ причинъ. Такое предрасположеніе данныхъ лицъ доказывается самимъ выборомъ профессіи, позволяющей совершать перечисленныя преступленія.

Сдѣланный психологическій анализъ профессіональнаго военнаго взятаго въ моментъ его профессіональной функціи, то есть во время войны, логически приводитъ къ заключенію, что виновники или авторы преступныхъ актовъ не отвѣтственны. Нужно осуждать эти поступки, но нѣтъ основанія дѣлать отвѣтственными за нихъ ихъ авторовъ. Если эти послѣдніе совершаютъ преступленія, то именно потому, что ихъ въ большей или меньшей степени побуждаетъ въ этому ихъ мыслительный аппаратъ, подчиненный вліянію подражанія и привычки.

Глава IV

Вліяніе профессіи на психику ея членовъ.

Нѣсколько только что очерченныхъ типовъ показали природу военной профессіи и дали возможность констатировать, что насиліе есть ея характеристическая

особеность. Нѣтъ нужды быть солдатомъ, чтобы знать это, достаточно хоть немного поразмыслить.

Лица, избирающія по призванію военную профессію, ясно обнаруживаютъ такимъ выборомъ природную склонность къ звѣрству. Они знаютъ, что функція военнаго — убивать и все таки вступаютъ на это поприще жизни. Несомнѣнно, что эти лица отличаются особою физіологическою организаціею, благодаря которой они оказываются болѣе способными выполнять убійственныя требованія военной профессіи чѣмъ другіе люди, по своей природѣ склонные къ торговлѣ, индустріи, искуствамъ, наукѣ. Слѣдовательно военные по профессіи — это люди съ готовой почвой: мезологическія условія профессіи отражаются на нихъ очень сильно, создавая спеціальное душевное настроеніе, которое можетъ быть констатируемо съ одинаковою легкостію какъ въ военное такъ и въ мирное время.

Профессіональные военные набираются изъ богатаго (дворянство и крупная буржуазія) и средняго класса. Это «славное военное ремесло» имѣетъ почти тотъ же источникъ рекрутированія своихъ членовъ, что и медицинскій міръ, учителя лицеевъ и гимназій, магистратура, наука, искуство, литература, инженерное дѣло. Всѣ эти лица этихъ разнообразныхъ профессій принадлежатъ къ одному и тому же общественному слою, вообще культурному, съ изысканными манерами, отдаленному отъ всего грубаго.

Нѣкоторое число военныхъ по профессіи бываютъ такими, такъ сказать, наслѣдственно: сыновья и по-

томки профессіональныхъ военныхъ они въ свою очередь вступаютъ на военное поприще, предрасположенные къ скорому приспособленію, благодаря семейному воспитанію, подчиненному отцовскому профессіональному вліянію.

Лица, избирающія военную профессію, въ большинствѣ случаевъ проходятъ спеціальныя школы. Тамъ они получаютъ особенное воспитаніе, которое будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше оно приготовитъ ихъ къ предстоящей имъ миссіи, то есть къ войнѣ. Изъ этого необходимо вытекаетъ восхваленіе всѣхъ большихъ убійцъ людей, — превознесеніе тѣхъ дѣйствій, которыя бываютъ связаны роковымъ образомъ съ завоеваніями, битвами, сраженіями. Эти кандидаты военной профессіи живутъ въ особенной атмосферѣ, гдѣ цѣлію ихъ усилій служитъ подражаніе военнымъ знаменитостямъ. Ганнибалъ, Цезарь, Тамерланъ, Чингисъ-Ханъ, Шарлеманъ, Валленштейнъ, Тилли, Кондэ, Тюреннъ, Морисъ Саксонскій, Бонапартъ съ его плеядой генераловъ, Мольтке, и др., представляются имъ завидными, по совершеннымъ ими славнымъ дѣламъ.

Кандидатъ на военную профессію живетъ погрузившись цѣликомъ въ этомъ міръ истребителей народовъ и такимъ образомъ у него слагается понятіе о безконечномъ превосходствѣ этихъ людей надъ всѣми остальными. Подобно тому какъ художникъ ставитъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ — Гольбейна Рафаэля, Микель-Анжело, Рубенса, Мурильо, — гораздо выше самыхъ знаменитыхъ представителей науки, философіи, медицины, ораторскаго искуства, и

пр.; такъ военный человѣкъ не находитъ никого, кто могъ бы сравняться съ его героями.

Профессіональный военный — находящійся, подобно всякому живому существу, подъ вліяніемъ природной подражательности — побуждается приспособленнымъ воспитаніемъ подражать своимъ героямъ во время войны; а во время мира онъ побуждается удерживать или сохранять образъ дѣйствія этихъ героевъ. Понятно, конечно, что окружающая соціальная среда противодѣйствуетъ этой тенденціи, смягчая ея дѣйствія сообразно съ внутреннимъ свойствами каждаго индивидуума. Изъ этого слѣдуетъ, что упомянутыя дѣйствія во время мира будутъ идентичны по своей природѣ съ такими дѣйствіями во время войны, представляя постоянно лишь меньшую степень интенсивности и большее или меньшее различіе формъ, въ зависимости отъ мозговаго состоянія каждаго индивидуума. Въ нашемъ очеркѣ мы не станемъ заниматься различіемъ этихъ формъ: здѣсъ мы изучаемъ профессіональную криминологію, то есть признаки общіе этимъ формамъ, признаки сложившіеся подъ вліяніемъ профессіи.

« Каждый изъ насъ, сказалъ Марандонъ де-Монтьель[1]), носитъ въ своемъ мозгу дремлющаго преступника, и его пробужденіе зависитъ частію отъ степени его летаргіи, частію отъ силы возбудителя. Такимъ образомъ завтрашнимъ преступникомъ, смотря по обстоятельствамъ, можете оказаться вы, могу быть я ».

Цитируя эту глубокую мысль одного аліениста-кри-

---

[1]) Archives d'Anthropologie criminelle, Mai, 1892.

миналиста я прибавляю[1]): «Даже можно сказать, что преступникъ, находящійся въ мозгу не дремлетъ, что онъ уже пробужденъ». Итакъ посмотримъ, подъ какими формами обнаруживается это пробужденіе у профессіональныхъ военныхъ.

Мы сейчасъ констатировали, что насиліе есть характеристическій признакъ военной профессіи во время войны. Совершенно естестенно, что въ мирное время въ ней констатируются смягченныя формы насилія. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе было бы ирраціональнымъ, если бы лица, отличающіяся насиліемъ въ военное время, стали обнаруживать ангельскую кротость во время мира. На это можно, пожалуй, возразить, что если измѣнились мезологическія условія, то должны измѣниться ихъ эффекты. Такъ оно и есть, но дѣло касается степени эффектовъ, а не ихъ природы. Это понятно; потому что мезологическія условія профессіопальнаго военнаго въ мирное время не отличаются въ такой степени, какъ это принято думать á priori, отъ мезологическихъ условій, имѣющихъ мѣсто во время войны. Если нѣтъ врага, надъ которымъ можно упражняться въ насиліи, то остается подчиненный, на котораго военный по профессіи смотритъ какъ на менѣе цѣннаго чѣмъ онъ самъ, какъ на низшаго, какъ на существо, которое онъ можетъ притѣснять по своему произволу, какъ на индивидуума другого класса. Остается штатскій, еще болѣе иностранецъ чѣмъ подчиненный, на взглядъ профессіональнаго военнаго.

---

[1]) Almanach de la Question Sociale pour 1893, p. 168.

Хотя онъ и не разсматривается какъ принадлежащій къ другой рассѣ, но профессіональный военный видитъ въ немъ человѣка другой касты, недостойнаго сравненія съ нимъ, имѣющимъ честь носить мундиръ. Ихъ раздѣляетъ цѣлый міръ: офицеръ съ одной стороны, штафирка съ другой. Такая квалификація есть выраженіе своего рода презрѣнія.

Профессіональные военные, различные по народности, болѣе родственны между собой чѣмъ штафирка и офицеръ одной и той же страны. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что цѣль войска одна и та же во всѣхъ странахъ; воспитаніе и должно быть аналогичнымъ и есть таково во всѣхъ странахъ. Благодаря такому воспитанію получается одинаковый духъ, одинъ и тотъ же уголъ зрѣнія, получаются аналогичныя понятія, едва измѣненныя различіемъ признаковъ индивидуальныхъ и національныхъ. Впрочемъ эта аналогія профессіи класса, побуждающая разсматривать какъ низшихъ, какъ иностранцевъ, всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ данной профессіи, къ данному классу общества, хотя бы они принадлежали къ одной и тойже странѣ, — эта аналогія сказывается въ очень многихъ профессіяхъ и общественныхъ группахъ.

Всякій наблюдатель общественныхъ явленій видитъ, что, на примѣръ, французскій рабочій гораздо ближе нѣмецкому рабочему чѣмъ французскому капиталисту. Артистъ болѣе родственъ артисту другой національности, чѣмъ буржуа, филистимлянину своей страны. Литераторъ больше уважаетъ иностраннаго литератора чѣмъ соотечественника военнаго или финансиста. Это

состояніе духа, констатируемое въ большихъ профессіональныхъ и общественныхъ группахъ есть ничто иное какъ трансформація клановаго духа, пережитаго всѣмъ человѣчествомъ въ болѣе раннюю эпоху.

Этотъ духъ клана эволюціонировалъ, при безпрерывномъ возрастаніи охватываемой имъ коллективности: ограниченный сначала небольшимъ племенемъ и профессіей въ племени, съ теченіемъ времени онъ разширился до націи и въ націи до профессіи; затѣмъ онъ дошелъ до аналогичныхъ профессій, образуя такимъ путемъ большія группы. Благодаря быстротѣ сообщенія, благодаря выработкѣ одинаковыхъ условій жизни у народовъ арійской цивилизаціи, это расширеніе возросло еще больше и остановилось передъ рубежемъ класса, профессіи. Можно предвидѣть, что при даньнѣйшей эволюціи этотъ классовой духъ будетъ обнимать все большія коллективности. Нѣкоторые философы-коммунисты, которыхъ слушаетъ и за которымы идетъ намалое число людей, восхваляютъ и объясняютъ профессіональную эквивалентность. Какъ результатъ получается изчезневеніе профессіональнаго духа. Соціальная эволюція, зависящая отъ экономическихъ измѣненій призываетъ классъ исчезнуть; слѣдовательно и классовой духъ въ свою очередь исчезнетъ. Быть можетъ это произойдетъ въ не далекомъ будущемъ, но въ настоящій моментъ дѣло стоитъ иначе: профессіональный духъ существуетъ, и у военныхъ онъ находится на высокой степени развитія.

Этотъ фактъ нельзя констатировать, если изучать профессіональныхъ людей въ обществѣ, въ салонѣ гдѣ

толкутся военные и промышленники, финансисты и литераторы, и др. Эти мѣста представляютъ нейтральную среду, въ которой профессіональныя и индивидуальныя особенности неисчезаютъ только для проницательнаго и внимательнаго наблюдателя. Всѣ присутствующіе въ этой свѣтской средѣ какъ бы покрыты глазурью, которая скрываетъ отъ невнимательныхъ глазъ индивидуальную и профессіональную сущность; создаетъ на время другую жизнь, благодаря изысканности воспитанія, свѣтскости, присутствію женщинъ. Въ салонѣ — *Я* офицера, ученаго, финансиста, измѣняется поверхностно и на короткое время подъ вліяніемъ среды. Какъ только индивидуумъ попадаетъ въ свою обыкновенную среду, указанное измѣненіе исчезаетъ. Оно вновь появляется съ возвращеніемъ индивидуума въ свѣтскую среду. Слѣдовательно не здѣсь надо наблюдать профессіональнаго военнаго, чтобы познакомиться съ его характерной криминальной формой. Его нужно наблюдать въ казармѣ, во время его профессіональныхъ занятій, во время мира и въ средѣ штатскихъ, когда « штафирки » являются членами другаго общественнаго слоя чѣмъ онъ самъ.

Глава V

Презрѣніе къ человѣческой жизни и къ физическимъ страданіямъ.

Мы видѣли и сказали, что характеристическая черта военной профессіи есть жестокость, свидѣтельствующая о болѣе или менѣе нравственномъ безчув-

ствіи. Совершенно естественно поэтому, что поступки профессіональныхъ военныхъ въ мирное время обнаруживаютъ презрѣніе къ человѣческой жизни и къ моральнымъ и физическимъ страданіямъ, что служитъ вѣрнымъ признакомъ нравственнаго безчувствія. Такъ говоритъ логика, и факты подтверждаютъ ее. Я ограничусь ссылкой на нѣсколько примѣровъ.

Въ Іюлѣ 1890, во время перехода 6-го стрѣлковаго полка въ Альпахъ, три человѣка изнемогали отъ усталости. Одинъ изъ нихъ упалъ, выбившись изъ силъ, измученный жарой. По приказанію одного изъ начальниковъ онъ поднялся, но сейчасъ же снова повалился. Наконецъ, бросивъ оружіе и свои вещи, съ большимъ усиліемъ онъ смогъ добраться до этапа. Здѣсь начальникъ приказалъ ему идти назадъ, чтобы взять брошенныя вещи. Онъ хотѣлъ повиноваться, но, скоро потерявъ послѣдній остатокъ силъ, упалъ мертвый [1]).

Въ Іюлѣ 1891 г., во время военныхъ переходовъ въ окрестностяхъ Боссано и Эмполи (Италія) нѣсколько человѣкъ умерло отъ усталости. Мать одного изъ нихъ, очень любившая своего сына, покушалась убить капитана [2]).

Въ Алжирѣ во время перехода падаетъ больной солдатъ. Два солдата поднимаютъ его и подводятъ къ командиру, который закричалъ: «вы видите, что онъ какъ стелька пьянъ; дайте ему хорошаго пинка въ задъ, и если онъ не пойдетъ, втолкните въ повозку. Пятнадцать дней заключенія ему!» По возвращеніи солдатъ былъ посаженъ въ тюрьму. По распоряженію врача его перевели въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ сейчасъ же по прибытіи [3]).

---

[1]) Hamon, L. C., année 1890. T. II, p. 207.
[2]) «Journal des Debats», 6 juillet 1893.
[3]) «XIX Siècle», 16 avril 1891.

3 Сентября 1891 (Восточные маневры) пятьсотъ человѣкъ гнулись отъ палящаго зноя и усталости. Около пятидесяти человѣкъ тяжело заболѣли, пять умерло. Несмотря на жару, выступать было приказано только въ семъ часовъ утра[1]).

Въ Августѣ 1892 г. французскій полковникъ (Гренобль), необращая вниманія на слова военнаго врача, дѣлалъ переходъ при температурѣ достигавшей до 31° въ тѣни. Многіе заболѣли. Нѣсколько человѣкъ умерло. Полковникъ былъ подвергнутъ восьмидневному аресту[2]).

Такой же фактъ въ Рюплѣ; одинъ смертный случей. Вопреки регламенту не было военнаго врача[3]).

Солдаты 89 линейнаго полка, стоявшаго въ Курбевуа, совершали переходы не только съ ранцами наполненными доверху, но сверхъ того несли въ ящикахъ по два съ половиною килограмма песку. Эта прибавка тяжести сдѣлала то, что солдаты вернулись измученными, истощенными. (Radical, 9 avril 1892).

Въ Островѣ (Россія) гарнизонный маіоръ, неприбѣгая ни къ какимъ судебнымъ формальностямъ, приговорилъ сторожа пороховаго склада, отца семейства, къ 200 ударамъ кнутомъ за нарушеніе дисциплины. Жертва такого обращенія умерла въ тотъже вечеръ[4]).

Докторъ Скарятинъ, русскій военный врачъ, во время своего процесса[5]) заявилъ, « что онъ видѣлъ въ арміи

---

[1]) Hamon, L. C., année 1891 p. 465.

[2]) «Dépêche» de Brest. 20 août 1892.

[3]) «Intransigeant», 20 août 1891.

[4]) «XIX Siècle», 15 avril 1892.

[5]) Получивъ приказаніе служить врачемъ въ военномъ госпиталѣ, Скарятинъ отказался, заявивъ въ своемъ рапортѣ, «что онъ отказывается отъ службы по той причинѣ, что при теперешнихъ условіяхъ положеніе военнаго врача не совмѣс-

такое глубокое презрѣніе къ жизни и личности человѣка, такое воровство, возможности которыхъ онъ никогда даже не предполагалъ».

Въ Одессѣ сажали войска на суда. Море волновалось. У плоскихъ барокъ не было перилъ. Скарятинъ обратился въ начальнику порта съ просьбой не скучивать людей у краевъ барокъ, потому что при боковой качкѣ люди могли попадать въ воду. *„Велика бѣда, если они туда упадутъ!“* отвѣтилъ начальникъ; этого добра у насъ довольно. Это не лошади, въ которыхъ нужно давать отчетъ“[1]).

Больной солдатъ Петренко находился въ амбулаторной въ то время, какъ бригадный генералъ дѣлалъ смотръ полку. Эскадронный командиръ ругалъ несчастнаго Петренко за то, что онъ осмѣлился остаться въ амбулаторной, и приказалъ ему явиться въ эскадронъ для наказанія. Врачъ воспротивился этому. Солдатъ былъ такъ боленъ, что былъ уволенъ въ отставку какъ негодный къ службѣ[2]).

Ребуленъ, солдатъ 96 пѣхотнаго нѣмецкаго полка, будучи больнымъ, просилъ офицера освободить его отъ службы. Но офицеръ принуждаетъ его продѣлывать экзерциціи и выполнять тяжелыя работы, лишивъ его возможности лѣчиться у врача. Вечеромъ Ребуленъ покончилъ съ собой, чтобы избавиться отъ мученій. Когда его братья потребовали слѣдствія, полковникъ отвѣтилъ имъ: «что ничего дурнаго не могло

тимо съ требованіями чести и даваемой присягой». Скарятинъ былъ отданъ подъ судъ. Его процессъ раскрылъ столько ужасовъ, что печатаніе судебнаго отчета было запрещено. Тихомировъ имѣлъ копію отчета о засѣданіяхъ суда и привелъ изъ нея цитаты въ своей книгѣ «La Russie politique et sociale». Paris, 1896 Savine éditeur. Наши цитаты взяты изъ этой книги.

[1]) Tikhomirow. La Russie politique et sociale, p. 386.

[2]) Ibid. p. 389.

бытъ допущено въ обращеніи съ солдатами 11-ой роты его полка »[4]).

Въ Нейсѣ (Германія) маіоръ Гейнрихсъ и лейтенантъ Моргенъ, повидимому пьяные, приказали своимъ солдатамъ въ полномъ вооруженіи въ походной формѣ переплыть черезъ Нейсъ. Изъ двухсотъ человѣкъ семь утонуло, двадцать три вытащены были оченъ больными и сейчасъ же были отправлены въ госпиталь[2]).

Въ Дюнкиркѣ, въ Январѣ 1891 г., во время маневровъ солдаты поотмораживали себи уши и руки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось подвергнуть ампутаціи.

Въ тоже время было напечатано въ одной изъ газетъ: « Я видѣлъ капраловъ, сержантовъ-инструкторовъ, офицеровъ, требовавшихъ, чтобы взводы строго сохраняли самую полную неподвижность, въ то время какъ сѣверный вѣтеръ рѣзалъ ихъ лица, когда синѣли полупарализованныя руки, и кровь, казалось, замерзаетъ въ жилахъ. Дѣйствительно, жалко было смотрѣть, какъ эти молодые люди напрягали свои силы, чтобы не выпустить изъ рукъ ружье, стволъ котораго, казалось, прилипаетъ къ болящей кожѣ. Ихъ неподвижные глаза выражали страданіе, но начальники, унтеръ-офицеръ или офицеръ, словно, наслаждались чужимъ мученіемъ и оставались около, подстерегая малѣйшую оплошность, чтобы исправить ее при помощи оскорбительной бутады, или уничтожить ее посредствомъ наказанія. [3])

Всѣ наши недостаточно защищены отъ солнца, и мы видимъ — тяжело говорить объ этомъ, — что полковникъ Х. . . одинъ устроился въ громадной пагодѣ, съ часовымъ у дверей, получившимъ приказъ

---

[1]) «Intransigent», 15 juillet 1892.
[2]) «Libre Parole» 18 août 1892.
[3]) Hamon. L. C, Année 1891, p. 15.

недопускать никого къ полковнику, чтобы не нарушали его послѣ-обѣденнаго сна» [1]).

Привожу слѣдующія выдержки изъ дневника, написаннаго на кораблѣ однимъ зуавомъ во время переѣзда изъ Франціи въ Тонкинъ. — 29 Мая: наши офицеры начинаютъ режимъ Террора: съ нынѣшняго дня подвергающіеся наказанію будутъ нести взводную службу какъ на сушѣ. При утомляющей насъ жарѣ это будетъ настоящимъ мученіемъ... 1-е Іюня: невозможно описать сколько причиняютъ намъ горестей: изъ безчисленныхъ прижимокъ больше другихъ раздражаетъ насъ слѣдующая: на Cachar'ѣ всѣ лица имѣющія какую нибудь степень, офицеры и унтеръ-офицеры, располагаютъ дважды большимъ помѣщеніемъ чѣмъ тысячи человѣкъ войска, посаженнаго на корабль; такъ что почти невозможно дышать въ нашихъ батереяхъ, издающихъ невыносимый запахъ плѣсени. Мы уже имѣемъ много больныхъ, и, несомнѣнно, недостатокъ воздуха и пространства только разовьетъ болѣзни и увеличитъ число больныхъ. (Action, 14 Апрѣлѣ 1892 г.).

10 Мая 1892 г. въ казармѣ Бельшассъ (Парижъ) умеръ солдатъ, оставленный въ сборной, безъ врача, безъ больничнаго служителя, даже безъ товарища у его постели. Изъ слѣдствія, сдѣланнаго Гастономъ Мери и *подтвержденнаго* оффиціальнымъ *опроверженіемъ*, выяснилось, что въ Бельшассъ есть больница для лошадей, но не для людей. Упомянутый больной солдатъ пришелъ для консультаціи. Врачъ не изслѣдовавъ его, освободилъ его отъ службы. Несчастный оставался цѣлый день въ сборной одинъ, такъ какъ всѣ прочіе несли свою службу. Въ четыре часа его нашли хрипящимъ. Позвали врача, который не явился и къ шести часамъ, и солдатъ умеръ. « Впрочемъ,

[1]) Harmand, L. C., p. 62.

сказалъ одинъ солдатъ, въ Белшассъ всегда такъ бываетъ. Недавно сержантъ Лабіа, страдавшій сильнѣйшей лихорадкой, оставался четыре дня безъ всякаго лѣкарства ». (Libre Parole, 14 et 16 Mai 1892).

Въ 1890 г. французскій военный министръ просилъ генераловъ соблюдать предписанія регламента относительно внутренней службы войскъ. Министерскій циркуляръ былъ мотивированъ тѣмъ фактомъ, что человѣкъ, посаженный въ одиночное заключеніе, до такой степени пострадалъ отъ холода, что получились органическія разстройства, сдѣлавшія его неспособнымъ къ какой бы то ни было службѣ[1]).

13 Февраля 1868, при исполненіи смертнаго приговора надъ однимъ военнымъ, бывшіе подъ командой солдаты не стрѣляли или плохо стрѣляли. Офицеръ взялъ за руку одного солдата и заставилъ его выстрѣлить въ упоръ въ осужденнаго. Два дня спустя несчастный солдатъ умеръ отъ нервнаго потрясенія[2]).

15 Августа 1863 г., Пиката (Сицилія), начальникъ войска издалъ слѣдующій письменный приказъ : « Если завтра къ 5 часамъ не явятся бѣглецы и дезертиры, находящіеся на волѣ, *то я лишу населеніе воды* и издамъ приказъ, чтобы никто несмѣлъ выходить изъ своего жилища подъ угрозою *растрѣлянія и другихъ самыхъ строгихъ мѣръ* »[3]).

5 Декабря 1863 г. сицилійскій депутатъ Реджіо сообщилъ въ итальянской палатѣ слѣдующій фактъ : во время рекрутскаго набора *одного глухо-нѣмаго жгли* накаленнымъ до красна жлѣзомъ, чтобы испытать его негодность къ службѣ[4]).

---

[1]) «Nouvelliste» de Bordeaux, 4 mars 1890.

[2]) Lucchini. Soldati deliquente, giudici e carnefici. Bologna 1884. — Cité par X. Merlino dans L'Italie telle qu'elle est, p. 218. — Paris. 1890. Savine, éditéur.

[3]) Merlino. L. C. p. 214.

[4]) Ibid.

Адвокатъ Альберъ Батайль, ведшій юридическую хронику въ Figaro, разсказывая о военномъ судѣ надъ солдатамъ въ Гренобле, въ Декабрѣ 1885 г., пишетъ слѣдующее: «Здѣсь мы возвращаемся къ временамъ до 1789 г. Претендовали, будто Революція уничтожила пытку. Но вотъ что дѣлается въ военныхъ тюрмахъ сто лѣтъ спустя. Военныя власти, чтобы наказать Геслина за неспокойное поведеніе (удары нанесенные одному созаключенному), вывели его изъ тюрьмы Шершъ-Миди, и приговорили къ 90 днямъ одиночки. Несчастный былъ заключенъ въ тюрьму въ фортъ Барро, въ Изерѣ. Весь его дневной паекъ состоялъ только изъ 750 граммовъ хлѣба и кружки воды, и изъ супа по четвергамъ и воскресеньямъ. Этотъ молодой человѣкъ 20 лѣтъ, рослый и сильный, напрасно кричалъ своимъ тюремщикамъ о голодѣ. Напрасно на основаніи бумалъ Геслина было установлено, что Геслинь страдалъ булиміей, и что въ полку ему полагалось шесть фунтовъ хлѣба въ день. Въ продолженіи тридцати двухъ дней его оставляютъ умирать отъ истощенія въ его тюрмѣ съ его полутора фунтами дурнаго хлѣба, съ его жалкимъ супомъ два раза въ недѣлю. На тридцать третій день, изголодавшійся былъ пораженъ приступомъ бурнаго помѣшательства. Подъ властію галлюцинацій, которыя овладѣли его мозгомъ, ослабѣвшимъ отъ поста, Геслинъ связалъ свои пожитки, и когда одинъ изъ смотрителей форта, адъютантъ Бусси, вошелъ въ его камеру, онъ бросился на него и ударилъ кулакомъ по лицу. Бѣдняга слишкомъ натерпѣлся отъ этой ужасной жизни. Онъ хотѣлъ умереть, зная, что за удары нанесенные своему начальнику наказываются смертію».

Военный судъ приговорилъ Геслина къ десяти годамъ публичныхъ работъ. Батайль присовокупляетъ: главный тюрѣемный надзиратель заявилъ на гренобльскомъ процессѣ, что *всѣ заключенные въ фортѣ*

Барро ежедневно жалуются на голодъ. Это гнусно, и пора покончить съ такимъ постыднымъ режимомъ ».

Въ 1892 г, « этотъ постыдный режимъ » продолжалъ существовать, потому что въ Figaro отъ 10 Февраля было напечатано : „Партія военныхъ арестантовъ оставила Парижъ, направляясь въ Гренобль. За инсубординацію они должны подвергнуться девятидесятидневному заключенію въ фортѣ Барро, въ Изерѣ. Фортъ Барро находится на высокомъ мѣстѣ. Камеры тамъ бываютъ очень холодны зимою. Стѣны камеръ „плачутъ“, по живописному выраженію людей побывавшихъ тамъ. Иначе говоря, сырость тамъ ужасная. Въ глубинѣ каждой камеры прикнѣпленъ желѣзный прутъ съ кольцами, въ которыя втискиваются лодыжки осужденнаго. Въ продолженіе первыхъ пятнадцати дней осужденные остаются привязанными, съ оковами на рукахъ и ногахъ. Въ остальные семьдесять пять дней примѣняется обыкновенный режимъ одиночнаго заключенія. *Испытавшіе это наказаніе не забываютъ его. Впрочемъ это наказаніе настолько сурово, что по выходѣ изъ одиночки по праву допускаются въ госпиталь...* въ ожиданіи высылки въ колоніальныя общества съ дисциплиной Новой Каледоніи ».

И такъ эта « ужасная жизнь » опредѣлается военнымъ и претерпѣваютъ ее люди осужденные за дезертирство, инсубординацію, и пр., т. е. все за дѣйствія не позорящія, за проступки съ точки зрѣнія юриста и часто за дѣйствія не преступныя съ точки зрѣнія криминалиста.

Не смотря на все мое нежеланіе указать хотябы одинъ случай пытки, испытанной кѣмъ нибудь изъ

дисциплинарныхъ, я долженъ вспомнить нѣсколько примѣровъ, чтобы точно опредѣлить психологію профессіональныхъ военныхъ. За этими примѣрами я не буду обращаться ни къ превосходной автобіографіи[1]) Жоржа Даріена, написанной подъ названіемъ Biribi, ни Отѣ Марсіаль д Эстока, въ которыхъ онъ приводитъ одинъ историческій случай, ни къ моей France Sociale et Politique за 1890 г., гдѣ описано нѣсколько случаевъ. Я удовлетворюсь воспроизведеніемъ слѣдующихъ страницъ изъ статьи Бернаръ-Лазаря, опубликованной въ Journal подъ названіемъ „Пытка".

« Вотъ факты. Лицо сообщающее ихъ заслуживаетъ довѣрія. Въ 1886 г. онъ и девяносто дисциплинарныхъ были отправлены въ Сенегалъ, на Верхнюю-Рѣку. Изъ этихъ девяноста человѣкъ вернулось тринадцать, изъ которыхъ двое умерли въ госпиталѣ Рошфора. Эти молодые люди, въ числѣ которыхъ были виноватые только тѣмъ, что отдались движенію гнѣва, могущаго охватить многихъ изъ насъ — я утверждаю это, — эти люди занимались постройкой желѣзной дороги. Подъ убійственнымъ зноемъ они носили на спинѣ землю въ ящикахъ изъ подъ сухарей, а въ рукахъ тащили песчанки. *Двадцать пять граммъ*

[1]) Biribi, не смотря на форму романа, есть автобіографіи. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, названное вымышленнымъ именемъ, открыло себя послѣ публикаціи этого замѣчательнаго произведенія. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, журналистъ Дегай, бывшій въ дисциплинарныхъ ротахъ вмѣстѣ съ Даріеномъ, подтверждалъ всѣ факты, сообщенные въ книгѣ, прибавляя, что авторъ еще не сказалъ всей истины. Одинъ бывшій офицеръ говорилъ мнѣ, что онъ узналъ разныхъ лицъ, выведенныхъ въ произведеніи, имена которыхъ почти не измѣнены.

рису — вотъ ихъ дневная пища при этой тяжелой работѣ, которую они совершали изъ подъ палки. Чтобы не умереть отъ голода, простодушно говоритъ, оставшійся въ живыхъ разсказчикъ, я грызъ древесную кору и ѣлъ траву. И еще онъ считалъ себя счастливымъ видя, какими муками удручали его товарищей, которыхъ подозрѣвали въ ропотѣ или протестѣ. Одинъ изъ нихъ, Прево, со связанными руками и ногами былъ оставленъ подъ палящимъ солнцемъ. Страшные крики, которые онъ издавалъ отъ боли, требуя пить, конечно, надоѣдали его палачамъ. Капралъ пустилъ ему пулю въ лобъ. По приказанію подпоручика, Лерана распластали крестообразно на землѣ въ самый полдень. Онъ жалуется. Его наказываютъ, запираютъ, лишаютъ пищи и питья. Ему остается послѣдній ресурсъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе — пить свою мочу. Астье заковали въ цѣпи и такъ крѣпко привернули, что восемь дней спустя, по освобожденіи, пальцы его оказались изгрызенными мышами. Онъ возмущается. Сержантъ убиваетъ его, пустивъ пулю въ лобъ. Ракобомбъ пытаясь бѣжать получаетъ пулю въ бедро, попадаетъ въ тюрьму и, чтобы избавиться отъ палачей, трижды ударяется съ разбѣга о дерево, разбивается и умираетъ освобожденный. Всѣ эти люди были безоружены. Можно было безнаказанно третировать ихъ такъ, какъ не третируютъ самыхъ погаными животныхъ. Если бы я пожелалъ, сказалъ разсказчикъ, передать вамъ все ужасное, что я видѣлъ, я не могъ бы окончить сегодня ».

Въ 5-ой дисциплинарной ротѣ на островѣ Капри (Италія) солдаты, не смотря на хроническое голоданіе, еле осмѣливаются ѣсть „чапсіо“, такъ онъ зловоненъ и отвратителенъ. Хлѣбъ, исключительно черный, совершенно не съѣдобенъ. Мясо гнилое. Наказанія сыпются градомъ. За невинныя погрѣшности

сажаютъ на 60 — 70 дней въ одиночку, на хлѣбъ и воду съ пыткой въ придачу[1]).

Всѣ эти факты, взятые изъ множества аналогичныхъ съ ними, говорятъ сами за себя. Они свидѣтелтвуютъ, что ихъ виновники отличаются глубокимъ презрѣніемъ къ жизни человѣка, къ его физическимъ и нравственнымъ страданіямъ. Два примѣра, относящіеся къ форту Барро, чрезвычайно типичны въ этомъ отношеніи, такъ какъ они показываютъ легализацію или оффиціальное признаніе, систематическую организацію этого презрѣнія къ жизни и мукамъ людей.

Эти примѣры убѣдительно доказываютъ моральное безчувствіе авторовъ указанныхъ поступковъ. Споръ тутъ невозможенъ. Авторы эти *всѣ* профессіональные военные; такъ какъ „постыдныя, мерзкія“ дѣйствія, происходившія въ фортѣ Барро, регламентированы, согласны съ регламентомъ, установленнымъ профессіоналистами и оффиціально одобреннымъ. Дѣйствія эти *приказаны*. Указанное нами моральное безчувствіе, проявляющееся въ военное время въ подобныхъ цитированнымъ фактамъ, сказывается и во время мира, и это доказываетъ, что характеристическая черта военной профессіи есть „насильничество“.

Къ тому же, бывшій офицеръ де-Пувурвиль увѣрялъ меня, что *лишеніе пищи* — какъ наказаніе — допускается регламентомъ въ иностранномъ легіонѣ. *Каждый наказываемый тяжелымъ одиночнымъ заклю-*

---

[1]) «Semper Avanti». Livorno, 8 juillet 1893.

ченіемъ ѣсть ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ СОРОКЪ ВОСЕМЪ ЧАСОВЪ. „Crapaudine“ *) запрещена оффиціально, но на практикѣ не рѣдко допускается, по крайней мѣрѣ въ иностранномъ легіонѣ. Жестокости эти часто приводятъ къ возмущенію; но вслѣдствіе привычки къ повиновенію акты возмущенія выражаются простыми оскорбленіями или ударами штыка, наносимыми отдѣльнымъ лицамъ. Возмущенія цѣлыхъ отрядовъ чрезвычайно рѣдки. Въ случаѣ заговора противъ начальства всегда оказывается доносчикъ. Возмущенія эти, оканчивающіяся казнью взбунтовавшихся — ихъ всегда приговариваютъ къ смерти — не извѣстны публикѣ, потому что они происходятъ на военной территоріи, за предѣлы которой не проникаетъ никакое извѣстіе: письма вскрываются и не доходятъ по назначенію, если содержатъ какое нибудь разоблаченіе.

Дѣйствія эти преступны, такъ какъ они несомнѣнно оскорбляютъ личную свободу, въ большей или меньшей степени вредятъ здоровью или жизни жертвъ. Нѣкоторые станутъ утверждать, что они необходимы для поддержанія дисциплины, «которая составляетъ главную силу войска». Они думаютъ, что для дисциплинированія людей слѣдуетъ употреблять всѣ средства, хотъ бы получались раны, страшныя страданія, смерть. Такія жестокія средства могутъ создать армію рабовъ, преторьянцевъ, профессіональную автоматическую армію,

*) «Crapaudine» родъ пытки, употреблявшейся для наказанія самыхъ неисправимыхъ солдатъ въ алжирскихъ иностранныхъ батальонахъ. Примѣч. Переводчика.

послушную, годную для самыхъ позорныхъ дѣлъ. При теперешнихъ правахъ безразсудно желать этого. Всѣ народы имѣютъ тенденцію къ образованію національной арміи, которую можно пускать въ дѣло только какъ органъ защиты въ случаѣ нападенія иностранцевъ. Въ этомъ послѣднимъ случаѣ идея одушевляетъ войска въ борьбѣ противъ завоевателя, и повиновеніе можетъ установиться моментально и свободно по взаимному молчаливому согласію, по требованію интереса. Нѣтъ нужды въ дисциплинѣ, привитой посредствомъ пріемовъ, нѣкоторые примѣры которыхъ я только что далъ.

Эти типическіе пріемы безполезны, стало быть, для коллективности. Больше этого — они вредны для общества; потому что они являются источникомъ другихъ преступленій. Всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе. Эти анти-альтруистическія дѣйствія создаютъ у своихъ жертвъ, или у чувствительныхъ жалостливыхъ свидѣтелей ихъ, реакцію, которая проявляется различно, смотря по темпераменту каждаго, измѣненному вліяніемъ окружающей среды воспитательной, профессіональной, соціальной. Реакція становится тѣмъ болѣе замѣтной, что наши нравы смягчились, что намъ противно подвергаться жестокости или видѣть, какъ подвергаются ей другіе, что человѣкъ дорослъ до понятія о своемъ достоинствѣ и, слѣдовательно, о свободѣ своихъ дѣйствій, что онъ имѣетъ убѣжденіе о своемъ равенствѣ съ другими людьми. Эта реакція особенно подтверждается ростомъ того, что А. Корръ называетъ преступленіемъ-проступкомъ въ войскахъ

(crime-délit militaire), т. е. дезертерствомъ, непокорностію, инсубординаціей. Такъ изъ отчета видно, что число преступленій — проступковъ, повлекшихъ за собою наказаніе по военному кодексу представляетъ слѣдующее процентное соотношеніе съ наличнымъ составомъ войскъ: въ 1839 г. $^1/_{317}$; въ 1840 — $^1/_{296}$; въ 1865 — 65 $^1/_{222}$; въ 1885 — 886 — $^1/_{180}$ [1]). Мы думаемъ, что статистика могла бы доказать, что процентное отношеніе стало еще рѣзче.

Нравственное безчувствіе, разоблаченное приведенными въ этомъ очеркѣ типическими фактами, порождаетъ преступленія у тѣхъ, кто отличается этимъ безчувствіемъ. Оно вызываетъ реакцію, которая въ свою очередь является источникомъ преступленій, совершаемыхъ жертвами первыхъ преступленій, т. е. преступленій профессіоналистовъ, которые желаютъ помѣшать возобновленію актовъ, нарушающихъ дисциплину. Изъ этого слѣдуетъ, что со всякой точки зрѣнія, все равно признавать или непризнавать необходимость дисциплины, слѣдуетъ согласиться, что эти акты, эти преступленія вредны для коллективныхъ единицъ, заслуживаютъ порицанія и должны быть клеймимы.

[1]) A. Corre. Aperçu général de la criminalité militaire en France, p. 12—13.

Глава VI

Звѣрство въ профессіональной средѣ.

Примѣры, цитированные въ предъидущей главѣ, относятся къ преступленіямъ, которыя профессіональные военные совершили лишь косвеннымъ образомъ. Люди, которые падали въ пути отъ жары и усталости, которые утонули въ Нейсѣ, мерзли на маневрахъ, умирали отъ истощенія въ фортѣ Барро, эти люди, говорю я, потерпѣли отъ профессіоналистовъ, которые сами не совершили этихъ преступленій. Они ихъ предписали, выполнили ихъ при посредствѣ подчиненныхъ, въ свою очередь являющихся жертвами.

Но есть другіе случаи, въ которыхъ профессіоналисты дѣйствовали самолично, обнаруживая другую форму своего моральнаго безчувствія. Даже самые ярые поклонники дисциплины не могутъ найти и тѣни основанія для оправданія совершенія поступковъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе значительнымъ звѣрствомъ. Въ большинствѣ случаевъ они запрещены военными регламентами, однако число такихъ поступковъ столь значительно, что они являются правиломъ. Мы укажемъ наиболѣе типичные изъ нихъ.

Во Франціи, во время Имперіи, полковникъ де-Граммонъ билъ гвардейскихъ гренадеръ по плечамъ палкою съ золотымъ набалдашникомъ[1]).

[1]) Louis Baron. Sous le Drapeau rouge, p. 100 — Savine, éditeur, 1889.

Баварскій поручикъ Эммаръ пишетъ въ своемъ дневникѣ, во время войны 1870 г.: « Мои люди озорничаютъ, и чтобы привести ихъ въ себя, у одного я вырвалъ двѣ горсти волосъ, другому далъ два хорошихъ удара саблей — плашмя, третьему — основательную пощечину. Послѣ такаго дѣлежа приступили къ раздачѣ вина, только въ меньшемъ количествѣ[1]).»

Въ 1885 г. солдатъ Обенъ былъ зачисленъ въ Артиллерію въ Ваннъ. Онъ такъ боялся лошадей, что физически былъ совершенно неспособенъ самъ сѣсть на коня. По приказанію командира Базена, 14 Сентября, Обена привязали къ лошади, прикрутили его веревками, на шею накинули ремень и пустили лошадь въ галопъ по манежу. Сѣдло сдвинулось и Обенъ, упавшій на землю, *тяжело* поранилъ себѣ голову. Унтеръ-офицеръ отстегалъ его хлыстомъ, а командиръ Базенъ, къ которому привели Обена приказалъ отправить его въ *тюрьму*, что и было исполнено съ придачей пинковъ. Въ тюрьмѣ Обенъ упалъ въ обморокъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ вылилъ ему на голову ведро ледяной воды. Такъ его и оставили и когда пришли черезъ два часа, Обенъ былъ мертвъ. Онъ принадлежалъ къ богатой земледѣльческой семьѣ, находившейся въ близкихъ отношеніяхъ съ дивизіоннымъ генераломъ Дюэцомъ, и поэтому смерть Обена надѣлала шуму. Во время производства перваго слѣдствія эскадронный командиръ пытался спасти своего сослуживца, Базена, отъ отвѣтственности. Второе слѣдствіе привело къ лишенію командира Базена должности и къ удаленію съ дѣйствительной службы [2]).

13 Января 1890, Евгеній Рихтеръ говоритъ въ нѣмецкомъ Рейхстагѣ о дурномъ обращеніи, которому подвергаются преимущественно учителя, отбывающіе

---

[1]) «Revue Bleue», 1892.

[2]) «Progrès», Avenir du Morbihan, 27 décembre 1885.

воинскую повинность. Въ Штральзундѣ одинъ офицеръ говоря объ этихъ солдатахъ, сказалъ унтеръ-офицерамъ: «Нужно, чтобы они учились до кроваваго пота»[1]). Въ Силезіи одинъ поручикъ говорилъ фурьеру: «Колотите этихъ собахъ, пока они не лопнуть».

Тринадцать испанскихъ таможенныхъ карабинеровъ становятся дезертирами, чтобы спастись отъ дурнаго обращенія поручика [2]).

Въ Германіи офицеръ недовольный неповоротливостію рекрута заставляетъ его въ наказаніе опустить правую руку на нѣсколько минутъ въ чашку наполненную кипяткомъ. Рекрутъ сталъ калѣкой. Фактъ этотъ доказанъ передъ Рейхстагомъ[3]).

Въ Эврэ, Б... де ля Р..., подпоручикъ 28 линейнаго полка, на маневрахъ подгонялъ солдатъ голой шпагой. Одного онъ ранилъ въ затылокъ, а троимъ прокололъ ранцы. Раньше онъ прокололъ шпагой рукавъ одному фельдфебелю. Поручикъ тойже роты далъ пинка солдату за то, что онъ недостаточно быстро занялъ свое мѣсто)[4].

Въ Парижѣ, подпоручикъ заставилъ унтеръ-офицеровъ резервистовъ маневрировать гимнастическимъ шагомъ съ ранцами за спиной, въ продолженіе 35 минуть. Нѣкоторые заболѣли[5]).

Въ Краковѣ, Поллачекъ, подпоручикъ 57 пѣхотнаго полка, на маневрахъ убилъ резервиста. Устра-

---

[1]) Это выраженіе не принадлежитъ исключительно нѣмецкимъ офицерамъ. Я самъ не разъ слышалъ, какъ его произносили разные французскіе офицеры. Если память не измѣняетъ мнѣ, примѣровъ можно найти въ Au port d'armes, или въ Sous-Offs, или въ Biribi или въ Les-Offs.

[2]) «Republique francaise» 22 avril 1890.

[3]) Ibid., 8 juillet 1890, по даннымъ брошюры Abel'я Kurt'a.

[4]) Hamon. L. C., année 1890. T. II. p. 208 209.

[5]) «Lanterne», 15 septembre 1890.

шившись своего поступка, онъ сейчасъ же покончилъ съ собой [1]).

25 Февраля 1891 г., алжирскій военный судъ оправдалъ фельдфебеля корсиканца, сознавшагося въ нанесеніи побоевъ военнымъ арестантамъ и въ томъ, что держалъ ихъ голыми подъ дурной погодой. Предсѣдатель суда полковникъ принудилъ свидѣтелей, *подтвердившихъ слова обвиняемаго*, взять назадъ ихъ показанія, угрожая имъ немедленнымъ арестомъ за *ложныя* и противорѣчивыя свидѣтельства [2]).

30 Декабря, алжирскій военный судъ оправдалъ сержанта Д. . ., обвинявшагося въ нанесеніи побоевъ низшимъ [3]).

П. Бруля, молодой но уже извѣстный литераторъ, разсказывалъ мнѣ въ Тунисѣ въ 1891 г. что поручикъ «исполнявшій роль прокурора на военномъ судѣ, говорилъ своимъ товарищамъ до начала дебатовъ: «Если мнѣ удастся приговорить его къ смерти, я сегодня угощаго всѣхъ васъ ужиномъ». Это выраженіе Бруля самъ слышалъ отъ адвоката, который былъ защитникомъ.

Бригадный нѣмецкій генералъ осыпалъ ударами солдата, давшаго неудовотворительный отвѣтъ на вопросъ, касавшійся службы. Кромѣ того онъ посадилъ его въ тюрьму [4]).

Инженерный подполковникъ Бекъ слѣзъ разъ съ лошади, чтобы отхлестать по лицу часового, недостаточно хорошо отдавшаго ему честь [5]).

---

[1]) «Egalité», 27 août 1890.

[2]) Hamon. L. C. 1891, p. 173.

[3]) Ibid. p. 650.

[4]) Эдмондъ Миллеръ, капитанъ въ отставкѣ. Aux princes confédérés, à tout le peuple allemand, un cri de détresse des soldats allemands, enfants de l'Allemagne.

[5]) Ibid.

Въ Страсбургѣ, поручикъ 15 обознаго полка посадилъ солдата въ телѣгу, на которой возять навозъ, взнуздалъ его и приказалъ ему лаять пособачьи. Имя солдата Клиппертъ. Онъ долженъ былъ ползать на четверенькахъ. Его дергали то на право то на лѣво съ такою силою, что повредили ему челюсть. Бѣдный Клиппертъ, отосланый къ своимъ родителямъ, сошелъ съ ума отъ ужаса. Въ томъ же полку эскадронный командиръ наносилъ солдатамъ удары саблей и кулаками, сопровождая ихъ отборною руганью[1]).

Въ Веронѣ, полковникъ Таруффи съ цѣлію развлеченія поднимаетъ на ноги двѣ роты въ полночь, заставляетъ ихъ хорошенько вычистить казармы и затѣмъ маневрировать въ продолженіи двухъ часовъ[2]).

Гарнизонный унтеръ-офицеръ въ Діецѣ (Германія) дезертируетъ, давъ пощечину побившему его офицеру[3]).

Въ Копенгагенѣ, воспитанникъ военной школы Симонсенъ въ самоубійствѣ ищетъ спасенія отъ дурнаго обращенія съ нимъ товарищей, болѣе богатыхъ и болѣе знатныхъ. Это не единственный случай[4]).

Извѣстны также издѣвательства надъ новичками въ военныхъ французскихъ школахъ : С. Сирской и политехнической.

Герцогъ Георгъ Саксонскій въ своемъ рапортѣ говоритъ слѣдующе : « Дурное обращеніе, которымъ удручаютъ нашихъ солдатъ, есть *утонченное мучительство*, доказательство жестокости и дикости, которыя трудно было бы даже предположить въ нашихъ унтеръ-офицерахъ... Можно было констатировать, что

---

[1]) Muller. L. C. Въ своей брошюрѣ капитанъ Мюллеръ приводитъ много другихъ аналогичныхъ фактовъ, указывая имена офицеровъ и названія полковъ.

[2]) «XIX Siècle», 15 juillet 1891.

[3]) «Intransigeant» 31 décembre 1891.

[4]) «Matin», 3 janvier 1892.

дурное обращеніе служило даже не наказаніемъ, а было обычаемъ, и что рекруты были пріучены получать по 50 палокъ въ недѣлю[1]).

15 и 16 Февраля 1892 г. Гаусманнъ докладываетъ въ Рейстагѣ о возмутительныхъ фактахъ, говоря въ продолженіи двухъ часовъ. Въ Ульмѣ драгунскій капитанъ Ламенштейнъ палкой заставлялъ старыхъ солдатъ бить рекрутъ въ его присутствіи. Капривн, нѣмецкій генералъ и канцлеръ, въ своемъ отвѣтѣ высказался, что теперъ люди стали оченъ чувствительны, что когда то солдатъ третировали такимъ образомъ, о которомъ въ настоящее время не имѣютъ даже представленія[2]).

Въ секретномъ документѣ баварскаго военнаго министра, генерала Сафферлинга (13 Дек. 1891), опубликованномъ Vorwärts-омъ, указано много фактовъ насилія и звѣрства, совершенныхъ нѣмецкими офицерами и унтеръ-офицерами. Жертвы такого поведенія стали калѣками.

Метцгеръ докладывая Рейхстагу о разныхъ фактахъ указывалъ на слѣдующіе: 11 Сентября 1891 г. въ портѣ Вильмсгавенъ, на кораблѣ Марсъ офицеры распорядились подвѣсить матроса на веревкѣ надъ волнами, и продержали его въ такомъ положеніи два часа. Матросъ впалъ въ глубокій обморокъ отъ разстройства кровообращенія. На кораблѣ Ольденбургъ, въ въ тойже гавани, машиниста и двухъ кочегаровъ избили канатомъ такъ сильно, что мясо отваливалось кусками, и одинъ изъ наказываемыхъ просилъ убить его и такимъ образомъ избавить отъ дальнѣйшихъ мученій. Каждый изъ нихъ, дожидаясь своей очереди, долженъ былъ присутствовать при истязаніи товарищей[3]).

---

[1]) «Autorité» 5 février 1892.
[2]) «Matin», 17 février 1892.
[3]) «Jour», 5 mars 1892.

Въ венгерскомъ парламентѣ Тали дѣлалъ запросъ правительству по поводу дурнаго обращенія офицера регулярной арміи съ гонведомъ. Государственный секретарь заявилъ, что офицеръ былъ наказанъ *десятидневнымъ* арестомъ[1]).

Вюрцбурскій военный судъ приговорилъ къ *восьмидневному* аресту Гоца, поручика Саарбрюкенскаго легкого коннаго полка за нанесеніе ударовъ кнутомъ волонтеру, прослужившему одинъ годъ[2]).

Тотъ же военный судъ приговорилъ къ четыремъ мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости поручика 8 метцаго полка, Фогеля, изобличеннаго болѣе чѣмъ въ тридцати случаяхъ дурнаго обращенія, что дало поводъ Germania выразиться слѣдующимъ образомъ: «преслѣдованіе судами офицеровъ за злоупотребленія властію не соразмѣрно съ важностію этихъ злоупотребленій[3])».

25 Мая, въ Спирѣ поручикъ остановилъ унтеръ-офицера отдавшаго честь несовсѣмъ такъ, какъ слѣдовало по регламенту. Унтеръ-офицеръ извинился, но поручикъ ударилъ его по лицу, сорвалъ съ него фуражку и бросилъ ее на землю. Этотъ унтеръ-офицеръ резервистъ былъ инженеръ[4]).

Въ Кольмарѣ, сержантъ 65 пѣхотнаго полка тяжело ранилъ въ голову солдата, который сдѣлался глухимъ и нѣмымъ отъ полученныхъ ударовъ палкою по головѣ. Унтеръ-офицеръ попалъ подъ военный судъ, который приговорилъ его къ восьмидневному тюремному заключенію и къ лишенію чина[5]).

Въ Берлинѣ, Кюлеватцъ, вагенмейстеръ 3 эскадрона гвардейскаго полка, недовольный солдатомъ выр-

---

[1]) «XIX Siècle», 6 mai 1892.
[2]) «Intransigeant» 28 mai 1892.
[3]) «XIX Siècle», 16 mai, et Intransigeant 28 mai 1892.
[4]) «Intransigeant», 28 mai 1892.
[5]) Ibid, 7 juin 1892.

валъ ему волосы, изранивъ всю голову. Военный судъ приговорилъ его къ семи днямъ ареста[1]).

Въ Котбусѣ, Швепгберъ лишилъ себя жизни. Въ жалобномъ письмѣ оставленномъ матери онъ писалъ, что поступилъ такъ, чтобы избавиться отъ дурного обращенія высшихъ[2]).

Вольфъ, унтеръ-офицеръ 2 гусарскаго германскаго полка убѣжалъ со службы вслѣдствіе дурного обращенія съ нимъ офицера[3]).

Въ Петербургѣ, главнокомандующій Свистуновъ обругалъ дивизіоннаго генерала Ризенкамфа въ присутствіи всѣхъ генераловъ, бывшихъ подъ его командою. Ризенкамфъ, доведеный до крайнаго возбужденія протянулъ руку къ своему револьверу. Свистуновъ быстро схватилъ его за руку, но Ризенкамфъ далъ ему двѣ сильныхъ пощечины. Помогите! закричалъ Свистуновъ, и прислуга бросилась на Ризенкамѣфа, смягла его и связала. Тогда генералъ Свистуновъ билъ его по лицу сапогами и шпорами. Было произведено слѣдствіе. Ризенкамфъ былъ признанъ невиновнымъ, но его разжаловали въ солдаты во имя сохраненія дисциплины. Свистуновъ потерялъ чинъ, былъ лишенъ орденовъ и связанныхъ съ ними правъ и удаленъ изъ арміи[4]).

Тѣлесныя наказанія отмѣнены въ Россіи закономъ. Въ отчетѣ о судебномъ разбирательствѣ скарятинскаго дѣла констатированы многіе случаи заболѣваній отъ ударовъ, практиковавшихся въ бывшемъ 9 уланскомъ, теперешнемъ 26 Драгунскомъ Бужскомъ полку. Мы укажемъ на нѣсколько типическихъ случаевъ:

Капельмейстеръ немилосердно избилъ Темрюкова за

---

[2]) «XIX Siècle», 18 juin 1892.
[2]) «Figaro», 3 août 1892.
[3]) Ibid, 16 novembre,
[4]) «Matin», 19 novembre 1892.

его медленные успѣхи, поранивъ ему лицо. Темрюковъ отправился въ госпиталь, и за это полковникъ приказалъ назначивъ его на десять дней въ караулъ[1]).

Другой солдатъ Жарко отъ тогоже офицера получилъ такой сильный ударъ въ одно ухо, что кровь хлынула изъ другого. Мѣсяцъ госпиталя[2]).

Молодой солдатъ Костинскій былъ избитъ по «мордѣ» и едва избѣжалъ воспаленія мозга. Долго страдалъ аторресй. Зачисленъ въ отставку[2]).

Солдатъ Любезко получаетъ удары въ «морду» и въ ухо. Остался глухимъ на одно ухо[2]).

Офицеръ Горянскій билъ солдата Корніенко, пока кровь не пошла изо рта. Послѣ этого офицеръ заставилъ его бѣгать съ ружьемъ, и несчастный, глотая свою кровь, бѣгалъ два часа, потомъ упалъ. Избѣжавъ смерти, онъ былъ зачисленъ въ отставку[2]).

Солдатъ Крахъ неумѣлъ лѣчить свою лошадь. По показанію офицера Жихарева полковникъ билъ солдата въ теченіе пяти дней поперескольку разъ въ день. Онъ уходилъ въ свою палатку для отдыха и возвращался, чтобы вновь бить солдата[2]).

Полковникъ грозитъ фельшеру Сверчерскому 500 палокъ[3]).

Толпа вырвала изъ рукъ корнета Аракина солдата, котораго онъ жестоко билъ[3]).

Маіоръ Филимоновъ во время ученія рекрутъ билъ ихъ хлыстомъ[3]).

Начальникъ полка заявлялъ громогласно, «что нельзя небить русскаго солдата; нужно колотить солдата, нужно его сокрушить»[3]).

Генералъ Трожельниковъ говорилъ передъ собравшимися войсками, что дисциплинарныя взысканія хоро-

---

[1]) L. Tikhomirov. L. C. p) 390.
[2]) Ibid. p. 391.
[3]) Ibid. p. 392.

ши только для дураковъ, но что для хорошаго солдата нуженъ кулакъ[1]).

Въ Ашенфербургѣ военныя власти требуютъ допущенія въ полкахъ дуэли на сабляхъ. Въ Германіи *дуэль запрещена закономъ*[1]).

14 Декабря 1891 г. военный судъ въ Монпелье оправдалъ унтеръ-офицера Жильо, заставившаго кавалериста Армапета со связанными руками сѣсть на лошадь безъ сѣдла и такъ прыгать черезъ неподвижный барьеръ. Армапетъ упалъ и сломалъ себѣ руку[2]).

Въ Ліонѣ, ефрейторъ Бастидъ на ученьи ударилъ кавалериста Вормса саблей по рукѣ. Рана была тяжелая. Газета l'Action предала гласности этотъ фактъ. Было назначено слѣдствіе и военный судъ рѣшилъ, что ефрейторъ не подлежитъ обвиненію. Онъ былъ подвергнутъ только тридцатидневному заключенію какъ дисциплинарному наказанію[3]).

Другой кавалерійскій унтеръ-офицеръ въ Ліонѣ подражалъ Жильо. l'Action раскрыла этотъ фактъ и генералы Бержъ, де-Тиссонье и Дюлякъ свирѣпствуютъ противъ... газеты. Дѣйствительно они объявляютъ, « что всякій солдатъ, у котораго окажется номеръ газеты l'Action будетъ наказанъ тридцатидневнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ »[4]).

По этому поводу двѣнадцать — пятьнадцать офицеровъ отправились къ книжнымъ торговцамъ квартала, гдѣ находится казарма Партъ-Дьё (la Part-

---

[1]) L. Tikhomirov. L. C. p. 392.

[2]) Hamon. L. C. 1891 p. 649. Жильо былъ племянникъ двухъ капитановъ. Раненный на дуэли онъ далъ обѣтъ въ случаѣ выздоровленія принести въ даръ саблю Св. Дѣвѣ, что онъ и исполнилъ.

[3]) «Action», 31 janvier, 1 fevrier. «Intransigeant, 17 février 1892.

[4]) «Action», 13 février 1892.

Dieu), чтобы имъ объявить приказъ не продавать солдатамъ газету l'Action [1])

Въ Мискольцѣ (Австро-Венгрія), Роттъ, поручикъ 29 стрѣлковаго батальона, зло обходился съ солдатомъ, студентомъ медицины, приказалъ привязать его на цѣлый день, связавъ ему руки за спиной. Это наказаніе указано въ регламентѣ [2])

Въ Соединенныхъ Штатахъ, полковникъ Стритеръ съ одобренія генерала Сновдена приказалъ подвѣсить за большіе пальцы рукъ солдата Джемса, на тридцать минутъ, за то, что Джемсъ одобрялъ покушеніе рабочихъ противъ директора заводовъ въ Корнежи [3]).

Въ Италіи полковникъ выдергиваетъ у солдата волоски изъ усовъ [4]).

Безн, генеральный совѣтникъ, администраторъ оранской газеты Petit Fanal, сообщалъ въ Ноябрѣ 1890 года слѣдующіе факты:

Старшій врачъ Казалась не хочетъ признать больнымъ одного молодого человѣка, который отбывалъ воинскую повинность какъ вольноопредѣляющійся. Этотъ несчастный страдалъ начальнымъ періодомъ локомоторной атаксіи и долженъ былъ оставить маневры. Его начальникъ отправилъ его для медицинскаго осмотра. Казалась увидѣлъ его въ лазаретѣ, и не изслѣдуя его, не обращая вниманія на симптомы болѣзни, подвергнулъ его дѣйствію электрическаго тока, столь сильнаго, что бѣдняга сталъ просить пощады. Этотъ электрическій сеансъ возобновлялся нѣсколько разъ. Казалась, предписавшій больному діэту, очень его ослабившую, въ одинъ день приказалъ солдату тащить тачку, наполненную землей, и

[1]) «Action», 17 Février 1892.
[2]) «XIX Siècle», 3 juillet 1892.
[3]) «Intransigeant», 30 juillet 1892.
[4]) «Secolo» de Milan, 11 août 1893.

когда послѣдній не могъ этого сдѣлать, Казаласъ далъ ему пинка. Артиллеристъ, благодаря своему капитану, могъ уйти изъ лазарета и лѣчиться въ городѣ. Чрезъ два мѣсяца онъ выздоровѣлъ. Электрическій токъ употреблялся Казаласомъ какъ средство наказанія. Зуавъ, страдавшій недержаніемъ мочи, солдатъ „не желавшій выздаравливать“, и другіе, были подвергнуты току на четверть часа. Разъ приходитъ къ Казаласу зуавъ больной глазами. Когда Казаласъ не призналъ его больнымъ, зуавъ замѣтилъ: „Но у меня одинъ глазъ почти потерянъ;“ „Когда ты потеряешь оба глаза, сказалъ Казаласъ, я куплю тебѣ собаченку, чтобы она служила тебѣ вожатымъ“. Зуавъ потерялъ глазъ и получилъ отставку безъ пенсіи, и т. п.

8 Марта въ Лангрессѣ, 13 Апрѣля 1891 г. въ Парижѣ, пѣхотинцы умирали отъ небрежности: старшіе врачи не признавали ихъ больными[1]).

На маневрахъ 1891 г., старшій врачъ билъ палкой солдатъ, падавшихъ отъ жары[2]).

Подобными фактами можно было бы наполнить цѣлые томы, если бы разспрашивать всѣхъ, кто служилъ въ войскѣ. Можно сказать, не опасаясь ошибиться, что ни въ одной странѣ не найдется ни одного человѣка, который во время своей службы, не былъ бы самъ жертвой подобныхъ поступковъ или не видѣлъ бы, какъ они допускались по отношенію къ другимъ.

Эти типическіе факты — преступленія, потому что они очень вредятъ личной свободѣ. Они заслужива-

[1]) Hamon, L. C., année 1891 p. 173.
[2]) Ibid. p. 539.

ютъ порицанія, такъ какъ приносятъ вредъ индивидууму, они совершенно безполезны коллективной единицѣ. Дисциплина не можетъ служить даже тѣнью къ оправданію поступковъ профессіональныхъ военныхъ: нимало не поддерживая дисциплины, они только порождаютъ болѣе или менѣе открытыя возмущенія противъ соціальной организаціи, дозволяющей совершеніе такихъ преступленій.

Антимилитаризмъ безпрерывно усиливающійся у всѣхъ народовъ, какъ это доказываютъ все возрастающія численно военныя преступленія, (дезертерство, инсубординація, и пр.), газетныя хроники, романы, точныя картины изъ солдатскаго быта, и проч., все это есть неопровержимое доказательство всеобщей реакціи, направленной противъ сферы, порождающей преступныя дѣйствія.

Итакъ, если для объясненія этихъ дѣйствій не оказывается элемента полезности, то спрашивается, какіе психическіе элементы могутъ служить къ опредѣленію ихъ генезиса?

Обыкновенное явленіе составляетъ тотъ фактъ, что человѣкъ обладающій властью, каковъ бы ни былъ размѣръ этой послѣдней, неудержимо стремится къ злоупотребленію этою властью. Вообще человѣкъ, облеченный властію надъ другими, забываетъ границу, отдѣляющую пользованіе властію отъ злоупотребленія ею. Это забвеніе, ведущее обладателей властію къ произволу и слѣдовательно къ значительнымъ преступленіямъ, въ придачу незамѣтнымъ для массы и отрицаемымъ ею, нисколько не удивляетъ мыслителя.

Дѣйствительно, онъ знаетъ, что какъ будто невозможно провести разграничивающую черту между употребленіемъ и злоупотребленіемъ. Это зависитъ отъ столькихъ обстоятельствъ, что тутъ невозможны общія правила. Существуютъ только частные случаи, въ которыхъ каждый долженъ разбираться согласно своему пониманію, своему разуму.

При настоящей организаціи общества, всякій обладатель власти получаетъ ее, такъ сказать, навсегда. Онъ пользуется ею по отношенію ко всему и всѣмъ безъ всякой узды, кромѣ той, которую находитъ въ самомъ себѣ; потому что законы, говорящіе о равенствѣ людей, объ уваженіи къ свободѣ, теряютъ свою силу вслѣдствіе солидарности, связывающей всѣхъ людей, обладающихъ какою бы то ни было властію.

Результатомъ этого является фактъ, что человѣкъ облеченный властью всегда переступаетъ границы пользованія ею, чтобы прійдти къ злоупотребленію властію. Поэтому то нѣкоторые философы съ глубокой логикой основательно выводили изъ этого общаго факта необходимость уничтоженія всякой власти, всякаго авторитета, попадающихъ навсегда въ распоряженіе извѣстныхъ лицъ. Они признавали только такую власть, которая дается съ общаго согласія коллективной единицы въ виду опредѣленныхъ обстоятельствъ, и которая прекращается съ прекращеніемъ этихъ опредѣленныхъ обстоятельствъ.

Указанное злоупотребленіе властію, свойственное человѣку, обостряется съ продолжительностію поль-

зованія властію. Узда, которую человѣкъ могъ находить въ своемъ чувствѣ справедливости, притупляется отъ привычки господствовать надъ другими. Подъ вліяніемъ этой привычки въ его мозгу образуется понятіе о его превосходствѣ надъ всѣми людьми, подчиненными его власти. Въ то же время онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ подражательности, побуждающей его слѣдовать примѣру другихъ людей, обладающихъ властію.

Молчаливое терпѣніе большинства жертвъ злоупотребленія властію, легко объяснимое вліяніемъ цѣлыхъ тысячелѣтій рабства, даетъ основаніе думать о справедливости, о благѣ такихъ злоупотребленій, виновники которыхъ такимъ образомъ побуждаются упорно держаться принятого склада жизни. Возмущенія отдѣльныхъ жертвъ вліяютъ только на нѣкоторыхъ обладателей власти. Тогда, смотря по степени атрофіи, до которой практика власти довела ихъ чувство справедливости, ихъ чувствительность, — они раздавливаютъ, *наказываютъ* возмутившихся, чтобы помѣшать возмущеніямъ другихъ, или же сами бросаются въ лагерь возмутившихся. Но послѣднихъ чрезвычайно мало: это самые высокіе по интеллекту, по морали.

Всякая идея власти сопровождается идеей владѣнія, даже когда дѣло касается лицъ. Такъ отецъ говоритъ: „мои дѣти“; хозяинъ: „мои рабочіе; чиновникъ: „мои подчиненные“; буржуа: „мои слуги“; учитель: „мои ученики“: офицеръ: „мои люди“.

Идея владѣнія вещью включаетъ въ себѣ какъ

часть идею какого угодно пользованія этою вещью: владѣтель ея можетъ ее разбить, уничтожить; вещь принадлежитъ ему, онъ ея господинъ. Таково теперешнее понятіе, таково теперешнее право, представляющее едва замѣтное измѣненіе гражданскаго римскаго права. Идея владѣнія живыми существами логически должна привести къ такому же результату. Такъ оно и есть въ дѣйствительности, такъ какъ рабъ былъ вещью его господина. Такъ стоитъ дѣло и въ наше время: всѣмъ извѣстно, что для большинства родителей — ребенокъ есть ихъ вещь. Они удивляются, если имъ мѣшаютъ бить ихъ ребенка: онъ принадлежитъ имъ, онъ ихъ вещь, они его господа.

Очень многія націи арійской цивилизаціи еще проникнуты такими идеями относительно животныхъ и съ трудомъ допускаютъ, что коллективная единица должна порицать жестокости, практикуемыя надъ животными ихъ хозяевами. Животное есть вещь владѣтеля, который можетъ поступить съ животнымъ, какъ ему вздумается. Такими взглядами опредѣляются даже отношенія мужей и женъ. Здѣсь еще живѣе эти взгляды; такъ какъ большинство женщинъ безъ возмущенія принимаютъ ихъ. Въ рабочей средѣ это отожествленіе власти и владѣнія приняло смягченныя формы, потому что рабочіе, проникнутые чувствомъ человѣческаго достоинства, возмущались и заставляли коллективныя единицы вмѣшиваться въ дѣло при помощи законовъ, чтобы регламентировать примѣненіе къ практикѣ власти хозяевъ. Впрочемъ эти законы часто нарушаются.

Указанный пережитокъ той эпохи, когда идея власти заключала въ себѣ, какъ составную часть, идею владѣнія, а эта послѣдняя — идею безграничнаго употребленія, объясняетъ собой то изобиліе злоупотребленій, которое соціологи констатируютъ во всякой сферѣ примѣненія власти: въ семьѣ, въ примѣненіи къ рабочимъ, въ сферѣ правительственной, военной.

У профессіональныхъ военныхъ отожествленіе понятій „власть и обладаніе“ сохраняется въ цѣлости. Солдатъ, человѣкъ, для нихъ ничто иное какъ вещь, которую они приводятъ въ дѣйствіе, съ которой обращаются по своему произволу. Законы, и нужно сказать недостаточные, установленные для огражденія власти съ цѣлью обезпечить уваженіе къ человѣческому достоинству и свободѣ, оказываются мертвой буквой. Они потеряли силу, были уничтожены на практикѣ солидарностію, объединяющею профессіональныхъ военныхъ. Доказательствомъ служатъ уже цитированные нами типическіе факты. По военному кодексу командиръ Базенъ, подпоручикъ Б... де ля Р.. должны были быть отданы подъ военный судъ. Однако кодексъ не былъ примѣненъ: профессіональные судіи оправдали всѣхъ, какъ они оправдывали унтеръ-офицеровъ, обвинявшихся въ такихъ же преступленіяхъ, какъ въ Германіи такіе судіи приговаривали къ смѣшнымъ наказаніямъ.

Итакъ на основаніи предъидущаго мы должны признать, что преступленія, указанныя нами и аналогичныя имъ, вытекаютъ изъ общаго всѣмъ людямъ

стремленія къ злоупотребленію властію, которая имъ дана. Форма этихъ злоупотребленій отличается звѣрствомъ; потому что насиліе есть характерная черта военной профессіи. Всѣ типическіе примѣры доказываютъ это звѣрство. Въ этомъ смыслѣ особенно поучительны примѣры, относящіеся къ врачамъ. Врачи по самой профессіи своей должны быть жалостливыми, мягкими, альтруистами. Ихъ цѣль — лѣчить, то есть, заботиться о больныхъ, отданныхъ на ихъ попеченіе. И что же! Военная профессія такъ отражается на психикѣ врачей, что они становятся менѣе всего врачами и больше всего военными. Указанные примѣры и масса другихъ, которые можно бы привести въ подтвержденіе нашего тезиса — служатъ доказательствами.

Резюмируя все, скажемъ, что генезисъ этихъ преступленій, совершаемыхъ надъ людьми той же профессіи, но только подчиненными, опредѣляютъ слѣдующія причины: пережитокъ идеи о власти, отожествляемой съ идеей владѣнія, въ свою очередь содержащей въ себѣ идею неограниченнаго, ничѣмъ несдерживаемаго пользованія; усиленіе авторитарныхъ взглядовъ вслѣдствіе привычки командовать и видѣть рабское послушаніе подчиненныхъ; профессіональная солидарность; подражаніе и вытекающее отсюда соревнованіе; насиліе какъ характеристическая особенность, зависящая отъ самой практики военной профессіи.

Перечисленіе причинъ, опредѣляющихъ эти преступленія доказываетъ логическую невозможность

смотрѣть на виновниковъ этихъ преступленій какъ на нравственно отвѣтственныхъ. Поступки должны быть заклеймены, а ихъ авторы заслуживаютъ сожалѣнія, какъ представители неразвитой нравственности. Разсудокъ не можетъ признать ихъ отвѣтственными; потому что ихъ преступленія есть равнодѣйствующая, которую образуютъ слѣдующія составляющія: во 1-хъ, психика людей, совершающихъ преступленія (она въ свою очередь зависитъ отъ органическихъ качествъ мозга, создавшихся путемъ наслѣдственности; отъ вліянія климатическаго, теллурическаго, интеллектуальнаго и моральнаго, дѣйствовавшаго въ годы ранняго дѣтства и во время воспитанія); 2-хъ, среда климатерическая и теллурическая во время акта преступленія; въ 3-хъ, среда профессіональная и соціальная.

Глава VII

Звѣрство внѣ профессіональной среды.

Пока эти преступленія совершаются въ профессіональной сферѣ, жертвами ихъ бываютъ подчиненные, и мы указали уже факторы генезиса этихъ преступленій. Если же онѣ совершаются внѣ профессіональной сферы, то выступаетъ новый факторъ въ придачу къ прежнимъ, — это болѣе или менѣе сильное презрѣніе, питаемое профессіоналистами къ лицамъ не занимающимся этимъ „славнымъ военнымъ ремесломъ“.

Мы уже отмѣтили существованіе этого чувства,

въ большей или меньшей степени сказывающагося у всѣхъ членовъ большихъ соціальныхъ или профессіональныхъ классовъ. Высшая степень его существуетъ въ нашемъ обществѣ у военныхъ, которые представляютъ собой древнихъ воиновъ, всегда принадлежавшихъ къ кастѣ знатныхъ, то есть по своему положенію высшихъ чѣмъ обыкновенные смертные.

У теперешнихъ дикихъ народовъ, какъ у нашихъ доисторическихъ предковъ, воинъ занимаетъ первое мѣсто. Въ греко римскій историческій періодъ было тоже самое, несмотря на утонченность греческой цивилизаціи, въ которой искуство, политика и философія занимало очень важное мѣсто, скоро впрочемъ утраченное вслѣдствіе гегемоніи Рима надъ азіатско европейскимъ міромъ. Въ средніе и новые вѣка военная служба составляетъ исключительную привиллегію знати съ наемниками, представлявшими простую массу войска. Военная профессія долго была единственнымъ средствомъ получить благородное званіе.

Такое преимущество воина передъ прочими людьми необходимо привело къ преимуществу военной профессіи передъ остальными профессіями. Благодаря этому самый фактъ принятія въ военную профессію доставлялъ данному лицу превиллигированное положеніе передъ членами другихъ профессій.

Профессія дѣлала его, такъ сказать, дворяниномъ. Чувство это передано и нашей эпохѣ. Оно сохранилось даже во всей его примитивной цѣлости, благодаря незначительному à priori, но тѣмъ не менѣе важному факту: мундиру или формѣ.

Этотъ спеціальный костюмъ, позволяющій отличить, выдѣлить военнаго изъ массы всѣхъ остальныхъ, былъ причиной роста корпоративнаго духа и выработки слѣдующаго взгляда: кто носитъ форму, тотъ выше тѣхъ, кто не имѣетъ права носить ее, для которыхъ эта профессія закрыта, какъ для людей низшихъ. Это чувство профессіональнаго превосходства развитое до высокой степени посредствомъ отличительнаго знака, который носятъ члены названной профессіи, сказывается во всякой профессіи, гдѣ дѣло стоитъ также, напримѣръ, въ судейскомъ сословіи. У военныхъ это чувство развито до maximum'а, потому что военные всегда носятъ ихъ профессіональный отличительный знакъ.

Судебныя должностныя лица надѣваютъ форму только на время исполненія своихъ обязанностей, военные же носятъ ее постоянно. Всегда они чувствуютъ себя отличными отъ остальныхъ людей, одѣтыхъ банально, тогда какъ они носятъ мундиръ, который поэтому и можетъ быть носимъ только высшими изъ людей. Къ мундиру присоединяется шпага, которую могутъ носить военные подобно знати среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Эти внѣшнія различія, отдѣляющіе военныхъ отъ остальныхъ людей, у которыхъ костюмъ и разныя внѣшнія, профессіональныя, принадлежности сдѣлались однообразными, — являются, повторяю я, одною изъ причинъ, благодаря которымъ сохраняется въ цѣлости корпоративный духъ, то есть понятіе о

превосходствѣ военныхъ профессіональныхъ надъ другими людьми.

У нашихъ предковъ доисторическаго времени, а также въ римскій періодъ исторіи или въ средніе вѣка эти преимущества военнаго передъ невоеннымъ отчасти могли быть оправдываемы. Какъ у теперешнихъ дикихъ народовъ, тогдашній воинъ выполнялъ очень важную соціальную функцію: защищалъ пастора, земледѣльца, ремесленника.

Правда, онъ ихъ эксплуатировалъ, но въ послѣднемъ счетѣ за эту эксплуатацію, за свой паразитизмъ непроизводителя, онъ платилъ тѣмъ, что давалъ нѣкоторую защиту производителю. На первый взглядъ эта защита казалась болѣе полезною чѣмъ производительный трудъ, и поэтому защитникамъ оказывался большой почетъ, который порождалъ въ нихъ профессіональную, кастовую надменность.

Въ новые вѣка, какъ и въ настоящее время, это предпочтеніе военныхъ сохраняло силу, хотя для этого не было никакого основанія, особенно нѣтъ ихъ въ теперешнюю эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, профессіональная роль военнаго постоянно съуживается, тогда какъ роль производителя физическаго и интеллектуальнаго растетъ. Эта общая тенденція можетъ только усиливаться вслѣдствіе расширенія образованія, которое развиваетъ мозгъ и ведетъ къ все меньшему и меньшему употребленію грубой силы. Кромѣ того теперь съ системой національныхъ армій защита болѣе не составляетъ роли профессіональнаго военнаго, она совершается мужскимъ элементомъ самой

націи. Итакъ совершенно неопровержимо, что теперь преимущества военныхъ предъ штафирками не имѣютъ никакого основанія и безусловно ирраціональны.

Тѣмъ не менѣе понятіе объ этомъ превосходствѣ существуетъ, какъ атавистическій пережитокъ, и въ такой сильной степени, что въ самой военной средѣ оно сказывается на отношеніяхъ боевыхъ къ небоевымъ, на отношеніяхъ другъ къ другу военныхъ разныхъ родовъ оружія. Слѣдующая выписка изъ письма военнаго врача покажетъ настоящія основы такой точки зрѣнія:

„Тотъ малый опытъ, которымъ я обладаю, побуждаетъ меня вовсе не желать жить въ обществѣ офицеровъ. Сколько разъ вспоминалъ я сказанныя вами мнѣ слова: «что милитаризмъ — соціальная рана», до какой степени я нахожу вѣрными эти слова теперь, когда разсматриваю вблизи вещи и людей! Военный, собственно говоря, есть лишь добавочный членъ общества, и однако всякій носящій саблю или шпагу претендуетъ или думаетъ, что общество существуетъ для военныхъ

Каждый разъ когда мнѣ приходится обѣдать съ офицерами, все время — отъ закуски до десерта, я долженъ самъ уничтожать, или по крайней мѣрѣ видѣть, какъ это дѣлаютъ другіе, — штафирокъ, сюртучниковъ. И здѣсь... военные немилосердно терзаютъ штафирку... За отсутствіемъ штафирокъ военные грызутся между собою: пѣхотинцы съ артиллеристами, моряки съ сухопутными... какая тяжелая картина!“[1]).

---

[1]) Hamon, L. C., année 1891, p. 428.

Понятіе объ этомъ профессіональномъ превосходствѣ непремѣнно должно обнаруживаться. Въ былое время, принимая криминальныя формы, агрессивныя противъ не военныхъ, оно порождало благородные поступки и самопожертвованія, совершавшіеся въ доказательство этого превосходства военныхъ надъ другими людьми. Теперь во время войны сражаются всѣ, слѣдовательно понятіе о профессіональномъ превосходствѣ болѣе не можетъ вести къ благороднымъ поступкамъ, къ жертвамъ, которые, какъ показываютъ факты, совершаются какъ профессіональными военными, такъ и другими людьми. Стало быть, оно проявляется теперь только преступными фактами, агрессивными противъ не военныхъ, что особенно замѣтно во время мира. И такъ какъ насиліе, какъ уже показано, составляетъ характеристическую черту военной профессіи, то естественно ожидать, что эти криминальные факты будутъ выражаться въ грубыхъ формахъ нападенія на не военныхъ. Слѣдующіе факты, взятые изъ множества другихъ, доказываютъ вѣрность такой точки зрѣнія.

Въ Зальцведалѣ, уланскій поручикъ потѣшается тѣмъ, что ночью стрѣляетъ изъ револьвера на улицѣ, чтобы пугать филистимлянъ въ ихъ постеляхъ. Онъ же снимаетъ гайки съ колесъ телѣги. Во время этой неостроумной забавы приходитъ хозяинъ телѣги и начинаетъ бить поручика. Тотъ убѣгаетъ къ себѣ, беретъ саблю и форменную шапку (онъ былъ не въ формѣ) и идетъ за стражей. Возвратившись съ своими людьми, ударомъ сабли онъ убиваетъ одного коммер-

санта. Случайно проходившій въ это время капитанъ помѣшалъ атаковать штафирокъ [1]).

Въ сентябрѣ 1890 г., въ Тулонѣ, подпоручикъ Жинальгакъ, является причиной скандала, арестовавъ солдата, забывшаго отдать ему честь. Началась газетная полемика. Подпоручикъ съ тремя другими офицерами идетъ въ редакцію одной изъ газетъ и наноситъ удары редактору Давиду [2]).

Наказанный 30 днями ареста, онъ былъ отправленъ въ Рошфоръ, и едва прибылъ туда, побилъ не военнаго Р..., который оказался морскимъ фармацевтомъ въ высшемъ чинѣ, чѣмъ нашъ подпоручикъ. Все таки дѣло было замято [3]).

Въ Болоньѣ, Монтліонѣ, Аквилѣ, офицеры съ оружіемъ въ рукахъ, изъ за самыхъ незначительныхъ пустяковъ, нападали на мирныхъ гражданъ [4]).

Въ Веронѣ, четыре кавалерійскихъ офицера, среди улицы, пытались цѣловать дѣвушку, учительницу Азенти [5]).

Въ Камбрэ офицеры бѣгаютъ по улицамъ крича: «Мы находимся въ странѣ свиней», и колотятъ палками несчастнаго негоціанта, который находилъ страннымъ такіе крики [6])

Въ Шербургѣ, поручикъ Гюссонъ съ наступленіемъ ночи идетъ въ засаду, чтобы подкараулить Шаруана, главнаго редактора, Progrès'a; неожиданно набрасывается на него и зубами рветъ его ухо [7]).

Въ томъ же городѣ, ночью съ 11 на 12 апрѣля,

---

[1]) «Berliner Tagblatt», 9 juin 1888.
[2]) Hamon. L. C., T. II, année 1890, p. 205.
[3]) Hamon, L. C., 1891, p. 425,
[4]) «Secolo», Milan, 11 août 1893.
[5]) «Parti Socialiste», 26 août 1893.
[6]) Hamon, L. C. 1891, p. 425.
[7]) Ibid. p. 425.

нѣсколько офицеровъ морской пѣхоты занимаются уличными безобразіями, бьютъ стекла въ окнахъ, ломаютъ городскіе часы и, наконецъ, насильно врываются въ домъ, гдѣ праздновалась свадьба. На вѣжливую просьбу удалиться они отвѣчаютъ толчками и побоями многимъ лицамъ и одного человѣка тяжело ранятъ. Не было никакого судебнаго преслѣдованія [1]).

Въ Гамбургѣ, поручикъ Блюмъ, шедшій съ двумя ротами, на улицѣ атакуетъ гражданъ и многихъ изъ нихъ ранитъ [2])

Въ Декабрѣ, военный судъ приговорилъ только къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы одного артиллериста, убившаго въ Монвилѣ кожевника изъ за проститутки [3]).

Въ Тулонѣ 23 Марта ночью, офицеры дрались съ гражданами [4])

Въ Ліонѣ, капитанъ Ритленъ и капитанъ Ванъ-Мерленъ, въ редакціи газеты l'Action грубо нападаютъ на редактора: кулачная и палочная расправа [5]).

Въ Эрфуртѣ, 2 Іюня три офицера бьютъ саблями двухъ гражданъ. Случайно проходившему патрулю офицеръ закричалъ: «Стрѣляйте по нимъ»; но солдаты не имѣли патроновъ и ограничились тѣмъ, что били прикладами [6]).

Въ Спирѣ, поручикъ Гопфнеръ наноситъ побои Вольфу, редактору Gazette de Spire, и за это его приговариваютъ только къ 43 днямъ заключенія въ крѣпости, то есть къ minimum'у наказанія [7]).

Въ Цвинау, три прогуливавшихся офицера увидѣли

---

[1]) Hamon, L, C., année, 1891, p. 176.
[2]) «Petite Journal», 25 mars 1891.
[3]) Hamon, L. C. année 1891, p. 650.
[4]) «Intransigeant», 25 mars 1892.
[5]) «Action», 19 mars 1892.
[6]) «Figaro», 3 juin 1892.
[7]) Ibid. 4 juin.

на улицѣ, около одного дома, сидящаго углекопа. Одинъ изъ офицероеъ спросилъ его, что онъ тутъ дѣлаетъ и приказалъ ему уходить. Рабочій отвѣтилъ: „Это не ваше дѣло“. Тогда офицеръ обнажилъ саблю и тяжело ранилъ рабочаго [1]).

Въ Ганойѣ, капитакъ Ле-Блуа оскорбилъ журналиста Левассера, и сдѣлалъ это, повидимому, по приказанію генерала Рестъ.

Въ Гренобліѣ, во время пожара, поручикъ М..., удаляя со двора собравшуюся толпу, толкаетъ, грубитъ, ругаетъ одного журналиста и Кутюрье де Ройя — прокурора [2]).

Въ Реймсѣ, въ Апрѣлѣ, ночью, три офицера, изъ которыхъ одинъ въ формѣ, ради развлеченія колотили палками по крышкѣ фіакра. Кучеръ дѣлаетъ замѣчаніе. Офицеры отвѣчаютъ руганью. Ссора. Кучеръ замахнулся кнутомъ, но никого не задѣлъ и уѣхалъ. Офицеры преслѣдуютъ его и догоняютъ. Одинъ изъ нихъ Ш..., поручикъ 4 полка алжирскихъ стрѣлковъ, также какъ и два его товарища — прикомандированные къ Шалонской школѣ, такъ сильно ударилъ кучера по головѣ, что у того кровь брызнула и потекла обильной струей. Въ дѣло вмѣшиваются нѣсколько человѣкъ изъ публики, и полицейскій задерживаетъ офицеровъ, которые хотѣли скрыться [3]).

Въ Страсбургѣ, мясникъ съ телѣгой попалъ между двухъ ротъ, возвращавшихся съ ученія. Это непонравилось поручику, который ринулся на мясника и нанесъ ему очень сильный ударъ саблей плашмя [4]).

Въ Кольмарѣ, въ пустынной улицѣ, нѣсколько офицеровъ, конечно пьяныхъ, искали ссоры съ однимъ

---

[1]) «Intransigeant». 1 juillet 1892.
[2]) «Matin» 14 août 1892.
[3]) «Eclaireur de l'Est», avril 1892.
[4]) «XIX Siècle» 23 mai 1892.

старикомъ, принадлежавшимъ къ почетнымъ лицамъ города. Пришедшій въ негодованіе старикъ назвалъ ихъ негодяями. Офицеры обнажили сабли и били старика сначала плашмя, а потомъ рубили его и оставили свою жертву, сильно израненною [1]).

Въ Майенсѣ, поручикъ Люціусъ, сынъ бывшаго министра, развлекался въ кофейнѣ тѣмъ, что бросалъ монеты въ лица присутствовавшихъ, и чтобы сильнѣе высказать свое презрѣніе, приговаривалъ: „гессенская свиньи“. Потомъ онъ затѣваетъ ссору съ двумя уважаемыми коммерсантами, ругаетъ ихъ, и, грозя саблей, заставляетъ ихъ прыгать поверхъ протянутой его ноги. Въ городскомъ саду тотъ же поручикъ хотѣлъ ударить саблей садовника, желавшаго помѣшать его собакѣ портить зелень [2]).

Въ Берлинѣ 20 Мая, пѣхотный офицеръ, среди улицы, въ десять часовъ утра, наноситъ нѣсколько ударовъ саблей пожилому господину, единственная вина котораго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ съ собою моську, непонравившуюся датскому догу поручика [3]).

Въ Спирѣ, въ газетѣ была напечатана критическая замѣтка объ одномъ офицерѣ. Этотъ офицеръ съ двумя своими товарищами приходитъ въ контору газеты и хочетъ ударить директора, но директоръ швырнулъ стулъ офицеру въ голову. Офицеры обнажили сабли. Журналистъ грозитъ имъ револьверомъ. и офицеры обращаются въ бѣгство [4]).

Въ Дюрбахѣ, молодой чиновникъ, женихъ молодой дѣвушки, оскорбилъ поручика, ея любовника. Послѣдній подкараулилъ чиновника и выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Поручика не преслѣдовали, а чинов-

---

[1]) «XIX Siècle». 23 mai 1892.
[2]) «Matin», 20 et 23 mai 1892.
[3]) «Matin», 21 mai; «Figaro» 24 mai 1892.
[4]) «Peuple». 31 mai 1892.

никъ былъ заключенъ на мѣсяцъ въ тюрьму за оскорбленіе офицера [1]).

Въ Кобленцѣ, 20 марта, поручикъ фонъ-Залишъ убилъ шпагой проходившаго по улицѣ прикащика Веймана. Военный судъ приговорилъ офицера на годъ тюрьмы, императоръ же Вильгельмъ немедленно помиловалъ его. Мать убитаго, оскорбленная этимъ помилованіемъ, написала поручику обидное письмо, которое онъ отправилъ въ судъ съ просьбою возбудить преслѣдованіе. Г-жа Веймапнъ мать была приговорена къ штрафу въ 30 марокъ [2]).

Въ Берлинѣ, солдатъ Люцке, будучи въ караулѣ, выстрѣлилъ въ двухъ рабочихъ, одного убилъ, а другого тяжело ранилъ. Его начальники поздравляли его и награждали. Императоръ Вильгельмъ II сказалъ ему нѣсколько словъ передъ войсками, выразившись, что „его поступокъ составляетъ честь полка, къ которому онъ принадлежитъ“. Императоръ пожалъ ему руку, запросто поговорилъ съ нимъ, назначилъ его солдатомъ перваго класса и подарилъ ему свой портретъ съ автографомъ [3]).

Всѣ эти факты типичны и многіе изъ нихъ рѣшительно напоминаютъ развлеченія знатныхъ сеньоровъ стараго времени, совершавшихъ свои продѣлки на счетъ крестьянъ. Строгость вѣрнѣе ласки, говоритъ старая поговорка, которую, конечно, знаютъ военные по профессіи; вотъ они и не даютъ забываться штафиркамъ. Но если посмотрѣть на протесты, на отвѣты, какіе даютъ военнымъ штатскіе на всякое

[1]) «Peuple», 18 août 1892.
[2]) «XIX Siècle», 6 décembre 1892.
[3]) «Figaro» et «Matin» 11 mai 1892.

издѣвательство, на всякую обиду, то нельзя сказать, чтобы эти послѣдніе старались дать оправданіе старой пословицѣ.

Во всякомъ случаѣ военные грубо оскорбляютъ штатскихъ, это имъ не стоитъ ничего, или очень мало. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ случаяхъ аналогичныхъ указаннымъ, обыкновенно не бываетъ судебнаго преслѣдованія, а все ограничивается минимальнымъ дисциплинарнымъ взысканіемъ. Если правосудіе и вмѣшивается иногда, то все устраивается по отечески; потому что, какъ выразился въ обвинительной рѣчи государственный прокуроръ Ассодъ, „между арміей и судомъ споконъ вѣковъ существуютъ взаимныя отношенія, проникнутыя чрезвычайною любезностію и уваженіемъ“ [1]). Если бы тѣ же преступленія были совершены штатскими, то судъ былъ бы гораздо менѣе снисходителенъ. Я не останавливаюсь на этомъ вопросѣ, а лишь отмѣчаю фактъ, чтобы показать, что онъ способствуетъ сохраненію грубыхъ нравовъ.

Читая объ этихъ типическихъ фактахъ грубости, совершающихся въ профессіональной военной средѣ и внѣ ея, нельзя не замѣтить, что число ихъ значительнѣе въ Германіи чѣмъ во Франціи. Дѣйствительно они представляютъ явленіе болѣе обычное по ту сторону Вогезъ, чѣмъ въ нашей странѣ. Такъ и должно быть, потому что въ Германіи всякій чело-

[1]) Mat-Gioi. Un point d Histoire coloniale, p 15 — Paris 1892. Savine, éditeur.

вѣкъ, носящій форму, занимаетъ положеніе еще много значительнѣе того, какое имѣютъ такія же лица во Франціи. Германія есть страна большаго милитаризма чѣмъ Франція. Такое преобладающее значеніе профессіи неизбѣжно приводитъ ея членовъ къ убѣжденію въ ихъ крайнемъ превосходствѣ надъ другими людьми. Отъ такого убѣжденія до понятія, что имъ все позволительно, — одинъ шагъ. Результаты быстро даютъ себя чувствовать, какъ это можно видѣть по нашимъ примѣрамъ.

Эти акты насилія, быть можетъ, позволяютъ лучше всего констатировать вліяніе профессіональной среды на личность. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ же мотивы, которые побуждаютъ военныхъ къ звѣрскимъ поступкамъ, напримѣръ къ дикимъ нападеніямъ на журналистовъ, у штатскихъ они вызываютъ дѣйствія только мирнаго свойства. Поступки идентичные съ поступками военныхъ встрѣчаются очень рѣдко въ средѣ штатскихъ, составляющихъ ту или иную соціальную группу: среди медиковъ, судей, ученыхъ, инженеровъ, артистовъ и др.. Причины, по которымъ преступленія военныхъ принимаютъ форму „насилія“, не могутъ быть относимы ни къ семейному, или къ школьному воспитанію, ни къ семейной или къ соціальной средѣ; потому что эти элементы постоянны въ различныхъ криминальныхъ фактахъ выше перечисленныхъ профессій. Слѣдовательно, логика заставляетъ насъ признать, что форма преступленій военныхъ зависитъ отъ вліянія самой военной профессіи, дѣйствующей, какъ мы уже сказали, на

мозгъ, представляющій готовую почву, какъ это видно изъ факта выбора этой профессіи. Виновники этихъ звѣрскихъ поступковъ, допускаемыхъ ими какъ въ профессіональной средѣ, такъ и внѣ ея, должны быть признаны нравственно не отвѣтственными. Эти поступки, какъ мы объяснили, составляютъ равнодѣйствующую слагаемыхъ; они, при данныхъ условіяхъ и данной средѣ, и не могли быть иными чѣмъ были. „Индивидуумъ, сказалъ Герценъ [1]), свободенъ *дѣлать* то, что онъ хочетъ, когда исполненіе хотѣнія не встрѣчаетъ помѣхи; но онъ не свободенъ *хотѣть*, что ему угодно, потому что его хотѣнія — продуктъ физической и психической организаціи, частію наслѣдственной, частію выработанной условіями среды, въ которыхъ индивидуумъ развивался и находится въ данный моментъ“. Виновники этихъ актовъ *вовсе не были свободны не хотѣть* совершать ихъ. И такъ какъ они были свободны выполнить ихъ хотѣніе, то они по необходимости совершали эти преступныя дѣйствія. Гдѣ есть необходимость, тамъ нѣтъ мѣста для отвѣтственности.

Глава VIII

Грубость въ профессіональной средѣ и внѣ ея.

Во всѣхъ перечисленныхъ мною типическихъ случаяхъ рядомъ съ грубостію *дѣйствія* стоитъ грубость *слова* или просто грубость, представляющая собою

[1]) Le Cerveau et l'Activité cérébrale, p. 158. Paris. 1887.

смягченную форму первой грубости. Чрезмѣрная раздражительность, развивающаяся отъ безконтрольнаго пользованія властію, преувеличенное чувство профессіональнаго превосходства, въ соединеніи съ характеристическимъ насиліемъ, какъ мы видѣли, проявляются въ формахъ жестокости и надъ подчиненными и надъ штатскими. Тѣ же самыя причины, вліяя на людей менѣе жестокихъ, ведутъ къ проявленіямъ лишь простой грубости.

Большинство профессіональныхъ военныхъ отличается жестокостію, что же касается грубости, то она свойственна всѣмъ имъ. Эти слова вовсе не преувеличеніе, онѣ убѣдительно доказываются фактами. Нѣтъ ни одного человѣка, служившаго въ войскѣ, который не былъ бы свидѣтелемъ этой грубости. Она какъ будто неразрывно связана съ военной профессіей и представляетъ всѣ степени отъ самой пошлой ругани до простой заносчивости. Я говорю, что грубость и военная профессія неразрывны. Дѣйствительно, какое интересное зрѣлище для наблюдателя — видѣть, какъ различенъ одинъ и тотъ же военный въ казармѣ и въ салонѣ. Здѣсь въ свѣтской средѣ, онъ вѣжливъ, изященъ, воспитанъ, онъ прекрасный человѣкъ. Тамъ, въ казармѣ, тотъ же самый человѣкъ ругается какъ извощикъ, горланитъ, и уже по одному этому онъ пошлякъ. Самыя грязныя слова легко сходятъ съ тѣхъ устъ, которыя въ другомъ мѣстѣ декламировали нѣжные стихи. Съ низкими ругательствами обращается онъ къ тѣмъ людямъ, которые будучи его подчиненными, находясь подъ

угрозой военнаго регламента, не могутъ отвѣтить и обязаны терпѣть всѣ эти грубости, глубоко оскорбляющія ихъ человѣческое достоинство.

Оскорбленія эти бываютъ такъ сильны, что даже люди съ низкимъ уровнемъ развитія, протестуютъ: одни прямо бунтуясь, за что попадаютъ подъ военный судъ и приговариваются къ смерти, тюрьмѣ или каторгѣ, другіе, и такихъ большинство, протестуютъ менѣе замѣтнымъ, но постояннымъ, образомъ. къ своей профессіи они питаютъ скрытую ненависть, которая подъ вліяніемъ алкоголя, брани или жестокости со стороны высшихъ, обнаруживается такимъ или инымъ способомъ. У людей легкаго характера эта ненависть выражается посредствомъ постояннаго неповиновенія.

Люди интеллигентные выражаютъ свою ненависть писаніемъ антивоенныхъ романовъ или просто картинокъ изъ военнаго быта. Таковы: le Cavalier Miserey, Абель Германа (Abel Hermant), le Nommé Perreux, П. Бонетена (Paul Bonnetain), Au port d'armes Анри Февра (Henry Fèvre), les Misères du Sabre et Sous-Offs, Люсена Дескава (Lucien Descaves), Elève-Martyr, Марселя Люгэ (Marcel Luguet), Biribi, Ж. Дарьена (G. Darien), la Gamelle Ж. Рейбраха, (Jean Reibrach), Sous-Offs cassé, Е. Гашо (E. Gachot), les Offs, Марціаля д'Естока (Martial d'Estoc).

По принятому нами методу приведемъ и здѣсь нѣсколько типичныхъ примѣровъ:

Австрійскій генералъ де-Люзиньянъ отвратительнымъ образомъ оскорблялъ французскихъ больныхъ солдатъ, находившихся въ госпиталяхъ Бресчіи[1]).

Въ С. Дье, офицеры 10 егерскаго полка пользовались всякимъ случаемъ, чтобы показать свое презрѣніе къ штафиркамъ. Командиръ Дидіо сдѣлалъ скандалъ: въ пріѣздъ министра Девелля, территоріальный капитанъ Ганглофъ въ формѣ стоялъ около городской ратуши, дожидаясь своей очереди быть принятымъ. Командиръ на глазахъ многочисленной публики, въ самыхъ непарламентарныхъ выраженіяхъ, приказалъ ему убираться вонъ. Офицеры держали себя болѣе чѣмъ неприлично (шалости въ пивныхъ, куда они брали съ собой проститутокъ, надѣвая на ихъ головы кепи и привѣсивъ имъ шпаги къ бокамъ. Нахальное обращеніе съ штатскими, и пр. [2]).

Въ Ліонѣ въ арсеналѣ Мушъ, лейтенантъ Стежъ— страхъ военныхъ и другихъ рабочихъ, — только и дѣлалъ, что ругался: „чортъ тебя возьми“, „пошелъ вонъ“, „маршъ сюда“, „мерзкіе штафирки![3])

Въ Бельфортѣ, въ 42 линейномъ полку, капитанъ Гроссе говорилъ солдатамъ, требовавшимъ прибавки пищи: „прикажу влить ведро воды въ котелъ, вотъ вамъ прибавка“! [4]).

Въ 8 полку морской пѣхоты, капитанъ Гаше относился къ своимъ солдатамъ съ презрѣніемъ и грубостію, называлъ ихъ „шайкой оборванцевъ“ [5]).

Въ 1889 г., Баверли докладывалъ баварскому парламенту объ офицерѣ въ Ингольштадтѣ, не иначе называвшемъ своихъ людей какъ только „свиньми

---

[1]) Trolard, L. C., p. 177.
[2]) Hamon, L. C., année 1891. p. 471.
[3]) Ibid. p. 539.
[4]) Ibid. p. 539.
[5]) Ibid. p. 539.

рылами", и тому подобными вѣжливыми словами. А какъ много было такихъ, которые на маневрахъ плевали въ лицо своимъ подчиненнымъ.

По статьѣ, «Шесть веселыхъ недѣль», напечатанной въ Journal des Instituteurs, мы видимъ, какъ грубо обращались нѣмецкіе офицеры съ учителями, во время шестинедѣльнаго, осенняго, обученія ихъ въ Остеродѣ. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

« — Эй, вы учителя, я совѣтую вамъ стараться побольше, иначе я такъ вытяну ваши бараньи ноги, что изъ нихъ потекутъ мозги». — «Ну, толстое животное! такъ ты думаешь, что ты пришелъ сюда, чтобы еще потолстѣть?» — «Сегодня я встрѣтилъ одного учителя. Онъ отдалъ мнѣ честь и посмотрѣлъ на меня словно быкъ на ворота своего стойла». — «Ваши глотки всегда работаютъ; вы говорите безъ перерыва и тѣмъ не менѣе вы найбольшіе тупицы во всей ротѣ». — «Проклятая скотина!» — Мерзкій носорогъ!» — «Обезьянній хвостъ!» [1]).

На маневрахъ 1891 г., старшій врачъ Дурсо обзывалъ людей лежебоками, когда они падали отъ усталости, сдѣлавъ переходъ въ 30—35 километровъ, съ ранцами за спиной и подъ палящимъ солнцемъ [2]).

20 Сентября драгунскій офицеръ маркизъ де Х..., находясь въ Альказарѣ, грубо оскорбилъ дежурнаго адъютанта, дѣлавшаго замѣчанія шумѣвшимъ драгунскимъ унтеръ-офицерамъ. „Чтобъ вамъ.... съ вашими правилами", говорилъ этотъ офицеръ маркизъ [3]).

Подпоручикъ 3 гусарскаго полка Десъ-Морандъ, площадными ругательствами осыпалъ резервистовъ:

---

[1]) «Rappel», 20 novembre 1892.
[2]) Hamon. L. C. année 1891, p. 539.
[3]) «Lanterne», 23 septembre 1890.

„Отцы семействъ! Свинное стадо! Обжоры! Погодите, я съ васъ спущу седьмые поты!“ [1])

Левормань, полковникъ 11 гусарскаго полка такъ честилъ своихъ людей: „Скоты! одры! верблюды! Упрячьте мнѣ эту свинью въ тюрьму! Старое развратное животное!“. Командиръ де-Омбръ былъ еще грубѣе [2]).

6 Апрѣля 1892 г., Поль Лёрдонъ помѣстилъ въ „Echo de Paris“ описаніе конскихъ скачекъ. Въ этомъ описаніи было сказано между прочимъ слѣдующее: „Г. Клёлюсъ видѣлъ, какъ я думаю, что его шансы падаютъ отъ предстоявшаго на пути препятствія. Погнавъ на сколько могъ свою лошадь, самъ онъ слишкомъ ужъ палегъ на ея шею. Да позволитъ онъ мнѣ эту маленькую критическую замѣтку“.

Авторъ этой замѣтки на другой день получилъ отъ Клёлюса слѣдующее письмо:

„Милостивый государь,

Я понимаю, что вы можете критиковать жокеевъ или кучеровъ, но не господъ и не офицеровъ. Формально запрещаю вамъ говорить обо мнѣ. Мое право это право сильнаго, и я вамъ докажу его, если вы сдѣлаете оплошность — коснетесь меня еще. Помните эти слова.

Г. Клёлюсъ,
поручикъ 28 драгунскаго полка,
22, Avenue Kapp“ [3])

Въ 1882 г., въ Тонкинѣ, капралъ Филибо въ горячкѣ лишилъ себя жизни. Полковникъ Лоранъ въ приказѣ говорилъ: „.... Въ виду всего этого, полковникъ объявляетъ, что капралъ Филибо умеръ какъ

---

[1]) Action», 16 février 1892. Lyon.
[2]) Capitaine Nercy, dans le «Peuple» de Lyon, 7 août 1892.
[3]) Journaux des 12 et 14 avril 1892.

трусъ, не исполнивъ своихъ обязанностей, что по этому онъ заслуживаетъ и соотвѣтствующаго погребенія: никто изъ товарищей не будетъ сопровождать его тѣла до ямы, въ которой его зароютъ. Нанять телѣжку (анамитскую одноколку) и двухъ анамитовъ, чтобы отнести его на кладбище. Справиться въ крѣпости, не найдется ли какого нибудь старья осужденныхъ. Сержантъ со взводомъ штрафованныхъ будуть смотрѣть, какъ зароютъ эту падаль“ [1]).

Въ Кагорѣ наложилъ на себя руки капитанъ Дешампъ. Ему устроили торжественные похороны съ музыкой. Шла рота солдатъ съ ружьями. Присутствовала делегація отъ офицеровъ. Генералъ и полковникъ были на погребеніи [2]).

Въ 143 линейномъ полку, въ Кармо, сержантъ Обріо, не смотря на запрещеніе, ушелъ изъ казармы. Боясь наказанія, онъ лишилъ себя жизни. —Командиръ Дебара говорилъ по этому случаю солдатамъ: „Ребята! сейчасъ будетъ сказана надгробная рѣчь надъ вашимъ сержантомъ. Онъ не болѣе какъ стерва... кусокъ мяса, годный лишь на то, чтобы гнить въ ямѣ“ [3]).

Въ Страсбургѣ солдатъ лишилъ себя жизни. Послѣ обѣда его погребаютъ. Четверо чернорабочихъ несутъ гробъ. Ни одного вѣнка, ни одного сопровождающаго человѣка! Онъ былъ брошенъ въ могилу и сейчасъ же засыпанъ, безъ совершенія всякаго обряда. „Собаку зарыли бы, конечно, съ бо̀льшею заботливостью“, писалъ XIX-e Siècle (2 октября 1892 г.).

Эти типическіе случаи характеризуютъ душу профессіональныхъ военныхъ. Особенно поучительно отношеніе высшихъ чиновъ къ самоубійцамъ офицерамъ и

[1]) «Radical du Sud-Ouest» 12 février 1892. Agen.
[2]) «Libre Parole», 19 juillet 1892.
[3]) «Intransigeant», 3 septembre 1892.

самоубійцамъ солдатамъ. Неподлежащая спору противоположность отношенія показываетъ, что пользованіе властію до такой степени атрофируетъ интеллектъ людей пользующихся ею, что они стали смотрѣть на себя какъ на нѣчто высшее чѣмъ ихъ подчиненные. Случай Клёлюса служитъ доказательствомъ, что люди, облеченные властію, такъ скоро и сильно раздражаются, что доходятъ до смѣшного въ своихъ проявленіяхъ грубости по отношенію къ лицамъ одного съ ними общественнаго класса.

Преступленіе — то есть все наносящее ущербъ личной свободѣ — какъ показываетъ само опредѣленіе его, обнимаетъ цѣлый рядъ фактовъ одной природы, то есть имѣющихъ одинъ общій признакъ, а именно вредъ. Но степень вредности этихъ актовъ далеко не одинакова.. Грубость, констатируемая въ военной средѣ, при невозможности самозащиты отъ оскорбленій, есть по своей природѣ такое же преступленіе, какъ и преступленія указанныя нами раньше; различіе заключается только въ степени. Мы ужс сказали, что грубость эта связана съ профессіей. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на людей одного общественнаго слоя съ профессіональными военными, то есть на ученыхъ, судей, писателей, инженеровъ, артистовъ, профессоровъ; вы не найдете у нихъ такой грубости, какъ у военныхъ; хотя всѣ они находятся въ аналогичныхъ условіяхъ воспитанія въ семьѣ и въ школѣ, хотя всѣ вращаются въ томъ же свѣтскомъ обществѣ. Слѣдовательно, грубость эта есть результатъ вліянія профеосіи на тѣхъ, кто ее избираетъ для себя.

Глава IX

Разныя другія проявленія военнаго духа.

Анализируя психологію профессіональныхъ военныхъ, мы видѣли, что всякій индивидуумъ, обладающій властію, стремится злоупотреблять ею. Мы привели много примѣровъ превышенія власти, и всѣ они запечатлены жестокостію, характеризующею военную профессію. Злоупотребленія властію и жестокость, практикуемая прямо или косвенно, не исчерпываютъ собою всѣхъ психическихъ проявленій профессіональныхъ военныхъ. Существуютъ и другія проявленія, не составляющія спеціальной принадлежности военной профессіи, и, слѣдовательно, по своимъ формамъ похожія на злоупотребленія, совершаемыя людьми облеченными властію въ другой сферѣ: полиціей, судьями, и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ множества такихъ случаевъ:

Въ Алжирѣ военный судъ приговорилъ къ смерти одного штатскаго, нѣкоего Крамана, обвинявшагося въ нападеніи на улицѣ на зуава, Рапена, капрала, въ ротѣ котораго Краманъ отслуживалъ свои 28 дней, въ концѣ 1890 года. По словамъ капрала Краманъ еще тогда высказывалъ угрозы. Краманъ отрицалъ на судѣ и угрозы и нападеніе. *Свидѣтели заявили, что видѣли драку между зуавами и туземцами, но не между капраломъ и европейцемъ* [1]).

Въ С. Авертинѣ (департаментъ Индры и Луары)

[1]) Hamon. L. C. année 1891, p. 15.

Фремандо — отецъ съ сыномъ — работали на своемъ полѣ. Проѣзжалъ поручикъ Мекиле, верхомъ на лошади шлявшійся по деревнѣ. Онъ въѣзжаетъ на частную собственность — землю Фремондо. Крестьянинъ проситъ его удалиться. Но поручикъ и не думаетъ. Тогда прибѣгаютъ два земледѣльца и приказываютъ ему уѣхать съ поля Микиле отказывается и хлыстомъ бьетъ сына Фремондо, который отвѣчаетъ ему ударомъ — рукояткой вилъ. Крестьяне выгоняютъ поручика съ ихъ поля, куда онъ забрался силою. Побитый, недовольный, Микеле подаетъ жалобу. Дѣло поступаетъ съ судъ, который оправдываетъ крестьянъ на томъ основаніи, что они должны были защищаться и имѣли право не позволить ѣздить по ихъ землѣ. Поручикъ, задѣтый еще болше, всячески ищетъ средствъ для обвиненія Фремондо. Наконецъ. онъ узнаетъ, что сынъ Фремондо солдатъ въ отпуску, что онъ служитъ въ 3 драгунскомъ полку. Микиле, поручикъ 32 пѣхотнаго полка, подаетъ жалобу военнымъ властямъ. Кавалериста Фремондо арестуютъ и отдаютъ подъ военный судъ подъ предсѣдательствомъ полковника Моро. Судъ этотъ, засѣдавшій въ Турѣ, приговариваетъ кавалериста Фромондо къ тремъ годамъ тюрьмы[1]).

Въ 1864 г., въ Сайгонѣ, одинъ штатскій, торговецъ опіумомъ Толеско, былъ привлеченъ къ военному суду за мошенничество. Его обвинили, и приговоръ былъ подтвержденъ ревизіоннымъ судомъ. Тогда обвиненный апеллировалъ къ высшему суду, но губернаторъ адмиралъ де-ля-Грандье, отказался передать апелляцію [2]).

10 Декабря 1892 г., около полуночи артиллерійскій подпоручикъ Нолле (изъ школы стрѣльбы въ Фонтенебло) ужасно пробиралъ солдата, который не отдалъ

[1]) Hamon. L. C., année 1891, p. 424.

[2]) Ch. Duval. Souvenir militaires et financiers, p. 150 - 151, —Paris 1891. Savine éditeur.

сму чести, потому что не замѣтилъ его. Б.... членъ университета, бывшій очевидцемъ такого обращенія съ солдатомъ, не могъ сдержать своего негодованія и сказалъ подпоручику: «Вы поступаете подло. Вы идіотъ. Было бы очень хорошо, если бы васъ отправили въ Дагомею». Разсвирѣпѣвшій подпоручикъ арестовалъ Б..., котораго послѣ допроса отпустили [1]).

Де-ля-Панузъ, командиръ 1-го полка спаговъ, продиктовалъ 2 января 1891 г. слѣдующее распоряженіе, занесенное въ журналъ: «Старшій вахмистръ Х.... (туземецъ) останется весь день безъ отпуска *за то, что позволилъ себѣ послать визитную карточку* эскадронному командиру, временному командиру полка. Вахмистръ долженъ понять, *что вѣжливостями обмѣниваются только офицеры между собою* и что офицеры ждутъ отъ солдатъ только молчаливой преданности и знаковъ почтенія».

«Трудно опредѣлить смертность въ войскахъ, расположенныхъ въ мѣстности дельты. — пишетъ Матъ-

---

[1]) Journaux des 11 et 12 octobre 1892. Этотъ типическій случай напомнилъ мнѣ другой, видѣнный мною назадъ тому восемь лѣтъ въ Елисейскихъ Поляхъ. Артиллерійскій подпоручикій Х.... гулялъ вмѣстѣ съ нами послѣ обѣда. Проходитъ унтеръ-офицеръ изъ нестроевыхъ, человѣкъ на видъ лѣтъ 30—40, съ дамой подъ-руку. Онъ не отдалъ чести Х..., который идя, все время говорилъ съ нами. Видя такое непочитаніе начальства, Х... останавливается, прекращаетъ разговоръ, поворачивается назадъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, зоветъ сержанта, который тоже остановился: «это что же, сержантъ, чести больше не отдаютъ!» — «Я васъ не замѣтилъ, господинъ офицеръ, прошу простить». Объясненіе еще продолжалось. Х... простилъ сержанта, который и ушелъ съ своей дамой. А мы смотрѣли на эту сцену съ изумленіемъ, забывъ сказать нашему другу Х...., что не вѣжливо вдругъ перестать разговаривать.

Жіуа [1]). — Письма отправляемыя во Францію во время эпидеміи вскрываются, и найболѣе компроментирующія изъ нихъ задерживаются».

Въ Букарестѣ, солдатъ Стефонъ Кокояръ имѣлъ любовницу, — по румынскимъ нравамъ почти все равно, что законную жену. Разъ прійдя къ ней вечеромъ, онъ засталъ ее съ голымъ мужчиной. Это былъ поручикъ Цодикъ. На замѣчаніе солдата офицеръ отвѣтилъ пощечиной и ударами палки. Солдатъ не остается въ долгу и отпускаетъ поручику— совершенно голому — достаточное количество увѣсистыхъ ударовъ. Цодикъ подаетъ жалобу военнымъ властямъ. Солдата отдаютъ подъ судъ и приговариваютъ къ *шести* годамъ каторжныхъ работъ. Но государственному прокурору это показалось недостаточнымъ, онъ обжаловалъ рѣшеніе суда. Новый военный судъ приговорилъ солдата къ *пожизненнымъ* каторжнымъ работамъ [2]).

Въ «Eclair»'ѣ было напечатано однимъ офицеромъ письмо, изъ котораго видно, что солдаты отправлявшіеся въ Тонкинъ или возвращавшіяся оттуда были обставлены въ высшей степени дурно на транспортныхъ судахъ морского министерства, которое съ свойственнымъ ему эгоизмомъ и высокомѣріемъ продолжаетъ третировать сухопутныя войска. Солдатамъ недоставало воды. Содержались они грязно, спали на палубѣ или въ батареѣ безъ одѣялъ, безъ коекъ. Пища давалась въ маломъ количествѣ и была дурнаго качества. На корабляхъ жалобы запрещены, да впрочемъ кому и жаловаться? Командиръ корабля имѣетъ свой обильный столъ, и кто ѣстъ за этимъ столомъ, тотъ, какъ кажется, думаетъ очень мало о невзгодахъ перевозимыхъ солдатъ [3]).

---

[1]) Le Tonkin actuel. p. 140. — Paris 1891. Savine éditeur.
[2]) «Matin». «Justice», 20 octobre 1891.
[3]) Hamon. L. C., année 1891, p. 651, 622.

Матросъ Кенеа былъ судимъ Брестскимъ военнымъ судомъ за нанесеніе побоевъ внѣ службы своему ближайшему начальнику, квартирмейстеру Путену. Предсѣдатель суда, флотскій капитанъ, Константенъ, видя упорное отрицаніе обвиняемаго, закричалъ: *Вы дорого заплатите за это?*“ Возмущенный этими словами адвокатъ Дюбуа протестовалъ противъ нихъ, какъ противорѣчащихъ закону и могущихъ повліять на рѣшеніе судей. „Я не знаю, что защитникъ могъ посовѣтовать обвиняемому“, возразилъ предсѣдатель суда. Адвокатъ протестовалъ противъ этой фразы, сказавъ, что ему остается только уйти. Предсѣдатель взялъ назадъ свои слова. Обвиняемый былъ приговоренъ на годъ въ тюрьму [1]).

Въ 1891 г., Брестскій военный судъ приговорилъ къ смерти солдата Борделэ, выстрѣлившаго въ своего капитана, но не попавшаго въ него. Слѣдствіе показало, что солдатъ не прицѣливался. Благодаря любезности Корре, я могъ имѣть заключеніе, къ которому пришелъ по этому дѣлу этотъ криминалистъ и которое онъ высказалъ мнѣ. Вотъ оно: Борделэ относится къ дезиквилибрированнымъ: своимъ quasi-покушеніемъ онъ искалъ *косвеннаго самоубійства*. Онъ не былъ въ полномъ умѣ. Дюбуа, защитникъ Борделэ, требовалъ, чтобы были изслѣдованы умственныя способности обвиняемаго. Прокуроръ, офицеръ Лонай, воспротивился этому, утверждая, что Борделэ нормаленъ [2]).

Резервистъ Уни, выведенный изъ себя всякими издѣвательствами, убилъ солдата. Военный судъ приговорилъ его къ 20 годамъ каторжныхъ работъ, не

---

[1]) «Petit Parisien», 17 juin 1892.

[2]) Hamon. L. C., année 1891, p. 174—175. — E. Laurent, l'Année criminelle, 1891. Storck éditeur.

смотря на то, что старшій врачъ Руже призналъ Уни неотвѣтственнымъ [1]).

17 Ноября Брестскій военный судъ приговорилъ къ году тюрьмы за непослушаніе матроса О..., отказавшагося *по нездоровью* продѣлывать извѣстныя движенія. Матросъ дѣйствительно былъ боленъ и врачъ освободилъ его отъ носки ранца въ зводѣ штрафованныхъ. По словамъ консервативной газеты Bretagne, публика была поражена строгостію приговора [2]).

Въ Нантѣ, 6 Апрѣля, военный судъ приговариваетъ на пять лѣтъ тюрьмы резервиста Шевалье. Преступленіе его состояло въ томъ, что явившись въ полкъ для отбыванія своихъ 28 дней, онъ напился, нагрубилъ двумъ высшимъ и кричалъ: да здравствуетъ анархія! долой Францію! да здравствуетъ Германія! [3])

Въ Пресбургѣ (Австрія), военный судъ приговорилъ къ смерти солдата, ударившаго саблею офицера, который дурно обращался съ нимъ.. Тотъ же судъ приговорилъ только къ аресту двухъ поручиковъ, обвинявшихся въ нанесеніи жестокихъ побоевъ низшимъ [4]).

По дѣлу Корніенко врачъ Скарятинъ требовалъ медицинскаго изслѣдованія (стр. 93). Коммиссія не хотѣла признать очевиднаго факта изувѣченія. Скарятинъ, въ оффиціальномъ рапортѣ, *одного врача квалифицировалъ недостойнымъ своей профессіи.* Скарятинъ за это подвергся преслѣдованіямъ. Было назначено слѣдствіе. Офицеры Савенковъ, Жихаревъ, Данилевскій подтверждали, что допускались безчестные поступки и злоупотребленія властію. Тогда на-

---

[1]) «République française», 24 avril 1890.
[2]) Hamon. L. C., année 1891, p. 650.
[3]) «Matin», 7 avril 1892.
[4]) «Intransigeant», 18 mars 1892.

чальникъ дивизіи явился въ полкъ, собралъ всѣхъ офицеровъ и сказалъ, что нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились поддерживать Скарятина, старавшагося взбунтовать всѣхъ. „*По моему мнѣнію*, сказалъ въ заключеніе генералъ, *этихъ офицеровъ слѣдуетъ выгнать изъ полка, какъ паршивую овцу гонятъ изъ стада*“. Результатомъ всего этого было исключеніе изъ арміи Савенкова, Жихарева, Данилевскаго и Сычевскаго [1]).

Въ 1884 году, итальянскій солдатъ Мисдеа, въ припадкѣ безумія отъ отчаянія, убилъ нѣсколькихъ человѣкъ.. Хотя это преступленіе и выходило изъ ряда обыкновенныхъ тѣмъ не менѣе военный судъ, разбиравшій дѣло, приговорилъ солдата къ смерти. Государственный прокуроръ, офицеръ, хвастался этимъ рѣшеніемъ, „потому что, говорилъ онъ, нарушить законъ въ такомъ случаѣ есть самое святое дѣло, чтобы другимъ не было повадно [2]).

Этіологическій анализъ этихъ типическихъ фактовъ. какъ и всѣхъ прочихъ цитированныхъ въ нашемъ очеркѣ, открываетъ одни и тѣ же факторы: преувеличенное понятіе о власти, профессіональную солидарность, моральное безчувствіе. Здѣсь только насиліе или исчезаетъ, или принимаетъ смягченную форму.

Очень легко детально анализировать каждый изъ данныхъ типическихъ фактовъ. Въ случаяхъ относящихся къ Толеско, Нолле, Ля-Панузъ, Х..., и др., читатель легко откроетъ составные элементы преуве-

---

[1]) Tikhomirow, L. C., p. 395—396.
[2]) Merlino. L. C., p. 217.

личеннаго понятія о власти; въ дѣлахъ Фремондо, Кокояра, Скарятина и др., — составные элементы профессіальной солидарности; въ дѣлахъ Кромана, Борделэ, Шевалье, и др. — составные элементы моральнаго безчувствія.

Поверхностные наблюдатели могутъ, пожалуй, возразить, что приведенные примѣры — исключенія и не типичны. Это возраженіе не имѣетъ значенія. Въ самомъ дѣлѣ, душевное состояніе, проявляющееся въ названныхъ фактахъ, сходно съ тѣмъ, которое было указано въ цѣлой группѣ фактовъ, обозначенныхъ раньше и взятыхъ изъ массы аналогичныхъ съ ними.

Кромѣ того я взялъ изъ провинціональныхъ газетъ, не дѣлая предварительнаго просмотра [1]), 112 отчетовъ по дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ первые четы-

---

[1]) «Le Courrier de la Presse» (агенство газетныхъ вырѣзокъ) прислалъ мнѣ — здѣсь излишне говорить почему — вырѣзки относящіяся къ милитаризму, въ нихъ числѣ и отчеты объ рѣшеніяхъ военныхъ судовъ, напечатанные въ мѣстныхъ органахъ. Съ моей стороны тутъ не было никакого выбора, никакой предвзятой идеи, которая меня побуждала бы дѣлать эти выписки. Впрочемъ у меня сохраняются названія и номера газетъ къ услугамъ тѣхъ. кто пожелалъ бы провѣрить факты, къ которымъ относятся приведенныя мною цифры. Слѣдовательно, очень вѣроятно, что эти военные суды являются среднимъ показателемъ военной юрисдикціи. Психика, сказывающаяся въ рѣшеніяхъ этихъ судовъ, свободна отъ вліянія факторовъ климатерическихъ и соціальныхъ; потому что города, гдѣ засѣдали суды, разнятся въ отношеніи климатическомъ, представляютъ большое разнообразіе этнографическое, а слѣдовательно и соціальное. Такимъ образомъ судіи произносили свои рѣшенія, подчиняясь только профессіональному вліянію.

ре мѣсяца 1892, военными судами въ пятнадцати городахъ Франціи (Алжиръ, Ошъ, Безансонъ, Блидагъ, Бордо, Гренобль, Ле-Мансъ, Лиль,Ліонъ, Нанси, Нантъ, Оранъ, Руэнъ, Тулузъ, Туръ). Изъ 112 этихъ дѣлъ 65, то есть 58,03 на сто, имѣли своимъ предметомъ военныя преступленія (инсубординаціи, оскорбленія, побои, дезертерство, непокорность). Оправдательные приговоры произнесены только въ семи случаяхъ, то есть представляютъ 10,77%. Между тѣмъ на 47 преступленій, не имѣющихъ профессіональнаго характера, а только совершенныхъ военными, (воровство), оправдательныхъ приговоровъ приходится 25,53%. Изъ упомянутыхъ выше 65 военныхъ преступленій, четырнадцать имѣли своимъ предметомъ побои или оскорбленія жестами или угрозы высшимъ чинамъ. Ни одинъ изъ этихъ четырнадцати обвинявшихся не былъ оправданъ. Три человѣка обвинялись въ нанесеніи побоевъ *низшимъ*. Двухъ оправдали, третьяго приговорили къ самому легкому наказанію.

Если же мы теперь пожелаемъ знать, каковы были эти оскорбленія и побои, нанесенные низшими высшимъ, то увидимъ, что, напримѣръ, два солдата были приговорены на годъ тюрьмы; одинъ за то, что сказалъ капитану: „продажная душа“, другой — „если бы ты былъ штатскимъ, я намялъ бы тебѣ бока“. Два другихъ были приговорены къ смерти: одинъ за то, что бросалъ пуговицами въ голову предсѣдателя суда, другой за то, что швырнулъ въ спину офицера пряжку отъ панталонъ.

Нельзя не признать, что эти безжалостныя обвиненія, когда дѣло касается слабыхъ *низшихъ*, и непримѣнныя оправданія, когда дѣло касается *высшихъ*, убѣдительно доказываютъ существованіе очень преувеличеннаго понятія о власти или по крайней мѣрѣ странной профессіональной солидарности. Поразительное несоотвѣтствіе между преступленіемъ, мотивомъ обвиненія, и назначаемымъ наказаніемъ ясно говоритъ о нравственномъ безчувствіи профессіональныхъ военныхъ. Несоразмѣрность между актомъ — мотивирующимъ (оскорбленія) и актомъ мотивированнымъ (наказаніе) мы находимъ въ массѣ преступленій, о которыхъ говоритъ законъ, особенно въ преступленіяхъ совершенныхъ такими лицами, которыхъ криминалисты—сторонники неполной отвѣтственности — склонны считать не подлежащими отвѣтственности. Эта аналогія между профессіональными военными и преступниками тератологическаго типа близка къ той, которая была констатирована у нихъ относительно физической нечувствительности.

Невозможно дать основательные аргументы въ пользу исключительности этихъ фактовъ. Мы собрали эти факты такимъ образомъ, что тутъ нельзя предположить какой нибудь напередъ намѣченный результатъ; за это говоритъ обиліе фактовъ и ихъ интернаціональный характеръ. Это просто факты чисто симптоматическіе, показывающіе сущность профессіи. Создается соціальная психика подъ вліяніемъ воспитанія подготовляющаго къ профессіи и подъ вліяніемъ самой профессіи, дѣйствующей на готовой почвѣ.

Такая психика признаетъ справедливыми тѣ акты, которыхъ философія не можетъ не порицать, не критиковать.

Нѣкоторые хватаются за послѣднее доказательство — за необходимость дисциплины, и принимая наше опредѣленіе преступленія, они говорятъ, что эти преступленія необходимы, и что, слѣдовательно, ихъ нельзя порицать, а слѣдуетъ даже одобрять. Признавъ необходимоеть дисциплины, но разсматривая указанные факты безъ всякой предвзятой идеи, нельзя не согласиться, что они не способны поддерживать дисциплину, скорѣе наоборотъ — они разрушаютъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, несоотвѣтствіе между причиной и слѣдствіемъ — преступленіемъ и наказаніемъ поражаетъ всѣхъ, даже самыхъ неспособныхъ къ критикѣ, и вызываетъ у нихъ ту или другую форму протеста, смотря по ихъ личному темпераменту. Реакція становится еще сильнѣе отъ, невольно появляющагося въ мысли каждаго, сравненія наказаній, которымъ подвергаются солдаты, съ наказаніями высшихъ чиновъ за совершеніе совершенно одинаковыхъ преступленій.

Въ наше время гласности, эти факты становятся общензвѣстными, благодаря милліонамъ ежедневно распространяющихся газетъ. Всякій читатель непремѣнно начинаетъ размышлять, и такимъ образомъ сознательно или безсознательно зарождается духъ неповиновенія. Такія лица, вступая въ военную службу, не приносятъ съ собою военнаго духа. Они военные только по видимости и отбываютъ свою службу, дѣйствуя, смотря по темпераменту, пассивно или актив-

но противъ дисциплины, столь любезной профессіональнымъ военнымъ. Нелюбовь къ дисциплинѣ у такихъ солдатъ неизбѣжно ведетъ къ ослабленію дисциплины, на что постоянно и жалуются ея поклонники. Они требуютъ большей строгости и особенно полнаго замалчиванія фактовъ. Эти требованія необдуманны: въ наше свободное время — я понимаю свободу соціальную—нельзя заставить молчать всѣхъ и все, а большая жестокость вызоветъ большую реакцію, проявленія которой многочисленны, которую мы находимъ поднимающей нравственный уровень, благодѣтельной и справедливой.

Въ дѣлахъ Борделэ, Унн, О..., преувеличенное понятіе „о профессіональномъ превосходствѣ“ привело профессіональныхъ военныхъ къ любопытному выводу —что они все знаютъ, или по крайней мѣрѣ больше чѣмъ кто угодно изъ невоенныхъ. Не нужно думать, что такой взглядъ составляетъ спеціальную особенность профессіональныхъ судей; нѣтъ, въ той или другой степени онъ существуетъ у всѣхъ, кто носитъ форму или просто кто обиченъ хоть какою нибудь властію. Такъ въ указанныхъ сейчасъ дѣлахъ офицеры считали болѣе свѣдущими въ душевныхъ болѣзняхъ не врачей а себя. Точно также судіи оказались большими аліенистами чѣмъ сами аліенисты въ процессахъ Эйро, Анастай [1]), и др. Проницательный на-

[1]) Очень много даетъ по этому вопросу краткій критическій очеркъ доктора А. Corre, напечатанный въ «l'Art social» подъ заглавіемъ: Notes et Réflections sur la Justice criminelle en France. Статья эта написана по поводу дѣла Anastay'a. 1893.

блюдатель можетъ замѣтить, что профессіональные военные свое всезнаніе или большее знаніе показываютъ даже въ свѣтскомъ обществѣ.

Можно подумать, что кто достоинъ носить форму тотъ получаетъ даръ разнообразныхъ и удивительныхъ познаній. Военная профессія настолько превосходитъ всѣ другія, что члены ея обладаютъ самыми разнообразными познаніями. Военный человѣкъ произноситъ свои мнѣнія догматическимъ тономъ de omni re scibili et quibusdam aliis.

Такая черта военной психики сказалась въ извѣстномъ дѣлѣ Тюрпена, гдѣ профессіональные военные насколько могли мѣшали принятію взрывчатаго вещества, которое было изобрѣтено не ими. Когда же наконецъ это взрывчатое вещество было признано, то они стали присвоивать его себѣ, объявили себя его изобрѣтателями, лишь бы добиться славы, такъ они были увѣрены въ томъ, что только военные способны изобрѣтать. И это не голословное утвержденіе, сомнѣвающійся въ моихъ словахъ можетъ обратиться къ Ministère et Mélinite, гдѣ онъ найдетъ всѣ детальныя данныя съ богатой оффиціальной корреспонденціей. Другіе процессы, изложенные въ разнымъ книгахъ, показываютъ ту же тенденцію военныхъ показывать, утверждать, свое всезнаніе. Въ l'Agonie d'un Societé мы находимъ на этотъ счетъ два примѣра: одинъ относительно луженія гранатъ, а другой относительно управляемыхъ воздушныхъ шаровъ.

Профессіоналисты не только склонны утверждать свое всезнаніе сравнительно съ штатскими, но они

также держатъ себя и въ своей средѣ т. е. по отношенію къ военнымъ, принадлежащимъ къ другимъ родамъ оружія. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1866 г. пѣхотный маіоръ Шассно представилъ своего изобрѣтенія ружье, но артиллерійская коммиссія вовсе не изслѣдовала его. Чтобы добиться изслѣдованія маіоръ долженъ былъ во время смотра выйти изъ рядовъ и подать жалобу императору. Наполеонъ III назначилъ для изслѣдованія ружья спеціальную коммиссію, составленную изъ генераловъ. Шассно одобрили всѣ за исключеніемъ одного голоса — представлявшаго артиллерійскую коммиссію. Генералъ Бурбаки, бывшій предсѣдателемъ, сказалъ: „Генералъ, это позоръ, вы поступили противъ вашей совѣсти“ [1]).

Въ 1872 г. Одобецъ — мастеровой изъ Морепа — представилъ въ коммиссію изобрѣтенное имъ ружье. Предсѣдатель коммиссіи генералъ Дуэ, сказалъ Одобецу: „Наша коммиссія назначена для изслѣдованія усовершонствованій военнаго оружія. Мы не можемъ одобрить ружье, изобрѣтенное штатскимъ“ [2]).

Въ 1886 г. А. Пикаръ представилъ свое ружье. Артиллерійскій генералъ Низмъ сказалъ пѣхотному генералу Пикару, дядѣ изобрѣтателя: „Всякое изобрѣтеніе прежде всего должно носить имя Гра, а затѣмъ, пожалуй, и чье нибудь другое“. Пикаръ на это замѣтилъ: „А если бы мой племянникъ, въ случаѣ успѣха, ничего не пожелалъ отъ государства кромѣ покрытія расходовъ, которыхъ потребовало бы изобрѣ-

[1]) A. Picard. — Le fusil à répétition et le patriotisme de la commission d'artillerie, p. 7. — Brochure in-8. — Paris 1886.

[2]) Ibid. p. 7.

теніе, что тогда было бы? “ — „О! отвѣтилъ генералъ Низмъ, тогда могло бы быть и было бы дѣло совсѣмъ иное“. Въ другомъ разговорѣ директоръ артиллеріи Низмъ выражался слѣдующимъ образомъ: „Пока вы будете сохранять права привиллегіи на изобрѣтенія, съ которыми вы обращаетесь къ правительству, я буду противиться всякому нововведенію въ производствѣ“. Генералъ Роллан говорилъ А. Пикару: „Вы никогда не будете имѣть успѣха, потому что вы не артиллеристъ“. Подполковникъ Лебель былъ докладчикомъ въ коммиссіи и высказался неблагопріятно о ружьѣ Пикара. Лебель самъ изобрѣлъ ружье, которое и было принято [1]).

Инженерный маіоръ Ш. Ренаръ, изобрѣтатель управляемаго воздушнаго шара, который онъ построилъ на счетъ государства, всегда бываетъ докладчикомъ, представляемыхъ въ военное министерство, проэктовъ относительно воздушныхъ шаровъ. Инженерный маіоръ Пенель разъ выразился по этому поводу: „Ренаръ *самолично* отвергаетъ всѣ проэкты, представляемые въ техническое отдѣленіе“ [2]).

Эти факты хорошо освѣщаютъ психику профессіональныхъ военныхъ, которые въ собственной же средѣ создали своего рода кланы, враждующіе другъ съ другомъ. Замѣчаніе генерала Бурбаки, слова генераловъ Низма и Роллана, замѣчаніе маіора Пенеля указываютъ на антагонизмъ, существующій между войсками, кромѣ того у генерала Низма, маіора Ренара и др., видна тенденція считать ссбя болѣе

[1]) A. Picard. L. C. p. 11, 33 et 34. — Ministère et Mélinite, p 64—70.

[2]) A. Hamon et G. Bachot, p. 298. Agonie d'une société. — Paris 1889. Savine éditeur.

знающими сравнительно съ профессіональными военными другихъ родовъ оружія, или сравнительно съ штатскими, какъ это видно изъ отвѣта генерала Дуэ. Маіоръ Ренаръ и подполковникъ Лебель были и судіями и заинтересованной стороной, потому что они согласились быть докладчиками относительно такихъ военныхъ изобрѣтеній, которыми они занимались и сами, какъ изобрѣтатели. Этотъ фактъ показываетъ, что у нихъ было мало развито чувство деликатности, что мораль ихъ была груба, какъ и мораль тѣхъ офицеровъ, которые избрали ихъ докладчиками по названнымъ предметамъ.

Чѣмъ выше поднимаются въ чинахъ профессіональные военные, тѣмъ больше они претендуютъ на всезнаніе, или хоть на превосходство своихъ знаній. Прибавка позумента на рукавѣ ихъ мундира, приноситъ имъ болѣе глубокое знаніе. Это имъ кажется до того естественнымъ, что они не понимаютъ, почему другіе находятъ ихъ претензію странной. На этомъ пути они доходятъ до пристрастія съ одной стороны и до покорности съ другой, которыя положительно смѣшны. Такъ, когда они выражаютъ какую нибудь мысль, то уже по одному этому она — истина; они не могутъ ошибаться. Подчиненные же, хотя и убѣждены въ въ ложности этихъ идей, все таки будутъ ихъ одобрять; до такой степени показалось бы имъ чудовищнымъ не соглашаться съ утвержденіемъ человѣка высшаго чѣмъ онъ по чину. По мнѣнію профессіональныхъ военныхъ существуетъ прямое соотношеніе между глубиною и разнообразіемъ знаній и чиномъ.

Эта душевная черта свойствена не отдѣльнымъ лицамъ, а составляетъ общую принадлежность, какъ это видно изъ разнообразія приведенныхъ примѣровъ. Распространенностъ этой черты становится еще виднѣе, если вдуматься въ слѣдующую, уже цитированную, фразу одного военнаго врача: „Всякій носящій саблю или шпагу претендуетъ или думаетъ, что общество создано для военныхъ“. Кто читалъ Debacle, тотъ, конечно, помнитъ, что Золя указываетъ на это чувство въ началѣ своего романа.

Такого рода притязанія, порождающія преступленія, возникаютъ изъ того понятія, что профессіональныхъ военныхъ создаетъ дисциплина и профессіональное превосходство. Психика профессіоналистовъ становится, какъ говоритъ Тэнъ, гомогенной, то есть однородной, благодаря обученію профессіоналистовъ въ спеціальныхъ школахъ, для поступленія въ которыя требуется „механическая и чудовищная работа“. У нихъ, говоритъ Мал[1]), „бываютъ подавлены оригинальность, понятіе о дифференціаціи фактовъ, абстрактныя идеи. Для этихъ умовъ обязательно — не имѣть никакихъ новыхъ идей, обязательно даже препятствовать распространенію новыхъ идей. Они рутинеры по принципу, и не могутъ быть другими; потому что всякое изобрѣтеніе непремѣнно находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что уже допущено, то есть съ тѣмъ, что они изучили“. Кто прошелъ чрезъ эти школы, тотъ, по словамъ Тэна[2]), непремѣнно уноситъ изъ нихъ

[1]) A. Hamon et G. Bachot Ministére et Mélinite, p. 130.
[2]) H. Taine. Vie et opinions de Thomas Graindorge.

глубокое переутомленіе, слабость, привычку шататься по кафейнямъ или въ гости, ослабленный мозгъ.

По вступленіи ихъ на службу, къ совершившемуся обезличенію, къ мозговому ослабленію, присоединяется вліяніе дисциплины и профессіональнаго пристрастія. Какъ и слѣдовало ожидать, результатомъ этого является преувеличенное понятіе о своемъ превосходствѣ, ведущее къ отрицанію всякой чужой идеи, къ абсолютной атрофіи индивидуальности. Всѣ эти элементы встрѣчаются въ ихъ дѣйствіяхъ, въ тѣхъ типическихъ фактахъ, которые мы указали реньше. У профессіональныхъ военныкъ развивается несомнѣнная спеціальная мегаломанія, своего рода манія цезаризма. Вытекающіе отсюда поступки являются преступленіями, потому что они приносятъ вредъ очень многимъ личностямъ. Эта форма военныхъ преступленій аналогична съ преступленіями другихъ людей, облеченныхъ властію: съ преступленіями судей, съ преступленіями разныхъ спеціальныхъ чиновниковъ, напримѣръ, гражданскихъ инженеровъ и др.

Глава X

Половое чувство.

Никто не свободенъ отъ половыхъ потребностей; слѣдовательно удовлетвореніе ихъ не относится къ характеристикѣ психологіи той или иной профессіи. Но нужно сказать, что удовлетвореніе половыхъ потребностей въ военной средѣ представляетъ опредѣленныя формы, которыя хотя и не являются специ-

фически профессіональными, встрѣчаются здѣсь чаще, чѣмъ въ какой бы то ни было другой профессіи. Войны всегда сопровождаются изнасилованіями. Было бы банальностію говорить объ этомъ. Впрочемъ въ описаніяхъ войнъ объ этомъ говорятъ мало; потому что авторы описаній стѣсняются касаться этого предмета, подобно Готье Вилляру, опубликовавшему дневникъ поручика Эммара. Во всякомъ случаѣ цитированные нами примѣры даютъ нѣкоторыя указанія по данному вопросу.

Изнасилованіямъ во время войны нечего удивляться; потому что война будитъ звѣря въ человѣкѣ. Многіе типическіе примѣры показали намъ, что война притупляетъ чувство жалости и въ то же время разнуздываетъ животные инстинкты — наслѣдственный животный пережитокъ — коренящіяся въ человѣческомъ мозгу. Половая потребность одна изъ самыхъ сильныхъ, она требуетъ удовлетворенія, во что бы то ни стало, и потому изнасилованія неизбѣжны; такъ какъ побѣда надъ женщиной посредствомъ ухаживанія требуетъ много времени. Кромѣ того очень вѣроятно, что убійство раздражаетъ половое чувство, толкаетъ къ разврату. Въ интернаціональныхъ и междуусобныхъ войнахъ битвы и изнасилованія идутъ рядомъ. А сколько убійствъ сопровождаются развратомъ! Одни даютъ волю своимъ страстнымъ порывамъ, а другіе подражаютъ имъ изъ боязни показаться смѣшными. Кровь опьяняетъ людей, толкаетъ ихъ къ удовлетворенію половыхъ потребностей, не разбирая средствъ, не обращая вниманія на причиняемыя другимъ оскорбленія.

Это есть неизбѣжное слѣдствіе войны. Въ мирное же время нѣтъ такого опьяненія крови, и поэтому удовлетвореніе полового чувства путемъ насилія бываетъ рѣдко. Кромѣ смягченія насилія, свойственнаго спеціальной средѣ, тутъ дѣйствуетъ страхъ наказанія, страхъ общественнаго мнѣнія. Рядомъ съ этимъ еще вліяетъ досугъ гарнизонной жизни, дающій возможность побѣждать женщинъ ухаживаніемъ за ними или же посѣщать публичные дома, которыхъ всегда бываетъ много въ городахъ, гдѣ расположены войска.

Не нужно быть глубокимъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что въ разговорахъ—а они отражаютъ мысль человѣка — военные ведущіе праздную гарнизонную жизнь толкуютъ обыкновенно о женщинахъ. Въ подтвержденіе этого достаточно каждому собственныхъ воспоминаній; достаточно побывать въ кофейняхъ, гдѣ собираются офицеры, чтобы знать, что за игрой офицеровъ — женщины обычная тема разговоровъ. Кто не слыхалъ про грубость порнографическихъ солдатскихъ пѣсень, распѣваемыхъ подъ звуки трубы и барабана? Какъ документъ, картинное выраженіе профессіональной психики, я привожу слѣдующій припѣвъ:

Ah! le bon curé que nous avons là!
Quel v... de chien qu'il a.
Long comme le bras.

Половые аппетиты военныхъ, представляютъя очень возбужденными. Вѣроятно,это есть результатъ взаимнаго вліянія. Если на пути солдаты встрѣчаютъ жен-

щину, глаза ихъ загораются, слышатся грубыя или скромныя шуточки. Офицеры, обыкновенно, болѣе воспитанные, чѣмъ солдаты изъ простонародья «горятъ» вмѣстѣ съ другими и иногда обмѣниваются съ своими людми грубыми замѣчаніями по адресу женщинъ. Бездѣлье, отсутствіе умственнаго интереса въ занятіяхъ военныхъ тоже должны вліять возбуждающимъ образомъ на половую потребность, являющуюся причиной разныхъ нарушеній общей морали (воровство, и пр.), тѣми изъ военныхъ, кто вовсе неимѣетъ денегъ или имѣетъ ихъ мало.

«Опытъ показалъ, говоритъ Ж. Шевалье [1]), что всегда какъ только собирается для совмѣстнаго жительства большое количество людей исключительно одного пола, среди нихъ фатально возникаетъ и развивается какъ зараза испорченность ведущая къ противоестественнымъ половымъ сношеніямъ, къ «эндемо-эпидемическому разврату. Съ этой точки зрѣнія имѣютъ развращающее дѣйствіе всѣ большія общежитія: тюрмы, казармы, монастыри и пр...»

«Заключить въ болѣе или менѣе ограниченномъ пространствѣ извѣстное число лицъ одного пола, однихъ аппетитовъ, значитъ обречь ихъ на фатальную деморализацію. Скучиваніе людей также порождаетъ противоестественныя привычки какъ тифозную лихорадку.

Причинъ развивающихъ эти пороки много: прямыя, постоянныя и исключительныя встрѣчи или сношенія;

---

[1]) «L'Inversion sexuelle», p. 199, 202, 203, 208. — Lyon 1893. Storck éditeur.

общее помѣщеніе, гдѣ всѣ смѣшиваются днемъ и ночью; общія мѣста для умыванія; общія мѣста для отправленія естественныхъ нуждъ по неволѣ на виду у всѣхъ; неравенство возрастовъ; страхъ казаться деликатнымъ до смѣшнаго; иногда угрозы и насилія... Морскія и сухопутныя войска не свободны отъ дѣйствія этихъ факторовъ и въ мирное время, особенно во время сборовъ...»

Корръ съ своей стороны говоритъ: «Слишкомъ значительное скучиваніе вредно для людей въ пору ихъ половой зрѣлости, вслѣдствіе невозможности удовлетворенія половой потребности... Наиболѣе порочные становятся педерастами. Боязливые не поддаются этимъ искушеніямъ извращеннаго чувства и въ уединеніи грязнутъ въ порочныхъ удовольствіяхъ онанизма» [1]).

Педерастія есть порокъ мужескихъ общежитій, слѣдовательно, она есть существенный порокъ военныхъ.

Она захватываетъ нетолько простыхъ солдатъ, солдатъ по обязанности, не имѣющихъ средствъ, чтобы ходить къ проституткамъ, но также военныхъ по добровольному избранію, то есть офицеровъ.

Случаи педерастіи не такъ рѣдки, какъ нѣкоторые думаютъ, но бываетъ трудно ихъ констатировать.

Чаще всего констатируются случаи этого порока въ колоніальныхъ арміяхъ, въ войскахъ несущихъ гарнизонную службу на востокѣ, гдѣ педерастія не составляетъ чего нибудь, подлежащаго общественному осужденію. Лякассань говоритъ о педерастіи въ Алжирѣ, особенно среди солдатъ, неимѣющихъ денегъ,

---

[1]) Aperçu général de la criminalité militaire en France, p. 13.

чтобы платить женщинамъ за любовь. Въ дисциплинарныхъ батальонахъ, гдѣ абсолютно нѣтъ женскаго элемента, извращеніе полового чувства принимаетъ самыя разнообразныя формы: «педерастія, онанизмъ, скотоложство, и пр.», порождая столь странныя сцены, что ихъ невозможно передать на нашемъ языкѣ [1]).

По данной статьѣ выходитъ, что военная профессія есть инкубаціонная среда, изъ которой извращенное половое чувство распространяется въ общество. Но нужно сказать, что большинство людей предававшихся педерастіи во время нахожденія на службѣ, оставляетъ этотъ порокъ по возвращеніи въ свою прежнюю среду, тѣмъ легче, что тамъ имъ вполнѣ доступна женская любовь. Люди эти нетакъ погрязли въ порокѣ, чтобы не отказаться отъ него, когда возможно нормальное удовлетвореніе полового чувства.

Совсѣмъ другое явленіе представляютъ профессіональные военные, въ большинствѣ случаевъ могущіе платить женщинамъ за удовлетвореніе страсти. Многіе изъ нихъ, особенно въ колоніяльныхъ войскахъ, предаются педерастіи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Генералъ Ламорисьеръ писалъ относительно маршала Шангарнье: «Въ Африкѣ всѣ мы были педерастами, но онъ продолжаетъ быть такимъ же и здѣсь» [2]).

---

[1]) Мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что Birïbi подвергся въ этомъ отношеніи необходимымъ сокращеніямъ, не смотря на то, что психологу было бы интересно знать эти сцены.

[2]) A. Hamon. L. C., année 1891 p. 653.

Въ Медеагѣ, въ Апрѣлѣ 1891 г.. старшій врачъ перваго полка спаговъ, Бойеръ констатировалъ у многихъ солдатъ пораженія задняго прохода (разслабленіе сжимательныхъ мышцъ). По разспросамъ виновникомъ этихъ органическихъ разстройствъ былъ капитанъ Бунсъ, кавалеръ почетнаго легіона. При содѣйствіи поручика Рока докторъ произвелъ тайное дознаніе, слѣдствіемъ котораго было отправленное полковнику Верженнъ, формальное обвиненіе Бунса въ педерастіи и въ кражѣ имъ суточныхъ денегъ у своихъ же солдатъ. 21 апрѣля, наканунѣ генеральнаго смотра, у Бунса отняли эскадронъ и пригласили подать въ отставку. Поручикъ Рока въ знакъ немилости былъ переведенъ въ Лагуа и вычеркнутъ изъ списка назначенныхъ къ ордену и къ повышенію въ чинѣ. Бойеръ говоритъ объ этомъ генералъ-инспектору; но генералъ вмѣстѣ съ полковникомъ и маіоромъ де-ля-Папузъ приглашаютъ Бойера замолчать. Въ маѣ Бунсъ неожиданно ударилъ Бойера, который по этому поводу подалъ жалобу мировому судьѣ. Полковникъ не далъ хода дѣлу на томъ основаніи, что оно подлежитъ военной власти, и пригласилъ военнаго врача драться на дуэли съ педерастомъ. Конечно, врачъ отказался отъ дуэли съ воромъ. Собрался полковой судъ и не выслушавъ свидѣтелей объявилъ Бунса не виновнымъ въ кражѣ и педерастіи, а Бойера обвинилъ въ нарушеніи чести. Не принимая такого обвиненія, Бойеръ написалъ старшему изъ офицеровъ, что онъ готовъ биться на дуэли съ кѣмъ угодно, кто пожелаетъ отстаивать честь капитана Бунса. Но такихъ не оказалось. Въ іюлѣ, маіоръ де-ля-Папузъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, оскорбилъ своего подчиненнаго Бойера, прогнавъ его вонъ. Нѣсколько дней спустя, при встрѣчѣ проходившаго полка, Бойеръ публично упрекнулъ своего начальника за его обращеніе съ нимъ. Маіоръ наказываетъ Бойера простымъ арестомъ. Пол-

ковникъ замѣняетъ простой арестъ—строгимъ, а генералъ вмѣсто строгаго ареста назначаетъ заключеніе въ крѣпость. Ночью съ 1 на 2 августа, Бунсъ былъ пойманъ въ темномъ мѣстѣ съ переодѣтымъ молодымъ арабомъ, спагомъ, бывшимъ подъ его командою. Это было развращеніемъ несовершеннолѣтняго; такъ какъ арабу небыло пятнадцати лѣтъ. Бунсъ былъ отведенъ на гауптвахту, гдѣ оставался одиннадцать часовъ. Было начато преслѣдованіе, но маіоръ въ отсутствіи полковника обявилъ дѣло неподсуднымъ. 4 сентября, Бойеръ былъ удаленъ съ дѣйствительной службы съ отставленіемъ отъ должности и отправленъ во Францію. Бунсъ вышелъ въ отставку по прошенію. Ясно, что полковникъ и маіоръ имѣли интересъ защищать Бунса. — Не принадлежали ли они сами къ числу занимавшихся сократической любовью? —Блидахскій прокуроръ уговаривалъ медсахскаго мэра лишить службы четырехъ агентовъ, арестовавшихъ Бунса. Мэръ отказалъ, представивъ это дѣло суду, самъ же онъ считалъ агентовъ поступившими сообразно съ ихъ долгомъ. Всѣ жители кромѣ военныхъ держали сторону Бойера потому что знали Бунса и его подвиги. Тогда началось преслѣдованіе четверыхъ агентовъ за противозаконное врывательство въ домъ и за произвольное лишеніе свободы, 10 октября дѣло разбиралось въ Блидахѣ въ судѣ исправительной полиціи. Бунсъ предъявилъ гражданскій искъ въ 100000 франковъ въ возмѣщеніе убытковъ. Судъ призналъ себя не компетентнымъ въ данномъ дѣлѣ и передалъ его въ уголовный судъ. Государственный прокуроръ подалъ апелляцію и дѣло поступило въ Алжирскій Судъ, который произнесъ приговоръ 23 Января 1862 г. Онъ отмѣнилъ прежнее рѣшеніе и постановилъ: Бунсъ былъ извѣстенъ своими неоднократными и безчестными предложеніями юношамъ. Полицейскій унтеръ-офицеръ не могъ ошибаться относительно причины, по которой

Бунсъ и молодой арабъ попали въ гостиницу Orient, пользующуюся дурною славой. Агенты стучали въ дверь, и капитанъ самъ открылъ ее, слѣдовательно, они не врывались силою въ домъ. Они дѣйствовали по инструкціи полицейскаго пристава. Они были увѣрены, что въ этомъ темномъ мѣстѣ совершалось преступленіе, и что они выполняютъ свой долгъ. Въ виду этого, судъ освобождаетъ подсудимыхъ отъ взводимыхъ на нихъ жалобою обвиненій, отказываетъ Бунсу въ его искѣ и приговариваетъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ [1]).

Въ Шо-Бо, милицію изъ монголовъ (кадры, офицеры европейцы) обучали палками. Самыя страшныя тѣлесныя наказанія назначались за маловажныя ошибки, часто даже неизвѣстно за что. Жалованье удерживалось самымъ произвольнымъ образомъ, никогда не могли или не хотѣли сказать, куда шли эти деньги. Солдаты—мюонги — служили носильщиками, посыльными и волей или неволей женщинами тѣмъ бездѣльникамъ и негодяямъ, которыхъ имъ дали въ начальники [2]).

11 ноября 1891 г., въ Шалонѣ было открыто скандальное дѣло. Капитанъ стрѣлковъ, Лефевръ, человѣкъ очень богатый; поручикъ Пютъ, сынъ генерала, старшій вахмистръ Малле—носившій обыкновенно розовую рубашку съ кружевами — солдатъ Барръ были уличены въ педерастіи. Вахмистръ былъ разжалованъ, равно какъ и солдатъ, и были отправлены въ дисциплинарную роту. Офицеры просто оставили армію [3]).

---

[1]) A. Hamon. L. C., année 1891, p. 654—655. – Сенаторъ Дидъ докладывалъ объ этомъ въ Сенатѣ («Journal officiel» 15 juin 1892). — См, также «Le scandale de Médéah». Brochure in-8 de 47 pages. — Paris 1891.

[2]) Mat-Gioi. «Deux années de lutte», p. 75—76. — Paris 1892. Sanine éditeur.

[3]) A. Hamon. E. C., année 1891, p. 653.

Въ Тлемсемѣ, въ январѣ 1893 года, мальчика шести лѣтъ пытались изнасиловать двое военныхъ (офицеръ и унтеръ-офицеръ егерскаго полка). Тѣло мальчика было избито шпорами. Монеты прилипли къ кожѣ, такъ сильно ими нажимали на бока жертвы. Мальчикъ выжилъ, пролежавъ больше двухъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ. Гражданскія судебныя власти открыли слѣдствіе и передали дѣло военной юстиціи, которая ничего не сдѣлала [1]).

Я хочу остановиться на приведенныхъ цитатахъ. Мы увидимъ, что въ этихъ типическихъ случаяхъ педерастія, такъ сказать, выращивала изъ себя преступныя дѣйствія, въ которыхъ не трудно открыть характеристическія черты военной профессіи. Насиліе оказывается въ дѣлѣ мюонгской милиціи, въ Тлемсемскомъ дѣлѣ; злоупотребленіе властію въ дѣлѣ медеахскомъ и Шалонскомъ; — воровство въ дѣлахъ Буиса и Мюонговъ.

Въ Медеахскомъ процессѣ солидарность доходитъ до поразительнаго факта: Буиса объявляютъ невиновнымъ а Бойера виноватымъ въ парушеніи чести; потому что онъ разоблачилъ позорные поступки педераста и вора. Рока наказали за тѣ же разоблаченія! Факты опубликованы, извѣстны, доказаны, и все таки, несмотря на блестящій докладъ сенатора Дида, докторъ Бойеръ по прежнему остается безъ должности. Офицеры всѣхъ степеней, къ которымъ обращался докторъ, оказывались солидарными съ педерастомъ благо-

[1]) «Echo d'Oran, Radical Algerien», 18 mars 1893,

даря корпоративному духу, который въ свою очередь былъ причиной преступныхъ дѣйствій по отношенію къ Бойеру и Рока.

Тоже самое находимъ мы въ Шалонскомъ дѣлѣ. Безпристрастный человѣкъ понимаетъ, что солдаты занимаются педерастіей съ своими начальниками часто изъ боязни. Они не смѣютъ сопротивляться, они знаютъ какъ много средствъ находится въ рукахъ высшихъ, чтобы „насолить“ низшимъ, не желающимъ повиноваться. Несомнѣнно одно: никогда солдатъ не посмѣетъ сдѣлать подобное предложеніе офицеру. Итакъ, если признавать идею вины и наказанія, то болѣе виноваты высшіе, потому что иниціаторы они, а не низшіе. Отсюда логически слѣдуетъ, что бо̀льшему наказанію должны подвергаться высшіе, а не низшіе. На самомъ дѣлѣ бываетъ совсѣмъ обратное явленіе, благодаря духу корпоративности. Такъ въ Шалонскомъ дѣлѣ солдатъ и унтеръ-офицеръ подвергнуты дисциплинарному наказанію, а офиферы остаются не наказанными, они только уходятъ изъ арміи, что не можетъ быть разсматриваемо какъ наказаніе. Сущность профессіи основанной на іерархизмѣ, психологія людей военнаго ремесла, прекрасно обрисовываются поведеніемъ военныхъ властей въ процессахъ въ Шо̀-Бо, Тлемсемѣ, въ Медеахѣ и въ Шалонѣ. Тутъ еще разъ подтверждается то, что уже было доказано раньше цитированными типическими примѣрами.

Глава XI

Преступность караемая закономъ и безнравственность.

Подъ выраженіемъ „преступность караемая закономъ“ я понимаю тѣ дѣйствія, которыя законъ квалифицируетъ какъ „преступленія“ и которыя онъ преслѣдуетъ.

А. Корръ на основаніи статистическихъ данныхъ во Франціи пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Замѣтно дѣйствительное улучшеніе нравственности, которую можно назвать банальной. Это доказывается быстрымъ уменьшеніемъ неважныхъ преступленій въ обществѣ и аналогическихъ преступленій въ спеціальной средѣ. Если мы сопоставимъ этотъ фактъ съ увеличеніемъ преступленій общаго характера, то увидимъ благодѣтельное вліяніе властной дисциплины на импульсивность людей къ вульгарнымъ проступкамъ“ [1]). Этотъ криминалистъ доказываетъ въ примѣчаніи, что солдаты въ отпуску или отсутствующіе совершаютъ больше вульгарныхъ проступковъ, чѣмъ находящіеся на службѣ.

„Дѣло представляется такъ, говоритъ Корръ, что солдатъ, сразу попадая въ обыкновенную для него жизнь, легко совершаетъ разныя погрѣшности, чтобы вознаградить себя за стѣсненія въ полку.“ Тутъ одинаково имѣются въ виду какъ профессіональные во-

[1]) A. Corre. «Aperçu général de la criminalité militaire en France», p. 12.

енные такъ и солдаты по набору. Статистика не различаетъ ихъ; слѣдовательно и Корръ не могъ различать ихъ

Классы общества, изъ которыхъ вышли всѣ эти военные—различны, это классы представляющіе всю націю; поэтому сравненіе военной преступности съ общефранцузской кажется очень вѣрнымъ. Мы говоримъ „кажется“; потому что военная криминальная статистика страдаетъ ошибками. Въ самомъ дѣлѣ, большое число проступковъ «воровство, и др.» оставляются безъ вниманія военной юстиціей, если они совершаются имѣющими чинъ (унтеръ-офицеры съ хорошими фамильными связями и офицеры). Такихъ преступниковъ подвергаютъ лишь дисциплинарнымъ взысканіямъ или просто приглашаютъ ихъ выйти въ отставку, если это офицеры, или оставляютъ даже безъ всякаго наказанія. Такой конецъ имѣли дѣла: Бунса, генерала Реста, дѣло въ Шобо, Шалонское, дѣло съ мелинитомъ, и пр. и пр. Мало ли унтеръ-офицеровъ проматываютъ казенныя деньги, и ихъ не трогаютъ за это, потому что семьи ихъ покрываютъ недостачу въ кассѣ!

Въ этомъ смыслѣ сравненіе военной криминальной статистики съ общефранцузской кажется нехорошимъ и ведущимъ къ ошибочнымъ выводамъ. Больше этого, А. Корръ ошибается, вѣря въ благодѣтельное вліяніе дисциплины. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ говоритъ намъ, что дисциплина терпящая поступки, образчики которыхъ мы приводили, конечно, не можетъ поднимать нравственнаго уровня ни авторовъ этихъ поступковъ

ни жертвъ ихъ. Возможно однако, что дисциплина производитъ сдерживающее дѣйствіе ни людей боязливыхъ и по темпераменту склонныхъ къ совершенію банальныхъ проступковъ. Во всякомъ случаѣ, дисциплина, не производя никакого морализующаго дѣйствія, только направляетъ увлеченія къ новымъ преступнымъ формамъ, зависящимъ отъ общихъ тенденцій среды, то есть склонности къ обычнымъ преступнымъ формамъ, дисциплина, при вліяніи подражательности, превращаетъ въ форму спеціально свойственную военной средѣ — въ насиліе.

За это насиліе, обыкновенно, назначаются дисциплинарныя взысканія, которыми не занимается статистика; между тѣмъ какъ насилія въ гражданской средѣ вызываютъ примѣненія исправительныхъ мѣръ и, такимъ образомъ, попадаютъ въ число данныхъ судебной статистики. Съ другой стороны нужно замѣтить, что преступность, имѣющая своей причиной бѣдность, въ военной средѣ бываетъ въ значительной части парализована: въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ имѣетъ здѣсь жилище, одежду, въ общемъ достаточную пищу. Здѣсь, всѣ ничего не получающіе отъ семьи по причинѣ ея бѣдности, словомъ всѣ безденежные, найдутъ нѣкоторые денежные рессурсы, оказывая услуги болѣе достаточнымъ солдатамъ.

Дисциплина вовсе не производитъ того вліянія, какое ей приписываетъ Корръ. Меньшее число маловажныхъ преступленій въ арміи сравнительно съ гражданской средой объясняется нѣкоторымъ сокращеніемъ преступленій, проистекающихъ изъ бѣдности, а также

измѣненіемъ — подъ вліяніемъ среды — преступныхъ порывовъ въ форму насилія, которое не подлежитъ наказаніямъ по суду, а лишь дисциплинарнымъ взысканіямъ, т. е. только обуздывается, благодаря корпоративному духу.

Для изученія обыкновенной преступности военныхъ по профессіи, т. е. офицеровъ, нужно было бы имѣть статистику преступленій отдѣльно для офицеровъ каждаго чина и сравнить ее съ аналогичной статистикой для другихъ профессій, въ которыя вступаютъ люди, происходящіе изъ общихъ съ офицерами слоевъ или классовъ общества.

Насколько намъ извѣстно, такая работа не сдѣлана; но она очень желательна; такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, она была бы очень поучительна. Но возможно ли, какъ слѣдуетъ, выполнить такую работу, разъ существуютъ причины, позволяющія офицерамъ, совершающимъ проступки, избѣгать правосудія?

Въ продолженіе 1891 и 1892 гг. мы отмѣтили по извѣстнымъ газетамъ довольно значительное количество случаевъ нарушенія закона. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

2 апрѣля 1891 г., гренобльскій военный судъ присудилъ одного подпоручика на три года въ тюрьму за воровство.

Капитанъ Гумрихтъ (29 пѣхотный Тревекій полкъ) былъ арестованъ за воровство у ювелировъ Гамбурга, Берлина и Бреславля. Сдѣланныя Гумрихтомъ разоблаченія очень компрометировали многихъ изъ его товарищей [1]).

[1]) «Eclair», 27 juillet 1891.

Въ Реннъ застрѣлился капитанъ, бывшій казначеемъ. У него въ кассѣ оказался недочетъ [1]).

9 ноября, въ Безансонѣ, арестованъ за хищеніе капитанъ-казначей 4-го конно-артиллерійскаго Гершкуртскаго полка. Слѣдствіе выяснило, что капитанъ часто бывалъ въ Бельфорѣ и Гершкурѣ у наиболѣе извѣстныхъ проститутокъ и у пѣвицъ кафе-шантановъ. Мѣстныя газеты сообщали, что капитанъ крадъ деньги, чтобы покрывать чрезмѣрные расходы, которые дѣлала его жена, любившая роскошь [2]).

Подпоручикъ Жиле покончилъ самоубійствомъ, чтобы не платить долговъ падѣланныхъ изъ за кафэ-шантанной пѣвицы [3]).

Казначей, поручикъ Баболя, былъ арастованъ и осужденъ за кражу, по однимъ 2000 франковъ, по другимъ пятнадцати тысячъ [4]).

Австрійскій подполковникъ де-Левецовъ былъ осужденъ за мошенничество [5]).

Германскій поручикъ О. Е. Крапфъ обвинялся въ подлогѣ и мошенничествѣ [6]).

Въ Обервилѣ заштатный поручикъ пьянствуетъ, вступаетъ въ любовную связь съ одной изъ бывшихъ его служанокъ. Когда жена его пожелала развода, поручикъ въ одно утро возвратившись пьянымъ, убилъ жену кочергой [7]).

Русскіе солдаты подвергались грабежу въ госпиталяхъ словно у разбойниковъ. Крали открыто не стѣсняясь [8]).

---

[1]) Hamon. L. C., année 1891, p. 471.
[2]) Ibid. p. 651.
[3]) «Petit Journal», 8 février 1892.
[4]) «Action», de Lyon 12 février 1892.
[5]) «XIX Siècle», 17 février 1892.
[6]) «Intransigeant», 22 mai 1892.
[7]) «XIX Siècle», 15 juin 1892.
[8]) Tikhomirow. L. C., p. 386.

Судя по этимъ фактамъ, кажется, что банальная преступность (воровство и пр.) военныхъ равна, если не значительнѣе, такой же преступности у лицъ другихъ профессій, но происходящихъ изъ одного съ военными соціальнаго слоя, т. е. среди ученыхъ, писателей, артистовъ, врачей, судей, профессоровъ, инженеровъ. Этотъ фактъ согласенъ съ логикой, потому что война, подобно тому какъ она уничтожаетъ у людей военнаго ремесла понятіе о цѣнности человѣческой жизни, какъ она притупляетъ физическую и нравственную чувствительность, точно также она атрофируетъ понятіе о правѣ чужой собственности; потому что грабежъ есть отрицаніе этого права. Разъ это понятіе исчезло или ослабѣло, то понятно, что люди нарушаютъ право собственности. Нельзя этого сказать про ученыхъ, писателей, врачей и пр., профессія которыхъ не приводитъ къ болѣе или менѣе полному уничтоженію понятія о правѣ собственности.

Армія есть соціальный организмъ, который, подобно всѣмъ другимъ организмамъ такого рода., имѣетъ свои неизбѣжные отбросы. Общая его мораль не можетъ значительно разниться отъ общей морали другихъ; потому что нѣтъ никакого основанія предполагать такую дифференціацію у солдатъ по набору. Дѣйствительно армія состоитъ изъ людей, которые вчера не были военными и не будутъ ими завтра. Психика такихъ людей не можетъ быть измѣнена военной жизнью до такой степени, чтобы мораль этихъ людей до военной службы, и ихъ мораль послѣ военной службы, представляла существенную разницу. Если эта

дифференціація и бываетъ, то скорѣе въ отрицательномъ направленіи, потому что, какъ можно судить по приведеннымъ примѣрамъ, вліяніе казармы во время мира, вліяніе лагеря и сраженій во время войны, менѣе всего могутъ быть названы моралізирующими. Такимъ образомъ нравственность профессіональныхъ военныхъ, какъ людей, на которыхъ среда могла имѣть значительное вліяніе, — ниже нравственности людей штатскихъ, происходящихъ изъ одного съ офицерами слоя.

Я знаю общераспространенный взглядъ, что армія есть школа честности. Но это сказка, которой вѣрятъ только люди поверхностные, думающіе, что надѣть мундиръ — значитъ стать болѣе моральнымъ, люди ставящіе армію на пьедесталъ и желающіе, чтобы она оставалась неприкосновенною. Этотъ взглядъ такъ распространенъ, съ нимъ такъ сживаются, до такой степени его, такъ сказать, всасываютъ въ себя во время школьнаго періода, такъ часто видятъ выраженіе его въ печати, что безсознательно имъ пропитываются — вѣрятъ, что армія есть символъ честности.

Но человѣкъ науки долженъ освободиться отъ всякой вѣры, онъ долженъ искать истину, какова бы она ни была, хотя бы она даже не нравилась общественному мнѣнію, что, обыкновенно бываетъ со всякою истиною. Вѣдь дѣйствительно, профессіональные военные не только не выше, но даже ниже, морально людей одного съ ними соціальнаго слоя. Въ подтвержденіе приводимъ нѣсколько фактовъ.

Въ арміи, дѣйствовавшей въ Италіи, Бонапартъ организовалъ тайную полицію подъ управленіемъ генералъ-адъютанта Ландріе. Было два бюро... одно завѣдывавшее политикой, главнымъ образомъ наблюденіемъ за Венеціанской областью... словомъ все было направлено къ тому, чтобы препятствовать народному движенію или *его приготовленію* [1]).

Поражающими сопоставленіями Ландріе показалъ, что именно Бонапартъ, главнокомандующій итальянской арміей вызвалъ *Веронскую вечерню*, въ которой было умерщвлено отъ двухъ до трехъ тысячъ французовъ. Проведиторъ Джіованелли, устроившій названную Вечерню, получилъ отъ Бертье 124,000 франковъ. Извѣстно, что позже этому Джіованелли Бонапартъ далъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ итальянскомъ королевствѣ [2]).

Итальянскій врачъ Боттa, очевидецъ итальянской войны, сознается, что пьемонтцы ни разу не бились серьезно, а между тѣмъ въ выходившихъ бюллетеняхъ съ гордостію говорилось о неустрашимости и храбрости войскъ [3]).

Раньше мы видѣли, что, въ августѣ 1797 г., военный судъ оправдалъ, по приказанію коммисара Букэ, человѣка обвинявшагося въ воровствѣ.

Маіоръ 3-го полка спаговъ, Флери — потомъ генералъ, шталмейстеръ, сенаторъ, посланникъ и пр., былъ человѣкъ очень храбрый, предпріимчивый, преданный, рѣшительный. *Онъ былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда предложилъ свои услуги принцу Луи*... Словомъ въ своемъ положеніи онъ могъ потерять чрезвычайно мало, выиграть же

---

[1]) Trolard. De Montenotte au Pont d'Arcole, p. 221.
[2]) L. Grasiller. L. C. p. 241—245.
[3]) Trolard, De Montenotte au Pont d'Arcole, p. 50.

могъ все, связывая свою судьбу съ судьбой принца[1]).

С. Арно публично заявилъ въ Константинѣ, за пуншомъ устроеннымъ въ его честь гарнизономъ, что *„онъ всегда останется столько солдатомъ и не будетъ служить своей шпагой какой бы то ни было партіи* [2]).

Немного времени спустя С. Арно былъ на службѣ у принца Луи и устроилъ государственный переворотъ.

Полковникъ Эспинасъ былъ назначенъ С. Арно завладѣть дворцомъ Законодательнаго Собранія и задержать тамъ депутатовъ. Онъ придумалъ слѣдующее средство, сообщенное имъ своему другу капитану Дю-Кассъ, который передалъ его и другимъ: „Эспинасъ будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ однимъ изъ квесторовъ, генераломъ Ле-Фло, пошелъ къ нему и гуляя по дворцу, выспрашивалъ отъ Ле-Фло топографическія свѣдѣнія. Между прочимъ онъ спросилъ, имѣетъ ли генералъ для себя вѣрное мѣсто, въ случаѣ нападенія со стороны Президента, о чемъ поговаривали. Ле-Фло отвѣтилъ, что въ этомъ случаѣ онъ разсчитываетъ на своего друга Эспинаса и повелъ его подземнымъ коридоромъ до выхода съ маленькою дверью на площадь Инвалидовъ. Полковникъ обѣщалъ, что въ случаѣ переворота его саперы будутъ ожидать генерала-квестора у этого выхода. Это уже и было сдѣлано только не совсѣмъ съ тою цѣлью, о которой думалъ Ле-Фло“ [3]). На самомъ дѣлѣ онъ былъ арестованъ полковникомъ Эспинасомъ.

Я попросилъ, пишетъ Дю-Кассъ, разрѣшенія у стараго короля (Вестфальскаго) отправиться въ Елисейскій дворецъ, *чтобы увидѣть, что тамъ произошло.*

---

[1]) Du Casse. Les Dessous du Coup d'Etat, p. 30—31. Savine éditeur.

[2]) Ibid. p. 40

[3]) Ibid. p. 65—66.

Пріѣхавъ во дворецъ онъ сказалъ дежурному капитану де-Меноваль: „Я прихожу отъ губернатора дворца Инвалидовъ, чтобы *получить распоряженія* президента". По возвращеніи въ дворецъ Инвалидовъ онъ даетъ отчетъ въ своей миссіи, на что король замѣтилъ: „Вы меня скомпрометировали". „Таково было мое дѣйствительное намѣреніе", прибавляетъ баронъ Дю-Кассъ, капитанъ генеральнаго штаба [1]).

Король Жеромъ, пишетъ тотъ же офицеръ, приказалъ мнѣ отправиться въ Елисейскій дворецъ и постараться добыть *точныя* свѣдѣнія о ходѣ борьбы... Съ согласія съ моими товарищами (другіе офицеры) было рѣшено, чтобы *принесенныя извѣстія, во что бы то ни стало, были превосходны для партіи Президента*... Я возвращаюсь въ домъ Инвалидовъ и даю отчетъ въ моей миссіи, представляя еще въ лучшемъ свѣтѣ тѣ хорошія извѣстія, которыя я получилъ. *Они были такъ скверны, что я рѣшилъ ихъ измѣнить* [2]).

Въ 1856 г., начальникъ арабскаго бюро, капитанъ Дуано напалъ на дилижансъ, чтобы убить одного агу и такимъ образомъ отдѣлаться отъ свидѣтеля его незаконныхъ поборовъ. Слѣдствіе открыло цѣлый рядъ произвольныхъ конфискацій, штрафовъ, выкуповъ, собранныхъ при помощи устрашающихъ средствъ; также были констатированы смертныя казни безъ суда, безъ слѣдствія, единственно по приказанію начальника арабскаго бюро. — Исторія о казняхъ и прочихъ дѣлахъ, совершавшихся въ арабскихъ бюро, могла бы наполнить цѣлые томы. Власть начальниковъ этихъ бюро, можно сказать, не знала никакихъ границъ. — Всѣ убійцы арабовъ, въ ихъ числѣ одинъ ага, говорили на судѣ: „Султанъ приказалъ, нужно было дѣй-

[1]) Du Casse. L. C. p. 83—85.
[2]) Ibid. p. 220—221.

ствовать". Одинъ чаушъ, Мамаръ, прибавилъ: Если бы я отказался дѣйствовать, меня убрали бы какъ собаку". Процессъ продолжался отъ 6 по 23 августа 1857 г. въ Оранскомъ уголовномъ судѣ. Офицеры всѣхъ чиновъ приходили давать показанія въ пользу капитана Дуано. Генералъ Кузенъ-Монтубанъ, впослѣдствіи графъ Поликао, генералъ де-Боферъ де-Гаутпулъ объявили, что управленіе Дуано было *правильное, что никакое вымогательство было не возможно въ бюро арабовъ, и что казни безъ суда были въ обычаѣ въ случаяхъ побѣга.* «Въ концѣ засѣданія суда капи-«танъ Дуано повернулся къ генералу Монтубанъ и «спросилъ у него: не приказывалъ ли онъ конфис-«ковать склады зерна, и не было ли въ его распоря-«женіи штрафныхъ денегъ, не внесенныхъ въ подат-«ную кассу. Генералъ отвѣтилъ, что это возможно, «но что онъ ничего не помнитъ. Онъ заявилъ, что «послѣ побѣговъ, все взятое у туземныхъ вождей «часто продавалось по произволу и почти задаромъ. «Генералъ Боферъ настаивалъ, что не могло быть «никакихъ вымогательствъ, и что смертныя казни «совершались по его приказу». Другіе офицеры — Шанзи, Даву, Пеанъ и пр., дослужившіеся потомъ до генеральскихъ чиновъ, не боялись обманывать судъ, чтобы спасти убійцу Дуано. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, но Наполеонъ III замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ. Но черезъ три или четыре года Дуано былъ помилованъ [1]).

Эскадронный командиръ Матвѣенко кралъ у солдатъ пищу и посылалъ ее своимъ многочисленнымъ родственникамъ. Жалованье солдатамъ не выдавалось, а деньги присылаемыя родственниками задерживались.

---

[1]) «Dictionaire de la conversation et da la lecture». T. III du supplement. Paris 1872. — «Petit Colon» d'Alger, 29 février 1892.

Напрасно драгуны жаловались, напрасно офицеръ Сычевскій докладывалъ обо всемъ этомъ генералу. Сычевскій былъ посаженъ подъ арестъ, а Матвѣенко произведенъ въ полковники. Офицеръ Коначъ, на котораго больше всего жаловались солдаты, былъ представленъ къ наградѣ [1]).

Врачъ Скарятинъ возмущался звѣрствомъ и воровствомъ, происходившимъ въ Бужскомъ драгунскомъ полку, и жаловался генералу. *За это Скарятинъ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ.* Отбывъ наказаніе онъ отправилъ рапортъ дивизіонному доктору, который ему сказалъ: „Почему вы такъ горячитесь, мой дорогой! *Мы хорошо видимъ все это, но мы молчимъ.* Глупѣе мы васъ, что ли? [2])

Передавая фактъ относящійся къ представленію въ военное министерство проэкта управляемаго воздушнаго шара, я замѣтилъ, что инженерный маіоръ Ш. Ренеръ сдѣлалъ докладъ не видѣвъ ни модели ни рисунка, не выслушавъ никакого объясненія. Маіоръ Гальфенъ докладывалъ при такихъ же условіяхъ. А между тѣмъ оба доклада составлены такъ, что при чтеніи ихъ получалось впечатлѣніе, будто эти высшіе офицеры видѣли модель или рисунки [3]).

На процессѣ, возбужденномъ капитаномъ Ц... противъ капитана Д... по поводу любовной связи, было прочитано письмо Г-жи Ц... къ ея любовнику, капитану Д... Г-жа Ц... писала: „Вечеромъ пообѣдаемъ вмѣстѣ. Не безпокойся о деньгахъ, я заплачу". По словамъ Г-жи Ц... ея мужъ былъ ее по животу [4]).

По жалобѣ одной дамы полиція арестовала бѣдно одѣтаго человѣка, который преслѣдовалъ даму. Въ

---

[1]) L. Tikhomirov. L. C. p 393.
[2]) Ibid. p. 391.
[3]) A. Hamon et Bachot. «Agonie d'une societé», p. 298—304.
[4]) Hamon. L. C. 1891, p. 428.

участкѣ раскрылось, что это былъ подполковникъ Х..., прикомандированный къ военному министерству, къ развѣдочному бюро по иностраннымъ дѣламъ, иначе — былъ шпіонъ. Онъ преслѣдовалъ даму въ виду выполненія своей миссіи [1]).

Извѣстенъ споръ между генералами. маркизомъ де-Галифе и княземъ де-Бофремонъ, показывающій одно изъ двухъ: или Галифе незаконно надѣлъ на себя генеральскій мундиръ, 1 сентября 1870 г. и лишь благодаря подлогу сохранилъ свой чинъ, или Бофремонъ нахальный лжецъ [2]).

Во время происшествія на маневрахъ 1891 года, были опубликованы письма генерала де-Галифе, писанныя имъ въ 1879—1880 гг., изъ коихъ видно, что этотъ генералъ донесъ на своего начальника — военнаго министра — и на своихъ товарищей. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ необузданнаго честолюбія онъ нарушилъ военный уставъ [3]).

Въ ноябрѣ 1892 г., 2-й военный судъ приговорилъ *на годъ* тюрьмы ефрейтора 27 драгунскаго полка, за то что ефрейторъ, во время маневровъ квартировавшій у виноторговца, изнасиловалъ семилѣтнюю дѣвочку, спавшую въ одной съ нимъ комнатѣ [4]).

Извѣстно, что въ Медеахскомъ дѣлѣ генералы де-Лявинь, дю-Бессоль, Лявевъ, подполковникъ Верженнъ, маіоръ Ля-Панузъ, капитанъ Ляпостоль и др., словомъ, всѣ военныя власти защищали капитана Буиса, показывая такимъ образомъ свою солидарность съ воромъ и педерастомъ. Двухъ же офицеровъ, раскрывшихъ указанные факты они наказывали.

Извѣстно, что въ дѣлѣ о Мелинитѣ генералъ Ля-

---

[1]) Hamon. L. C., année 1891, p. 470.
[2]) Ibid. p. 14—15.
[3]) Ibid. p. 657—661.
[4]) «Intransigeant» 17 novembre 1892.

вока, уличенный въ соучастіи въ шпіонствѣ, пользовался покровительствомъ министра и не былъ преслѣдуемъ, равно какъ и другіе офицеры его сообщники.

Въ 1892 г. капитанъ Деврезъ былъ приговоренъ Ганойскимъ судомъ къ штрафу за воровство документовъ изъ бюро газеты Indépendance Tonkinoise. Этотъ капитанъ, кавалеръ Почетнаго Легіона, подкупилъ аннамита для выполненія *кражи, предпринятой впрочемъ по приказанію генерала Реста* [1]).

Изъ жалобы, поданной въ военное министерство отставнымъ полковникомъ Пувурвилемъ противъ генерала Реста, видно, что этотъ генералъ лгалъ, задерживалъ бумаги, вмѣсто того чтобы ихъ отправлять въ военный судъ, занимался фальсификаціей и пр., съ цѣлью мщенія поручику Пувурвилю [2]).

Эти факты нисколько не характеризуютъ военной профессіи: аналогичные имъ факты встрѣчаются во всякой профессіи и во всякой странѣ. Мы привели ихъ здѣсь единственно съ тою цѣлью, чтобы показать, что въ военной средѣ безнравственные поступки встрѣчаются также часто какъ и во всякой другой; мы ихъ привели, чтобы разбить столь распространенный ошибочный взглядъ, что армія есть школа честности. Вѣдь нельзя не согласиться, что поступки, образчики которыхъ мы дали, очень мало говорятъ о честности, а между тѣмъ здѣсь дѣйствуютъ высшіе офицеры и генералы.

Генералъ-адъютантъ Ландріе, заправляющій секрет-

---

[1]) Mat-Gioi (Albert de Pouvourville). Un point d'histoire coloniale.

[2]) Ibid.

ной военной полиціей, имѣющій въ своемъ распоряженіи агентовъ-провокаторовъ; пьемонтскій генеральный штабъ, лгущій въ своихъ военныхъ бюллетеняхъ; Бонапартъ, вызывающій Вероискую Вечерню; военный судъ оправдывающій Букэ по приказанію сверху; маршалъ С. Арно, заявляющій въ іюлѣ 1851 г. что онъ какъ солдатъ не станетъ служить никакой партіи, а въ декабрѣ того же года совершающій государственный переворотъ; полковникъ Эспинасъ, обманывающій своего друга генерала Ле-Фло; капитанъ Дю-Кассъ, желающій скомпрометировать короля Жерома, у котораго онъ служилъ адъютантомъ,. Дю Кассъ лгущій сообща съ другими офицерами; генералы Кузенъ-Монтубанъ, Бофортъ-де-Готпуль, Шанзи, Давустъ, Пеанъ и другіе офицеры, дающіе лживыя показанія передъ уголовнымъ судомъ; маіоры Ренаръ и Гальфенъ лгущіе въ своихъ докладахъ; капитанъ Д... находящійся на содержаніи г-жи С.., которую бьетъ ея мужъ, капитанъ С...; полковникъ Х..., превращающійся въ шпіона; военный судъ, приговаривающій на годъ тюрьмы за изнасилованіе; генералы и офицеры всѣхъ степеней, заявляющіе свою солидарность съ воромъ Буссомъ; капитанъ Деврезъ, крадущій документы; генералъ Рестъ, предписывающій это воровство, занимающійся фальсификаціей; полковникъ Матвѣенко и офицеръ Копачъ, обкрадывающіе своихъ солдатъ; русскій генералъ, наказывающій офицеровъ за раскрытіе этого воровства и др., — вотъ неопровержимыя доказательства того, что всѣ эти генералы, полковники, маіоры имѣютъ странное понятіе о честности.

Всѣ эти факты, взятые изъ тысячи другихъ, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на утонченную нравственность профессіональныхъ военныхъ. Въ новыхъ формахъ они подтверждаютъ нравственность уже обнаруженную въ прежде указанныхъ примѣрахъ. Они еще разъ показываютъ, что военное ремесло вовсе не вліяетъ морализующимъ образомъ, и что, слѣдовательно, оно не служитъ школой честности; потому что члены военной профессіи — и при томъ не худшіе — поступаютъ такъ безнравственно. Анализъ этихъ безнравственныхъ фактовъ находитъ производящую ихъ причину въ слѣдующемъ: въ сильной власти, поистинѣ цезарской, въ соединеніи съ большимъ раболѣпствомъ.

Глава XII

Заключеніе.

Цѣль военной профессіи — война. Всякая война непремѣнно предполагаетъ насиліе, выражающееся въ убійствахъ, изнасилованіяхъ, воровствѣ, грабежахъ, пожарахъ.

Люди избирающіе себѣ военную профессію, побуждаются къ тому личными интересами. Преданность отечеству, обществу не играютъ никакой роли въ этомъ выборѣ. Влеченіе къ жизни свободной отъ заботъ и борьбы, съ регулярнымъ жалованьемъ, какъ жизнь государственнаго человѣка, но съ тѣмъ преимуществомъ, что избравшимъ военную профессію оказывается почетъ; желаніе носить мундиръ, чтобы отличаться

отъ обыкновенныхъ смертныхъ и имѣть право входа въ свѣтскіе салоны; тщеславное желаніе командовать другими, которые должны будутъ или безропотно повиноваться, или терпѣть большія наказанія; прирожденное тяготѣніе къ этой профессіи, кровавой по своимъ цѣлямъ; недостатокъ энергіи и неспособность, сознаваемая ими или нѣтъ, завоевать себѣ столь же важное положеніе какимъ нибудь трудомъ — литературнымъ, артистическимъ, научнымъ; неспособность къ занятіямъ коммерческимъ или финансовымъ, или невозможность отдаться имъ за отсутствіемъ капитала — вотъ сознаваемые или не сознаваемые мотивы, которыми руководятся люди, добровольно избирающіе военную службу своей профессіей.

Эти люди предрасположены къ насилію своей психической организаціей, являющейся результатомъ ихъ физіологическаго организма, ихъ физической, воспитательной и соціальной среды. Благодаря профессіональному воспитанію, професіональнымъ привычкамъ и свойственной животнымъ подражательности они постепенно доходятъ до нравственнаго безчувствія, которое часто сопровождается физическою нечувствительностью къ болямъ. Отсюда проистекаетъ презрѣніе къ человѣческой жизни и къ человѣческому страданію, какъ физическому такъ и моральному. Насиліе есть характеристическая черта скрытой преступности и морали, составляющихъ психику профессіональнаго военнаго человѣка. Эта черта „насиліе“ постоянно сказывается, принимая то болѣе или менѣе смягченныя, то болѣе или менѣе рѣзко проявленныя формы.

Профессіональное воспитаніе развиваетъ профессіональный духъ, этотъ пережитокъ эпохи клана, становящійся еще болѣе сильнымъ благодаря мундиру и шпагѣ — этимъ отличительнымъ знакамъ, которые постоянно носятся военными и составляютъ въ полномъ смыслѣ слова тунику Нессуса *). Этотъ профессіональный духъ, усиленный психическимъ пережиткомъ былаго значенія военной профессіи въ обществѣ, породилъ глубокое пристрастіе, дѣтское убѣжденіе, что профессіональные военные превосходятъ всѣхъ прочихъ людей.

Это пристрастіе является диссонансомъ въ теперешнемъ обществѣ, въ которомъ военная профессія существуетъ какъ остатокъ формы бывшей полезной нашимъ предкамъ, но теперь все болѣе и болѣе утрачивающей свой полезный характеръ. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе становится паразитной военная профессія. Она идетъ по пути къ исчезновенію. Какъ остатки органовъ у человѣка служатъ анатомическимъ доказательствомъ его происхожденія отъ животныхъ, такъ точно „военная профессія“ — тоже органическій остатокъ — есть доказательство, что наши цивилизованныя общества, находящіяся на пути къ высшей цивилизаціи, произошли отъ обществъ дикихъ.

---

*) Туника Нессуса, которую подарила Геркулесу Деянира, его жена, была пропитана ядовитыми веществами. Этотъ ядъ Деянира считала любовнымъ зѣльемъ, способнымъ привязать, приворожить человѣка. Результаты получились обратные: Геркулесъ мучимый ужасными болями, пожелалъ сжечь себя.

Прим. переводчика.

Пристрастіе это въ соединеніи съ практикой власти, такъ сказать, непмѣющей узды, благодаря солидарности профессіональныхъ военныхъ развиваетъ у нихъ настоящую душевную болѣзнь, которую Лякассань назвалъ цезаритомъ. Цезаритъ и характеристическое военное „наслѣе“, дѣйствуя совмѣстно, создаютъ формы для потенціальной преступности — формы выражающіяся въ дикихъ нападеніяхъ на подчиненныхъ и на штатскихъ.

Всѣ принадлежащіе къ какой нибудь профессіи и носящіе отличающіе ихъ знаки — или временные (судіи) — или постоянные (военные), всѣ эти люди солидарность — чувство свойственное даже животнымъ[1]) — ограничиваютъ только товарищами по профессіи или даже товарищами по секціи, если профессія представляетъ нѣсколько секцій. Чувство солидарности у нихъ не распространяется какъ у другихъ людей на болѣе крупную фракцію данной коллективности, или на всю коллективность, или даже на все человѣчество.

У профессіональнаго военнаго чувство солидарности безусловно ограничивается его кланомъ. Къ этому чувству, хотя и пропсшедшему изъ благородной основы, но скряжническому на дѣлѣ, присоединяются другія черты военной психики: нравственное безчувствіе, идея превосходства, идея обладанія существами, надъ которыми практикуется власть. Наконецъ, ко всему этому

---

[1]) О солидарности у животныхъ и у людей см. прекрасный очеркъ П. Кропоткина въ la Societé Nouvelle et l'Humanité Nouvelle.

присоединяется разлагающее вліяніе пассивнаго повиновенія, уничтожающее у субалтерныхъ офицеровъ послѣдній остатокъ ихъ индивидуальности, вліяніе ломающее ихъ и превращающее въ автоматовъ; такъ какъ субалтерный офицеръ смотритъ, чувствуетъ, думаетъ и дѣйствуетъ съ разрѣшенія своего начальника. „Кто покорялся, пишетъ Ренанъ, тотъ есть человѣкъ capitis minor, въ которомъ осквернёнъ самый зародышъ благородной жизни“. Пассивное послушаніе дѣлаетъ человѣка раболѣпнымъ по отношенію къ его начальникамъ, и, по понятной реакціи, — высокомѣрнымъ по отношенію къ подчиненнымъ. Всѣ эти причины производятъ явленія аналогичныя тѣмъ типическимъ случаямъ, которыя мы указали выше.

Вполнѣ кровавая цѣль военной профессіи; средства употребляемыя этой профессіей; предрасположенность членовъ ея къ полному приспособленію къ ней; — образъ дѣйствія этихъ лицъ, относительно которыхъ мы указали типическіе примѣры; — все это указываетъ на грубую нравственность, во многомъ похожую на нравственность дикихъ. Эта грубая нравственность представляетъ лишь ослабленное чувство справедливости, коренящееся въ человѣческой природѣ.

Безнравственность военныхъ, далекая отъ неясныхъ формъ безнравственности штатскихъ, происходящихъ изъ одного съ офицерами общественнаго слоя, имѣетъ ту хорошую черту, что она ясна, не покрыта лицемѣріемъ, которое такъ затрудняетъ соціолога при изученіи психологіи профессій.

Военная мораль считаетъ, что нарушеніе общей

морали заслуживаетъ меньшаго порицанія или наказанія чѣмъ нарушеніе военной дисциплины. Слава корпораціи стоитъ выше всякаго соображенія и оправдываетъ какіе угодно безчестные поступки. Профессіональный военный имѣетъ всѣ права на низшихъ, *тѣмъ болѣе* имѣетъ онъ ихъ на штафирокъ.

Такая мораль достойна того, что про нее написалъ А. Корръ: „Довольно тѣхъ нелѣпостей, которыя представляютъ намъ милитаризмъ какъ nec plus ultra земной красоты, разсадникомъ великихъ характеровъ, школой презрѣнія къ смерти, школой самопожертвованія. Онъ есть школа деморализаціи и ничтожности. Я не вижу основанія, почему человѣку лучше умереть, чѣмъ жить свободною, полезною жизнью, не доведенною лишеніями до отчаянія. Что же касается духа самопожертвованія, то обыкновенная жизнь представляетъ достаточно случаевъ, въ которыхъ люди штатскіе умѣютъ проявлять самопожертвованіе героически, но съ меньшимъ шумомъ, а главное безъ всякого личнаго интереса, чего не дѣлаютъ солдаты по призванію“ [1]).

Н. Колаяни, въ своей Socilogia criminale, совершенно основательно закончилъ главу о войнѣ и милитаризмѣ слѣдующими строками:

„Въ послѣднемъ счетѣ война и милитаризмъ вызываютъ отвращеніе къ полезному труду; поддерживаютъ склонность къ лѣности; создаютъ у солдатъ новыя потребности, не давая соотвѣтствующихъ средствъ

[1]) Almanach de la Question Sociale pour 1892, p. 96.

для ихъ удовлетворенія; будятъ жестокіе и эгоистическіе инстинкты, заложенные въ нашей природѣ; уваженіе къ праву замѣняютъ экзальтированнымъ уваженіемъ къ грубой силѣ; ведутъ къ раболѣпству и къ чрезмѣрной власти; всякими путями — прямыми и косвенными — доводятъ до нищеты, самоубійства, умственнаго помѣшательства, преступленій. Таковы печальные результаты этихъ пагубныхъ учрежденій, какъ это доказываютъ исторія и статистика".

Въ окончательномъ результатѣ, какъ совершенно основательно говоритъ этотъ криминологъ, какъ это доказываютъ всѣ типическіе факты, изложенные въ этой книгѣ, МИЛИТАРИЗМЪ ЕСТЬ НАСТОЯЩАЯ ШКОЛА ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Всякое понятіе есть продуктъ мозговой работы, которая въ свою очередь есть функція физіологической организаціи мозга, мезологическихъ условій существовавшихъ раньше и существующихъ во время работы головного мозга. Физіологическая организація мозга опредѣляется наслѣдственностію, но въ продолженіе всего періода формированія мозга, эта организація измѣнялась подъ вліяніемъ условій физической жизни (климатъ, пища и пр.) и жизни интеллектуальной (образованіе, воспитаніе и пр.). Мезологическія условія, существовавшія раньше — это среда соціальная, профессіональная, свѣтская. Условія существующія въ моментъ образованія концепціи — это сейчасъ перечисленныя условія, къ которымъ нужно присоединить климатерическую среду.

Въ результатѣ всякое понятіе производятъ слѣдующія причины: наслѣдственность, климатъ, пища, образованіе, воспитаніе, среда семейная, профессіональная, свѣтская, соціальная. Изъ этого слѣдуетъ, что понятіе есть результатъ условій, что оно не можетъ быть инымъ чемъ оно есть. Хотѣніе есть понятіе, и слѣдовательно человѣкъ не свободенъ имѣть такое а не иное свое хотѣніе. Поступки наши свободны въ томъ смыслѣ, что если нѣтъ препятствія направленнаго на хотѣніе, то индивидуумъ не совершитъ акта, если не хочетъ совершить его; но онъ не свободенъ желать или не желать его.

„Неотвѣтственность логически выводится изъ несуществованія свободной воли. Отсюда логически же вытекаетъ несправедливость наказаній, карательныхъ мѣръ, и, слѣдовательно, необходимость ихъ уничтоженія“.

Наказаніе, будучи ирраціональнымъ, пожалуй, и безполезно для уничтоженія или по крайней мѣрѣ ослабленія анти-альтруистическихъ и анти-соціальныхъ поступковъ профессіональныхъ военныхъ. Уклоненія отъ нормальности надо не обуздывать, а надо сдѣлать невозможнымъ самое появленіе ихъ. Отсюда логически вытекаетъ необходимость дѣйствовать не на индивидуумовъ, а на профессіональную среду.

Этотъ пріемъ ведетъ къ уничтоженію военной формы преступности путемъ уничтоженія или исчезновенія самой военной профессіи. Именно къ этой цѣли стремится соціализмъ, какую бы школу онъ не пред-

ставлялъ: будетъ ли это коммунизмъ, анархія или властный коллективизмъ.

Но до наступленія этого времени будутъ продолжаться войны и, какъ слѣдствіе ихъ, будутъ существовать профессіональные военные съ ихъ безчисленными вредными поступками. Слѣдовательно ближайшею цѣлію должно быть смягченіе этихъ явленій, и мы скажемъ вмѣстѣ съ Корромъ, что для достиженія этого нужно сдѣлать арміи болѣе гражданскими, нужно лишить ихъ профессіональнаго ихъ характера. Средства коллективныя, т. е. государственныя, способствующія достиженію этого результата суть слѣдующія:

Полная передѣлка звѣрскаго военнаго кодекса, передѣлка на основаніяхъ менѣе жестокихъ и болѣе соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ, смягченнымъ нравамъ.

Теперешняя организація общества не позволяетъ радикальнаго лѣченія; и такъ какъ обузданіе оказывается еще необходимымъ, то оно должно захватывать всѣ преступленія, кто бы ни былъ ихъ авторъ. Такое обузданіе иногда можетъ имѣть значеніе радикальной мѣры по отношенію къ имѣющимъ скоро совершиться вреднымъ поступкамъ: страхъ имѣетъ вліяніе на психику нѣкоторыхъ личностей.

Реформа военныхъ судовъ, которые, по Корру, должны быть смѣшанными, т. е. должны состоять изъ членовъ военныхъ и гражданскихъ, чтобы ихъ рѣшенія были мягче, и, слѣдовательно, справедливѣе.

Эти средства, которыя законодательная и исполнительная власть могли бы примѣнить теперь же, на

мой взглядъ, оказали бы самое ничтожное вліяніе на скрытую преступность военныхъ; потому что они дѣйствовали бы чрезвычайно мало на интеллектъ членовъ военной профессіи. Однако нужно признать, что они сглаживали бы рѣзкое различіе, существующее между арміей и остальными гражданами.

Этотъ процессъ, продолжаясь цѣлые вѣка, фатально привелъ бы къ полному поглощенію арміи гражданскимъ элементомъ, т. е. привелъ бы къ исчезновенію военной профессіи цѣликомъ вмѣстѣ съ ея специфическими признаками. Слѣдовательно, эти реформы были бы полезны, но въ дѣйствительности — они недостаточны, чтобы получилось сравнительно быстрое улучшеніе.

Для сильнаго вліянія на интеллектъ профессіональныхъ военныхъ нужны другія средства, чѣмъ тѣ которыя законодательная и исполнительная власть могла бы употребить въ дѣло, но которыми она, по всей вѣроятности, не воспользуется. Эти средства — слѣдующія.

Запрещеніе носить шпагу, или саблю и форму внѣ служебныхъ занятій.

Послушаніе, обязательное для подчиненныхъ, должно быть ограничено только служебнымъ временемъ, и должно распространяться лишь на то, что относится къ службѣ. Послушаніе должно имѣть строго опредѣленныя границы, и всякій профессіональный военный, стремящійся къ ихъ расширенію, долженъ быть удаляемъ изъ службы.

Подъ дѣйствіемъ этихъ средствъ быстро и неиз-

бѣжно исчезли бы военное пристрастіе, духъ клана, презрѣніе къ низшимъ и къ штатскимъ и пр. Я указалъ на эти средства просто для того, чтобы упомянуть о нихъ: онѣ не будутъ и не могутъ быть примѣнены въ организаціи теперешняго общества, въ которомъ милитаризмъ является однимъ изъ основаній или устоевъ его.

Для улучшенія грубой нравственности профессіональныхъ военныхъ нужно дѣйствовать на ихъ интеллектъ, пользуясь для этого вліяніемъ на интеллектъ массы, какъ на посредствующее звено. Этотъ промежуточный пріемъ долженъ состоять въ воспитаніи зрѣнія и слуха посредствомъ слова, письма, дѣйствія.

Нужно добиться — что не такъ уже трудно — что бы на армію смотрѣли какъ на соціальную тяжесть.

Нужно ее поставить на соотвѣтствующее ей мѣсто въ соціальной іерархіи; потому что существуетъ такое мѣсто для профессіональнаго военнаго — именно на самой низшей ступени іерархической лѣстницы; потому что профессіональный военный — паразитъ, эксплуататоръ, ничего не производитъ; потому что плугъ крестьянина, инструментъ ремесленника, перо писателя — почетнѣе шпаги.

Въ соціальномъ клапѣ, извѣстномъ подъ именемъ „свѣта“, нужно вызвать благодѣтельную реакцію противъ пресловудой честности и самопожертвованія, которыя покрываютъ своимъ ореоломъ профессіональныхъ военныхъ Мы видѣли, что подъ этимъ ореоломъ кроются безнравственность и вредъ.

Нужно клеймить этихъ профессіональныхъ военныхъ,

которые всѣ думаютъ то же, что откровенно высказалъ генералъ Скобелевъ: „Я солдатъ тѣломъ и душею... только солдатъ, и съ такимъ пылкимъ честолюбіемъ, что вы и представить себѣ не можете. Я хочу сдѣлаться самымъ извѣстнымъ полководцемъ въ Россіи. Та слава, которой я достигъ — ничто. Только благодаря войнѣ могу я достигнуть того, чего хочу. Миръ будетъ моей гибелью. Это я чувствую и знаю. *Такая война, какая нужна мнѣ, возможна только съ Германіей. Вотъ почему я разжигаю ненависть къ нѣмцамъ и не перестану разжигать ее!* [1])

Всегда и вездѣ, когда и гдѣ только возможно, нужно возставать противъ войны; потому что она есть причина существованія военныхъ. Нужно возставать противъ „этого послѣдняго и гнуснаго остатка минувшихъ варварскихъ временъ, составляющаго ужасъ современной цивилизаціи, разрушающаго всякій прогрессъ, всякое богатство“ [2]).

Это воспитаніе, направленное противъ милитаризма, противъ войны, должно совершаться медленно и постепенно, чтобы избѣжать сначала оппозиціи, а по-

[1]) Berthe de Suttner. Le Mouvement pacifique en Europe, in La Vie contemporaine, p. 562. Septembre 1893. — Когда Скобелева упрекнули за извѣстную рѣчь, произнесенную имъ въ Парижѣ за обѣдомъ, онъ отвѣтилъ: «Чего вы хотите? Прежде всего я хочу войны и добьюсь ее..., потомъ я имѣлъ инструкцію отъ Муравьева, да и французы были очень любезны со мною, и, наконецъ я былъ пьянъ какъ стелька».

[2]) Такую оцѣнку войны внесъ въ свои рѣшенія о желательномъ разоруженіи французскій конгрессъ (Congrès de la Reporulation de la France), бывшій подъ предсѣдательствомъ д-ра Ляно, въ іюлѣ 1893 г.

томъ и открытой реакціи, могущей въ концѣ концовъ оживить кроющуюся въ насъ любовь предковъ къ насилію, символизированному въ войнѣ и въ милитаризмѣ. Дѣло утонченія и смягченія нравовъ требуетъ такта, грозя въ противномъ случаѣ неудачей или по крайней мѣрѣ замедленіемъ.

Это воспитаніе путемъ зрѣнія и слуха, медленное но постоянное, непремѣнно приведетъ къ исчезновенію милитаризма.

Пропаганда соціализма, мирныя общественныя теченія, общество третейскаго суда, феминизмъ, — все содѣйствуетъ дѣлу такого воспитанія. Но больше всѣхъ этихъ причинъ дѣйствуютъ условія экономическія, постепенно развивающіяся. Различныя націи больше сталкиваются, лучше узнаютъ другъ друга, благодаря безпрерывному усовершенствованію средствъ сообщенія. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ войны становятся болѣе рѣдкими. Постоянное усовершенствованіе оружія, постоянное увеличеніе армій тоже уменьшаютъ вѣроятность войны, и, слѣдовательно, смягчаютъ вредъ милитаризма, достигающаго своего полнаго раскрытія только во время войны.

Милитаризмъ заключаетъ въ самомъ себѣ зародышъ своей смерти. Время незамѣтно помогаетъ развитію этого зародыша, и непремѣнно наступитъ моментъ, когда милитаризмъ и война исчезнутъ. Эти формы борьбы уступятъ мѣсто другимъ формамъ, менѣе насильнымъ, но, быть можетъ, не менѣе смертоноснымъ.

ЗАЩИТА
ПСИХОЛОГІИ ВОЕННОЙ ПРОФЕССІИ

« Васъ міръ не можетъ ненавидѣть;
а меня ненавидитъ, потому что я свидѣтельствую о немъ, что дѣла его злы».
(Еванг. отъ Іоанна, гл. VII. ст. 7).

Въ ноябрѣ 1893 года мы публиковали первый томъ ряда изслѣдованій по соціальной психологіи. Эта „Психологія Военной Профессіи“, [1]) книга чисто научная, пережила много испытаній, о которыхъ говоритъ Д-ръ Корръ въ Societé Nouvelle [2]) слѣдующее:

„Чтобы рѣзче отмѣтить научный характеръ этого труда, авторъ хотѣлъ напечатать его въ спеціальномъ органѣ криминологіи [3]), гдѣ онъ прекрасно дополнилъ

---

[1]) Нѣкоторые органы напечатали отрывки изъ этой книги: Societé Nouvelle, juillet 1893 (гл. IV и V); Mercure de France (гл. XII); Revue Socialiste (гл. II и III); Art Social (гл. VI) сентябрь 1893 г.; Sempre Avanti de Livorno, 23, 30 сентября и 7 октября (гл. VI); Critica Sociale de Milano, 1 ноября (гл. VII); Révolte, 25 ноября и 7 декабря (гл. IV и VI); Giornale di médicina Pubblica de Napoli, апрѣль 1894 г. (гл. IV).

[2]) Декабрскій номеръ 1893 г.

[3]) Archives d'Anthropologie criminelle.

бы мой обзоръ *Военной преступности во Франціи.* Редакторъ этого органа [1]), прекрасный человѣкъ, отлично самъ знакомъ съ психологіей, изображенной авторомъ среды, не могъ однако побороть въ себѣ чиновника. — «То, что вы говорите, совершенно справедливо, повторялъ онъ автору, но подумайте только! Напечатать это въ моемъ органѣ! Подъ моимъ покровительствомъ! Лекціи, которыя я читаю аудиторіи молодыхъ людей, готовящихся въ большинствѣ случаевъ къ военной службѣ, обязываютъ меня быть очень осторожнымъ. Если бы вы еще ограничились изображеніемъ милитаризма до 1789!» Это было... началомъ странствованія книги по различнымъ издателямъ, изъ которыхъ каждый, одинъ болѣе другого, былъ патріотомъ. Издатели, одинъ за другимъ отклонявшіе эту книгу, всѣ заявляли, что они прочли ее и—очень забавное признаніе—нашли ее интересной и очень вѣрной во многихъ пунктахъ. Но, въ заключеніе, вѣчное „не надо касаться арміи“ являлось мотивомъ ихъ отказа напечатать эту работу“...

Не найдя издателя во Франціи, я обратился въ Бельгію и издательство Ch. Rosez согласилось поставить свою фирму, а M. A. L. Charles, парижскій книгопродавецъ, рѣшился устроить у себя главный складъ изданія во Франціи.

Итакъ „Психологія военнаго по ремеслу“ появилась 26 ноября и надѣлала большого шума въ лагерѣ политикановъ, даже заграницей.

Намъ пришлось пережить самые рѣзкіе нападки и даже оскорбленія.

Волненіе было такъ велико, что если вѣрить газе-

[1]) Dr. Lacassagne.

тамъ, въ это дѣло чуть не вмѣшалась наша магистратура[1]). Въ присутствіи такихъ рѣзкихъ нападокъ мы оставались спокойны, какъ это и подобаетъ людямъ науки, къ которымъ мы принадлежимъ и которыми стремимся быть. Не мѣшая людямъ шумѣть мы продолжали наши изслѣдованія и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прерывали свое молчаніе [2]).

Мы выпускаемъ теперь новое изданіе нашей книги, что и побуждаетъ насъ представить публикѣ защиту нашего очерка соціальной психологіи однородной массы: военнаго по профессіи.

Прошло болѣе года; страсти улеглись, и я думаю, что наши противники прочтутъ спокойно мои учтивые отвѣты на ихъ немногія, очень немногія возраженія.

Соединивъ, насколько было возможно, всѣ сдѣлан-

---

[1]) Извѣстіе это появилось въ Gaulois 15 декабря и черезъ Libre Parole, 16 декабря облетѣло всю французскую и даже заграничную прессу. Я долженъ былъ опровергнуть его и доказать невозможность преслѣдованія; черезъ Agence Nationale это было сообщено прессѣ, которая 22 декабря и въ слѣдующихъ номерахъ помѣстила мое опроверженіе. Это извѣстіе о преслѣдованіи, а также, по всей вѣроятности, и запугиванія, повліяли на нашего книгопродавца M. Charles, который, забывъ пустить книгу въ продажу, попросилъ насъ снять его имя съ обложки изданія. Мы должны были перемѣнить въ нѣсколько дней обложку, потому что Revue Socialiste, въ лицѣ своего управляющаго M. Rodolph Simon, согласилось взять на себя отвѣтственность склада.

[2]) Revue des Revues, октябрь; Mercure de France, ноябрь; Petite Republique, 25 декабря; Peuple (Lyon) 26 декабря; Petite Republique, 1 января 1894 г.; Peuple (Lyon), 1 января; Figaro 29 января; Peuple (Lyon), 31 января; Gil Blas, 4 февраля.

ныя намъ возраженія, мы отвѣчаемъ теперь на нихъ и повторяемъ то, что нѣкогда писалъ Монтескье: ознакомившись съ положеніемъ вещей, публика можетъ судить сама.

* * *

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тѣхъ грубостяхъ и оскорбленіяхъ, которыми насъ такъ щедро наградили. За пальму первенства здѣсь энергически боролись политическіе[1]) и военные органы[2]).

Не знаю, отвоевали ли ее себѣ въ этой достопамятной борьбѣ профессіональные военные, что, впрочемъ, было бы нисколько не удивительно, потому

[1]) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько образчиковъ этихъ оскорбленій. Наша работа оказалась «позоромъ для общества», «грязнымъ искаженіемъ», заслуживающимъ «только презрѣнія и отвращенія честныхъ людей», «гнустной», «нелѣпой», «чудовищной выдумкой», заслуживающей «презрѣнія, какъ всякая клевета». Автора величали «преступникомъ», «педантомъ, рекламистомъ, хвастуномъ», говорили, что онъ, «какъ неспособный къ военной службѣ, благодаря физическимъ недостаткамъ, не былъ солдатомъ», представляли его «пристрастнымъ, лишеннымъ чистосердечія». Эти грубыя выраженія появились въ Bien public, 23 декабря, Dijon, въ Courrier de Bayonne, 23; въ Courrier du Centre, 25, Limoges; въ Gil Blas, 1 февраля 1894, подписано C. des Perrières; въ Autorité, 9 февраля и въ Courrier de la Champagne, 11, Reims, подписано A. de Batz; въ Indépendant d'Epernay, 3, подписано H. Monfilleul; Pilori, 18 марта; въ Voltaire, 2 февраля подписано G. Hère и др.

[2]) Это «гнусныя нападки, нездоровыя измышленія, достойныя общественнаго презрѣнія»; «пустая вспышка, темныя инсинуаціи» и т. п. выраженія, произнесенныя полковникомъ Ортусомъ въ Armée de Reserve, 12 февраля; въ Progrés Militaire, 17 января и др.

что они такъ привыкли побѣждать. Во всякомъ случаѣ, генералъ Юнгъ[1]) ярко выдѣлился въ этомъ концертѣ вѣроятно по привычкѣ къ казармѣ. Изъ подъ истощившагося свѣтскаго лоска показался грубый солдатъ, что и подтвердило извѣстную истину: какъ ни скрывай природу—она возьметъ свое; а природа военнаго по профессіи, не только жесткая, но даже прямо грубая.

Въ этомъ якобы отвѣтѣ генерала Юнга есть, однако, перлы, ярко опредѣляющіе психическое состояніе военнаго по ремеслу; нѣкоторые изъ нихъ мы, съ разрѣшенія читателя, постараемся оцѣнить по достоинству.

„Г. Гамонъ прежде всего говоритъ о дѣйствіи военнаго ремесла на духовное состояніе своихъ членовъ. *Онъ забываетъ разсказать о дѣйствіи другихъ профессій на духовное состояніе ихъ членовъ и въ частности своей собственной (??).* Человѣкъ, который только и дѣлаетъ, что спитъ, никогда не проснется...“

Генералъ Юнгъ воспользовался предлогомъ своей

---

[1]) «Г. Гамонъ», писалъ этотъ генералъ, «зараженъ безсознательно, конечно, какъ бы подъ дѣйствіемъ внушенія, болѣзнью очень распространенной... ненавистью ко всѣмъ военнымъ—милитерофобіей. Можно ли сказать съ увѣренностью, что онъ поступаетъ сознательно?... Писатель, видящій только дурную сторону вещей, — больной, или маніакъ, или поступающій безсознательно. Это отчасти и случилось съ г. Гамономъ...» Статью г. Юнга напечатала Revue des Revues, 15 января. Она была перепечатана цѣликомъ или частями во France militaire, 15 января; въ Avenir Militaire, 16; въ Phare de la Loire, 20, Nantes; въ Progrés du Nord, 24 февраля, Lille.

мнимой критики, чтобы написать апологію войны, апологію, гдѣ онъ говоритъ о «*безжалостной* борьбѣ міровъ въ пространствѣ»...

Нѣкоторымъ[1]) показалось проще оскорбить нашъ трудъ и обругать его автора не называя ни того ни другого.

Это пріемъ полемики лишенной всякой широты ума подобная критика—вещь крайне печальная.

Многіе изъ строгихъ порицателей нашихъ высказали очень курьезные аргументы:

„Написано съ полнымъ незнаніемъ предмета, превышающимъ все, что только можно себѣ вообразить. Это одна изъ книгъ наиболѣе искаженныхъ, наиболѣе опасныхъ, которыя когда либо писались объ этомъ предметѣ, она фальшива и въ высшей степени скучна. (Polybiblion мартъ, A. de Ganniers).

„Д-ръ Корръ, которому она посвящена если бы его во время предупредили безъ сожалѣнія отклонилъ бы отъ себя эту честь". (A. B. de la S. J. Etudes Religieuses, 31 мая).

Если книга опасна, то скучна она быть не можетъ; если же она скучна, то не можетъ быть опасна. Одно исключаетъ другое.

Слѣдуетъ замѣтить, что іезуитъ А. В. въ то же самое время даетъ рецензію о брошюрѣ *Милитаризмъ*,

---

[1]) Въ Temps, 31 января М. А. Дюмазе выразился о нашей книгѣ, что это «пасквиль, злая выдумка, спекуляція на нездоровое любопытство». Въ Revue des deux Mondes, 15 марта г. Етьенъ Лами, употребляя тотъ же самый пріемъ полемики, былъ все же учтивѣе.

д-ра Корра, а въ этой брошюрѣ нашъ ученый другъ пишетъ:

«Авторъ пожелалъ посвятить мнѣ эту книгу. *Онъ любезно предложилъ мнѣ свою рукопись*, спросилъ мое мнѣніе о ней, и, дѣйствуя по всей справедливости, я нашелъ его изслѣдованіе очень интереснымъ, вѣрнымъ и даже полезнымъ.»

Читатель окажетъ намъ честь повѣрить намъ, что всѣ эти оскорбленія насъ ничуть не смутили; мы изъ тѣхъ, которые говорятъ: бей, но выслушай. Оскорбленіе — не аргументъ. Но къ дѣлу[1]).

* * *

Подъ видомъ опроверженій мы заслужили отъ нѣкоторыхъ названіе соціалиста и даже соціалиста извѣстнаго оттѣнка[2]). Гораздо большее число нашихъ противниковъ записало насъ въ анархисты[3]).

Этотъ эпитетъ былъ брошенъ намъ, какъ оскорбленіе, чтобы дискредитировать нашу книгу. Судя по взгляду этихъ критиковъ, уже одинъ тотъ фактъ, что

---

[1]) Въ Echo de l'armée отъ 7 февраля г. Галише писалъ, что мы старались «доказать то, что знаетъ весь міръ, — что многочисленная армія очень обременительна въ мирное время». Мы ни одного слова не сказали по этому поводу.

[2]) Estafette, 23 декабря, A. P. — Manchester Courier. 26 сентября 1894 г.

[3]) Dépêche de Brest, 13. 20 декабря. — Patrie, 15, — Soir, 18, A. David. — Journal d'Alsace, 17, Strasbourg. — Petit Dauphinois (Grenoble) 24, P. Salomé. — Progrés Militaire, 17 января. — Journal de la Marne (Châlons) 2 февраля.

книгу написалъ анархистъ, дѣлалъ ее невѣрной и не имѣющей никакого серьезнаго значенія. Такой пріемъ критики не безъ интереса! Меня нисколько не огорчаетъ то, что они считаютъ меня анархистомъ. Они ставятъ меня въ ряды очень хорошихъ, умственно развитыхъ людей; я не могу на это обижаться. Требуется ли доказательство? Но къ чему сталъ бы я перечислять имена въ прошломъ и настоящемъ? Они всѣмъ извѣстны. Слѣдовательно для меня было честью быть присоединеннымъ къ этимъ великимъ умамъ; но я тщетно спрашиваю себя, причемъ же тутъ мое научное изслѣдованіе?

Принадлежу ли я къ соціализму, признающему власть и силу законовъ, или къ соціализму свободному, т. е. анархизму, или нѣтъ — это мое личное дѣло. Это совсѣмъ неинтересныя для публики вещи, такъ какъ онѣ касаются только лично меня и имѣютъ значеніе только для тѣхъ, кому любопытно узнать мой образъ мыслей.

Но, предположимъ, что я — соціалистъ, анархистъ, даже буддистъ или какой хотите *истъ*, что же тутъ общаго съ *Психологіей Военной Профессіи*? Желательно, чтобы критики наши сказали намъ это. Наши положенія логически выведены изъ фактовъ. Какимъ же образомъ они думаютъ серьезно опровергнуть ихъ своими эпитетами? Шутка, даже хорошая, имѣетъ все-таки свои границы, а въ данномъ случаѣ шутка перешла дозволенныя границы. Человѣкъ науки собираетъ свои наблюденія, классифицируетъ ихъ, выводитъ изъ нихъ общія мысли, а чтобы опровер-

гнуть эту научную работу окажутся ли достаточными какіе нибудь эпитеты?

Полноте! Хотя это, конечно, очень легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень непрочно. Достаточно одного легкаго колебанія воздуха, чтобы разрушить такой византійскій пріемъ обсужденія.

А однако этотъ же пріемъ употребили и тѣ, кто видѣли въ моей книгѣ произведеніе мести и ненависти[1]). Но на чемъ они основывали такое утвержденіе, это именно они забыли сказать. Какъ мало меня знали эти противники! Я никого не ненавижу и не хочу мстить никому. Я — убѣжденный детерминистъ, полагаюсь только на логику, что и обязываетъ меня не имѣть никакой ненависти, какъ противъ лицъ, такъ и противъ учрежденій. Я не ненавижу тѣ изъ нихъ, которыя считаю дурными; я только сожалѣю, что они существуютъ, и тружусь для того, чтобы онѣ исчезли. Далекій отъ мысли навязывать кому-либо пониманіе истины, я ограничиваюсь тѣмъ, что представляю ее моимъ читателямъ, выражая надежду, что они сами дойдутъ до пониманія истины, такъ же, какъ и я. Вмѣстѣ съ Ренаномъ я считаю, что истина имѣетъ только тогда свою цѣну, когда каждый самъ по себѣ дойдетъ до ея сознанія. И потому то я и говорю публикѣ: читай, смотри, разсуждай, заключай, а никогда не говорю ей: Вѣрь.

У меня нѣтъ ненависти и я не взываю къ мщенію.

---

[1]) Mercure de France, октябрь 1893, un Professionel. — Revue des Revues, сентябрь, 1893, L. Véron. —XIX Siècle, 18 декабря, P. Ginisty. — Le Temps 31 января,

Но еслибъ даже такъ это и было, то до этого также никому не было бы дѣла, какъ и до моего анархизма. Я изложилъ факты, показалъ ихъ отношенія и вывелъ изъ нихъ заключенія. Не все ли равно, если я это сдѣлалъ изъ чувства мщенія! Не все ли равно, если меня толкнула на это ненависть? Вопросъ только въ томъ, вѣрны ли факты, справедливы ли отношенія, логичны ли заключенія. Мотивы, побужденія автора, цѣль, которую онъ преслѣдуетъ извѣстны только ему одному. Можно только представить себѣ такъ или иначе эти мотивы, строить на нихъ основаніи воображаемый романъ, и если бы даже подобный романъ и оказался вѣренъ, то и тогда онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы разрушить ту научную работу, которую онъ имѣлъ претензію разрушить. Но къ дѣлу; почему мнѣ представляютъ всѣ эти мнимые доводы, тогда какъ ихъ не представляютъ ни Русселю Уолессу (Rusell Walace) за его *Дарвинизмъ*, ни Гумпловичу за *Борьбу расъ*, ни Джедсу и Томсону за ихъ *Эволюцію пола*, ни Корру за его *Преступную этнографію*, ни Летурно, ни Ферри, ни Мануврiе, ни Колаяни (Colajanni), ни Роману, ни...? Возможно ли предполагать, что лишь я одинъ дѣйствовалъ изъ ненависти, изъ жажды мщенія, изъ анархизма, а что всѣ другіе люди науки оставались безстрастными и ихъ соціализмъ, ихъ анархизмъ или ихъ роялизмъ не имѣлъ на нихъ никакого вліянія? Такое предположеніе слишкомъ странно и, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе оно должно быть доказано; одного утвержденія не достаточно. Я одинъ

знаю или думаю, что знаю тайные мотивы, заставляющіе меня дѣйствовать, пусть же читатель окажетъ мнѣ честь повѣрить мнѣ, что мною не руководитъ ни ненависть, ни жажда мщенія.

На копошащихся, подобно муравьямъ, людей я смотрю равнодушно.

Я изучаю людей и ихъ поступки съ такой же безстрастностью, съ какой я изслѣдовалъ бы своимъ скальпелемъ низшіе организмы или существъ иныхъ міровъ. Въ этомъ психо-соціальномъ анализѣ я мысленно отвлекаюсь отъ всѣхъ моихъ симпатій и антипатій. Это мнѣ легко, потому что я считаю, что люди необходимо таковы, какими они при данныхъ условіяхъ могутъ быть; въ этомъ нѣтъ ни заслуги ихъ, ни вины. И если бы даже *Психологія Военной Профессіи* была бы написана анархистомъ или подъ вліяніемъ чувства ненависти и мщенія, то это все-таки нисколько не уменьшило бы ея правдивость. Книга эта тѣмъ не менѣе остается полной, нетронутой въ своемъ достоинствѣ этими пристрастными эпитетами, не имѣющими никакого серьезнаго практическаго значенія. Произведенія Ламарка и Лапласа не были опровергнуты обвиненіемъ ихъ авторовъ въ атеизмѣ.

Многіе критики высказали протестъ противъ моего антипатріотизма, и бросили мнѣ въ лицо, какъ оскорбленіе, кличку „антипатріота“ [1]) г. Франсуа Коппе написалъ слѣдующее замѣчательное письмо:

---

[1]) Archives d'anthropologie criminelle 15 сентября, 1893 Storck. — Echo de Paris, 25 декабря, Mirman. — Nouvelle Revue, 15. — Matin, 27. — Estafette, 29, Peyrouton. —

„Нужно ли, дорогой мой Формантэнъ, сообщать вамъ подробнѣе мое мнѣніе объ этихъ людяхъ «безъ отечества», о безумцахъ, осмѣливающихся нападать на знамя? Это мнѣніе я „проповѣдывалъ на кровляхъ“, изо всѣхъ силъ, сколько могъ, рискуя быть записаннымъ въ «шовинисты», или поклонникомъ военной кокарды, противъ чего, впрочемъ, я ничего не имѣю. Эти несчастные — просто безумцы, чистые безумцы, но во Франціи я не считаю ихъ опасными. Національное чувство, военный инстинктъ непоколебимы у насъ. Пусть только вспыхнетъ война, и всѣ эти глупые крики будутъ заглушены первыми же звуками барабана“ [1]).

Поэтъ очевидно забылъ, что самъ онъ писалъ въ 1891 г. въ Eclair: *Наша любовь къ отечеству и наше желаніе реванша нельзя въ своей основѣ»* [2]).

Изъ числа критиковъ-патріотовъ нѣкоторые писали, что я издалъ свой трудъ спеціально лишь для того, чтобы дискредитировать французскую армію. Но доказательство? *Вскорѣ появится нѣмецкое изданіе* этой «гнусной книги» [3]). Такое доказательство просто

Revue des Revues, 15 января, генералъ Юнгъ. — Journal des Débats, 29, H. Malo. — Gil Blas, 1 февраля, C. Des Perrures. — Voltaire, 2, G. Hére. — Journal de la Marne (Châlons), 2. — Echo de l'armée, 4, L. Galichet. — Indépendant (Epernay). 3, H. Monfilleul. — Armée de Réserve, 12, полковникъ Ortus.

[1]) Echo de Paris 25 декабря. — M. Ch. Formentin дѣлалъ опросъ по поводу какъ защищаемаго нами тезиса, такъ и «Солдатскаго Катехизиса», Мориса Шарпэ (Charnay).

[2]) Перепечатано стр. 955. — 1891, изъ France Sociale et Politique.

[3]) Autorité, 9 февраля, Andrée de Batz.

забавно, его логика бросается въ глаза. Другіе съ горечью сожалѣли, что такая зловредная книга появилась не по ту сторону Альпъ или Вогезовъ, такъ, напр., г. Сенъ-Жене говоритъ:

«Даже въ томъ случаѣ, если военное ремесло кажется имъ такимъ безусловно отвратительнымъ, зачѣмъ они пишутъ подобныя вещи... Беретъ ли въ нихъ верхъ чувство ужаса передъ столькими жестокостями? Но въ такомъ случаѣ пусть бы начали они свое дѣло съ Пруссіи; они должны бы были писать свои статьи понѣмецки и съ нѣмецкими подписями; эти брошюры слѣдовало бы раздавать въ Берлинскихъ казармахъ; доказывать, что солдатъ стоитъ на самой низшей ступени соціальной лѣстницы и что офицеръ —существо позорное—слѣдовало бы гражданамъ Вильгельма. Потомъ, дезорганизовавъ—если это возможно —прусскую армію, пусть продолжаютъ они свое дѣло въ Италіи, въ Австріи... и, наконецъ, когда намъ нечего будетъ бояться нашихъ враговъ, пусть обратятся они и къ Франціи...» (L'école du crime, 26 января—Figaro).

Вѣроятно г. де-Батцъ огорчится, а г. Сенъ-Жене обрадуется, услыхавъ, что наша книга находится уже за предѣлами Франціи, что подданные Его Величества, Вильгельма II, Его Величества Франца Іосифа и Его Величества Гумберта I тоже будутъ знать «подобныя вещи».

Меня мало интересуетъ и эта радость и это огорченіе горячихъ защитниковъ профессіональнаго военнаго, но я, дѣйствительно, былъ бы очень радъ, если бы мнѣ объяснили, какимъ образомъ патріотизмомъ

или антипатріотизмомъ какого нибудь произведенія можно мотивировать его истинность или лживость?

Но посмотримъ дѣйствительно ли настолько антипатріотична эта книга, какъ представляютъ это нѣкоторые? Другіе критики утверждаютъ обратное, какъ напр., Д-ръ Корръ, г. Фурньеръ [1]), Д-ръ Бойе (Boyer [2]):

«Прибавляю, что книга г. Гамона кажется мнѣ патріотичной въ хорошемъ смыслѣ этого слова; дурно понятая дисциплина есть главный зародышъ тайнаго раздробленія арміи и оно подготовляетъ ея окончательное распаденіе къ тому дню, когда больше всего на нее разсчитываютъ.

Я прибавляю еще, что она удовлетворила во мнѣ и патріота, и интернаціоналиста: патріота — тѣмъ, что она выяснила, что результаты милитаризма вездѣ одинаковы и что нѣмцу въ этомъ отношеніи нечего упрекать француза...

Если кто желаетъ уничтоженія двойственныхъ и тройственныхъ союзовъ націй, пусть переведетъ онъ книгу Гамона и дастъ прочесть членамъ этихъ союзовъ: нѣмцамъ, итальянцамъ, русскимъ и т. д., будущимъ Соединеннымъ Штатамъ Европы»...

---

[1]) Эти отвѣты находятся въ изслѣдованіи, предпринятомъ по поводу нашей книги г. Жоржемъ Докуа. Изслѣдованіе это должно было появиться въ le Journal, но оно не было тамъ неизвѣстно почему напечатано. Оно появилось въ Ere Nouvelle въ апрѣлѣ подъ заглавіемъ «Военное ремесло».

[2]) Это мнѣніе высказано въ письмѣ, которое старшій врачъ Бойе (Boyer) написалъ г. Ш. Фоментэну для опроса Echo de Paris. Оно не было помѣщено въ этомъ журналѣ. Но почему? Parti Ouvrier (8 февраля) и Peuple de Lyon (12 февраля) напечатали его,

Трудъ г. Гамона правдивъ, неопровержимъ; на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на произведеніе добросовѣстнаго наблюдателя, неумолимаго логика и, скажу прямо, хорошаго патріота.

Вопреки глупой брани и высокомѣрныхъ противорѣчій шовинизма, скорѣе кажущагося, чѣмъ дѣйствительнаго и какъ бы по командѣ слишкомъ крикливаго, положительный методъ, зондирующій сердце и внутренности, обнажающій раны и пороки того организма, который называется арміей, совершаетъ актъ просвѣщеннаго патріотизма и мудрой предусмотрительности».

Въ нѣкоторыхъ обозрѣніяхъ [1]) выставленъ былъ противъ меня тотъ же самый яко-бы аргументъ, но подъ другой формой: разъ уничтоженіе арміи невозможно, слѣдовательно о немъ нужно молчать.

Критики эти забыли, что *Психологія Военной Профессіи* есть книга научная и, что занимаясь ею, авторъ ея вовсе не интересовался вопросомъ, возможно или невозможно уничтоженіе арміи, патріотична или непатріотична его книга. Цѣль научныхъ людей, а я къ нимъ принадлежу,—есть раскрытіе истины. И разъ истина открыта, ученый обязанъ ее опубликовать, потому что она есть, выражаясь словами Боссюэта, общее благо. Ученому не нужно знать, оскорбитъ ли открытая имъ истина общепринятыя понятія, потрясетъ ли она общественный порядокъ, поведетъ ли къ гибели его отечество, повле-

---

[1]) Archives d'anthropologie criminelle, 15 сентября 1893, Storck. — Mercure de France, октябрь, 1893. — Evénement, 28 февраля, полковникъ Schambion.

четъ ли за собой бѣдствія для близкихъ ему людей, тюрьму или смерть для него самого. Ученый знаетъ, что истина въ его рукахъ и, зная это, онъ долженъ передать ее людямъ; онъ не имѣетъ права тапть ее, прикрывать ее какимъ нибудь плащемъ или искажать ее, потому что иначе онъ не достоинъ прекраснаго имени, имени человѣка науки.

Массильонъ правъ говоря: „тотъ, кто любитъ что-либо больше истины, не достоинъ любить ее". Я люблю истину больше всего на свѣтѣ и именно потому что я люблю ее, я громко возвѣщаю о ней, не заботясь о послѣдствіяхъ, какія могутъ въ общественной жизни произойти отъ этого въ данную минуту. Какая изъ истинъ, появившись на свѣтъ, не смутила общественнаго порядка своего времени? Христосъ, проповѣдуя коммунизмъ и свободу, прославляя равенство и братство, смутилъ общественный порядокъ и заплатилъ за это преступленіе позорной смертью на крестѣ. Галилей, едва окончивъ отреченіе отъ своихъ убѣжденій, произнесъ: „а все-таки она (земля) движется", подтверждая этимъ, что истина нарушаетъ всякій общественный порядокъ. Сократъ, какъ и Іоганнъ Гуссъ, Ульрихъ фонъ-Гутенъ, и Доле, Спиноза и Ламеннэ, Виклефъ и Прудонъ, Карлъ Марксъ и Кондорсе, Дидро и Кампанелла, и много еще другихъ колебали общественный порядокъ раскрытіемъ и оглашеніемъ истинъ, тогда волновавшихъ людей, теперь же всѣми признанныхъ. Они перенесли смерть, тюрьму, нищету за это возвѣщеніе истинъ, потрясавшихъ общество, но ни тюрьма, ни

смерть, ни нищета не доказали ни ихъ заблужденія, ни ложность ихъ идей. Что до того, что общество содрогается, что до того, что колеблется отечество! Важно только одно: точны ли факты, справедливы ли выводы, логичны ли заключенія? Вѣрно ли все произведеніе?

Только это и должна разбирать критика; остальное, если она хочетъ остаться нелицепріятной, безпристрастной, ея не касается. Истинны или ложны положенія *Психологіи Военной Профессіи*? Вотъ вопросъ, подлежащій изслѣдованію критики. Простое же наименованіе книги непатріотичной, простое утвержденіе, что арміи необходимы, ничуть не уничтожаютъ достоинствъ нашего труда.

* * *

Въ Mercure de France (октябрь 1893) одинъ военный по профессіи высказалъ такую мысль:

„И не сомнѣвайтесь, что въ тотъ день, когда уничтожатъ это отжившее начало, называемое арміей, въ тотъ день, когда она окончательно сольется съ государствомъ, сольется до того, что потеряетъ свои свойства,—или, если хотите, недостатки —составляющія ея силу, въ тотъ день, вамъ придется, г. Гамонъ, заговорить другимъ языкомъ или отложить ваше перо, потому что тогда тевтонецъ, ставши господиномъ, сломаетъ его въ вашихъ рукахъ“.

Событія доказали ничтожество этой великолѣпной фразы. Чтобы сломать перо въ рукахъ мыслителя, ждать тевтонца совсѣмъ не нужно. Списокъ писате-

лей, осужденныхъ во Франціи за послѣднія 10 лѣтъ, навѣрное, не короче списка писателей, осужденныхъ въ Германіи. Не къ чему называть ихъ имена. Тевтонецъ-побѣдитель не ограничитъ болѣе полета мысли, чѣмъ это дѣлаютъ настоящіе правители[1]). Но усилія ихъ напрасны и достойны только презрѣнія.

Въ Estafette (29 декабря) г. Абель Пейрутонъ написалъ тоже общее возраженіе:

„Я знаю... что армія способна дать возвышеннымъ умамъ возможность высокихъ умозрѣній въ политикѣ философіи, наукѣ, искусствѣ, промышленности".

Это утвержденіе противорѣчитъ тому, что происходитъ въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ почти нѣтъ армій. Между тѣмъ, тамъ занимаются и философіей и наукой, и искусствомъ и т. п. Армія по своему покровительствуетъ искусству, наукѣ, литературѣ, философіи,—извѣстно, что во всѣ времена она расхищала библіотеки, музеи и т. п. Достаточно прочесть исторію Греціи, чтобы знать, что Архимедъ былъ грубо умерщвленъ солдатомъ; достаточно прочесть средневѣковыя хроники, чтобы знать, что кровожадные солдаты никогда не щадили ученыхъ монаховъ. Даже въ наши времена, европейскія арміи въ Китаѣ, въ Аннамѣ въ Тонкинѣ, въ

[1]) Въ іюлѣ 1894 г. во Франціи вотировали законъ, который долженъ бы былъ сломать перо мыслителей, еслибы они не продолжали дѣйствовать такъ, какъ будто бы этотъ законъ не существовалъ. Въ Германіи, въ 1895 г. рейхстагъ отказался провести подобный же законъ.

Индостанѣ, Сіамѣ и Бирмѣ разрушали чудеса древняго и современнаго искусства. Одинъ солдатъ, возвратившись изъ Тонкина, разсказалъ мнѣ, что однажды его баталіонъ взялъ себѣ для забавы мишенью гигантскую статую толстаго Будды, историческое значеніе которой несомнѣнно. Во время франко-германской войны была сожжена Страстбургская библіотека, разрушена колокольня. Во время войны съ Россіей сгорѣла Москва. Я помню, что въ литературномъ приложеніи къ Figaro (февраль, 1895) былъ приведенъ разсказъ одного англійскаго офицера, который, на дальнемъ востокѣ, для забавы, обрубалъ саблей уши, носъ и руки статуэтокъ. И сколько еще подобныхъ же фактовъ могли бы мы разсказать, если бы мы порылись въ разсказахъ о походахъ, написанныхъ только одними военными.

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы во время борьбы, грабежа и пожаровъ, философы, ученые, художники могли бы предаваться высшимъ умозрѣніямъ. Аргументы г. Пейрутона, слѣдовательно, мало правдоподобны.

* * *

Нѣкоторые критики, даже тѣ изъ нихъ, которые хвалили *Психологію Военной Профессіи* назвали ее памфлетомъ, обвинительнымъ актомъ [1]) или сочли

[1]) Avenir Social (Dijon) 26 ноября, F. Pelloutier. — Patriote, 5 декабря, Bruxelles. — Echo de Paris, 3 января, (E. Lepelletier). — Etudes Religieuses (A. Б. de la S. J.) 31 мая 1894.

ее черезъ-чуръ сильной критикой военныхъ нравовъ[1]).

Если нельзя назвать обвинительнымъ актомъ безпристрастное описаніе нравовъ, положимъ, тигровъ или львовъ, то я не думаю, чтобы и на мою книгу можно было серьезно смотрѣть, какъ на обвинительный актъ. Точно также, какъ естествоиспытатель, желая составить монографію, — напримѣръ, семейства кошекъ,—изслѣдуетъ ихъ нравы, и наблюдаетъ ихъ, точно также и мы, желая составить психическую монографію профессіональныхъ военныхъ, внимательно изучаемъ и наблюдаемъ ихъ. Въ этихъ наблюденіяхъ, въ этомъ безпристрастномъ изученіи нѣтъ никакой обвинительной тенденціи. Я не требую никакихъ карательныхъ мѣръ противъ этихъ несчастныхъ военныхъ. Я не относился къ нимъ пристрастно[2]), я ограничился только точной передачей фактовъ и сдѣлалъ изъ нихъ выводы и обобщенія безъ всякой натяжки. Я представилъ истину во всей ея грубой наготѣ, безъ мишурныхъ покрововъ. И именно вслѣдствіе этого нашу книгу сочли свирѣпой, тогда какъ въ ней нѣтъ никакихъ свирѣпыхъ нападокъ, тѣмъ болѣе, что всякая свирѣпость такъ далека отъ нашихъ мыслей, что мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ того времени, когда на существо свирѣпое будутъ смотрѣть, какъ на чудовище.

---

[1]) XIX Siècle, 18 декабря, Ginisty. — Journal d'Alsace (Strasbourg), 17. — Estafette, 23. A. P.

[2]) Eclaire 23. декабря. — Petit Dauphinois (Grenoble), 24, P. Salomé, — Estafette, 29, Peyrouton. — Echo de Paris, 3 января, Lepelletier.

Строго отнеслась къ намъ Северина, написавъ слѣдующія строки:

„Разумѣется я не одобряю ни той оскорбительной формы, ни того произвольнаго пристрастія, которымъ дышетъ книга Гамона, *Психологія Военной Профессіи*; и я думаю, что подвергать цѣлый классъ гражданъ осужденію, заслуженному только нѣсколькими, воспользоваться позорными поступками однихъ, чтобы загрязнить ими другихъ — не есть дѣло похвальное и справедливое. Но высказавъ совершенно опредѣленно это мнѣніе, мы не можемъ не согласиться, что нѣкоторые изъ приведенныхъ фактовъ, ихъ сопоставленіе и неизбѣжный изъ нихъ выводъ — слишкомъ поразительны, чтобы не признать въ этомъ анализѣ зародышъ истины". (Echo de Paris, 23 февраля).

Я безуспѣшно искалъ и до сихъ поръ еще ищу оскорбительную форму въ книгѣ моей, написанной съ такимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, безъ всякой ненависти, безъ жажды мщенія, такъ, какъ бы я написалъ работу о насѣкомыхъ, что и было констатировано нѣкоторыми критиками, а именно Альфредомъ Керромъ въ Gegenwart (29 декабря 1894).

Достаточно ряда прекрасныхъ статей, написанныхъ Севериной зимой 1894—95 гг., протестующихъ противъ жестокостей офицеровъ, чтобы доказать, что она ошибочно обвиняла насъ въ произвольномъ пристрастіи.

* * *

Предыдущія возраженія совсѣмъ неновы. Ихъ нѣ когда обращали къ ученымъ и философамъ, стре-

мившимся съ помощью разума изслѣдовать идею о Богѣ. И наши аргументы тоже не новы, ими нѣкогда пользовались философы и ученые, защищая свое право мыслить и подвергать все разумному анализу.

Въ прошлые вѣка одно только обсужденіе идеи Бога возбуждало святой гнѣвъ, и за это много смѣльчаковъ погибло въ тюрьмахъ, на кострахъ и въ изгнаніи. Идея Бога,—такъ какъ ее проповѣдуютъ правовѣрные церкви, — уже отжила. Всѣ усилія поддержать ее были передъ лицомъ разума напрасны. Удары и наказанія — слабые аргументы; они, подобно легкому туману, исчезаютъ передъ критическимъ духомъ философовъ и людей науки. Сегодня обсужденіе идеи отечества, анализъ милитаризма возбуждаютъ гнѣвъ. Завтра этотъ гнѣвъ покажется людямъ столь же страннымъ, какъ намъ кажется страннымъ гнѣвъ, возбуждаемый отрицаніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ догматовъ. Клемансо справедливо замѣтилъ: „Ничто въ настоящее время не ускользаетъ отъ обсужденія людей“. (Justice, 22 декабря 1895). Людямъ науки, философамъ, выше всего ставящихъ истину, тщетно было бы противопоставить Религію, Отечество, Общественный порядокъ. Все это такія вещи, о которыхъ мы не можемъ заботиться, когда, со скальпелемъ въ рукѣ, мы разсѣкаемъ общественные органы. Все это, какъ ненаучные аргументы, не имѣетъ никакой цѣны для ученаго и для научной работы.

* * *

Нѣкоторые изъ критиковъ возражали, что путемъ различныхъ фактовъ взятыхъ изъ газетныхъ вырѣзокъ нельзя писать ни исторію, ни психологію [1]).

Возраженіе это ведетъ гораздо дальше, чѣмъ, быть можетъ, предполагалъ тотъ, кто его высказывалъ. Оно идетъ за предѣлы моей скромной индивидуальности и касается Ломброзо, Лакасанья и Корра, которые, составляя свои криминологіи, пользовались именно этими пріемами для нападеній на современныхъ соціологовъ или на соціологовъ этого вѣка. Это возраженіе, заставившее одного изъ ученыхъ критиковъ замѣтить: „Быть можетъ они еще посовѣтуютъ г. Гамону обратиться къ логикѣ или къ разуму?“ [2]) —стремится не болѣе и не менѣе, какъ запретить пользоваться газетами, какъ документальными источниками. Такое требованіе немыслимо. Исторія писалась во всѣ времена съ помощью документовъ, точно также загроможденныхъ ошибками и духомъ партій, какъ и газеты.

Историкъ, преслѣдующій истину, для того, чтобы написать исторію какой-нибудь эпохи, не ограничится никогда только оффиціальными документами, законами, парламентскими обсужденіями, коммерческими или дипломатическими договорами, оффиціальными сообщеніями. Нѣтъ, онъ будетъ искать разоблаченій опубликованныхъ свидѣтелями или воспоминаній самихъ дѣятелей; онъ раскопаетъ архивы, чтобы найти тамъ

---

[1]) Revue Scientifique, 9 декабря. — Gil Blas, 15, Marcel L'heureux. — Le Temps, 31 января, Dumazet.

[2]) Parti socialiste, 21 января.

письма и неизданные разсказы о событіяхъ. И изъ всего этого матеріала онъ съумѣетъ взять самую суть и представить читателю живую и истинную, насколько это вообще возможно, исторію данной эпохи. Для того, чтобы написать исторію, хроника Фруссара, сатира Менипе, журналъ Эстуаля, мемуары герцога Сенъ-Симона и т. д.— столь же, если не болѣе полезны чѣмъ сборникъ парламентскихъ актовъ и собраніе постановленій и протоколы судебныхъ засѣданій, зарытые въ архивахъ.

Такъ пишется исторія; психологъ, криминологъ и соціологъ черпаютъ въ этихъ архивахъ, въ этихъ фоліантахъ мемуаровъ и хроникъ. Они извлекаютъ изъ всего этого необходимый имъ матеріалъ и, освѣтивъ его, представляютъ публикѣ.

Разумѣется, что авторы этихъ разсказовъ, Фруассары, Сенъ-Симоны или Эстуали, свидѣтели или участники передаваемыхъ ими событій исказили ихъ, освѣтили одни подробности, оставили въ тѣни другія. Они исказили событія сообразно съ своими симпатіями, своей ненависти или равнодушію къ тѣмъ или другимъ личностямъ, и представили ихъ съ своей собственной точки зрѣнія. Но недостатокъ этотъ свойственъ всѣмъ твореніямъ человѣка, и если, благодаря его присутствію, всѣ его творенія уничтожались бы, то тогда слѣдовало бы больше ничего не писать и сжечь всѣ библіотеки.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, проникнутыхъ духомъ партій и личнаго интереса, историкъ и соціологъ, обладающій критическимъ умомъ съумѣетъ отыскать

истину. Такъ брилліантщикъ искусной шлифовкой умѣетъ изъ необдѣланнаго камня извлечь тысячи огней брилліанта.

Въ настоящее время мемуары и хроники прошлаго или исчезли, или значеніе ихъ ослаблено газетами. Газеты представляютъ обширный резервуаръ, въ которомъ историки и соціологи будутъ черпать и уже черпаютъ съ успѣхомъ нужный имъ матеріалъ. Ихъ достовѣрность не меньше достовѣрности мемуаровъ и хроникъ. Разсказы сообщены въ нихъ, какъ и въ мемуарахъ свидѣтелями или участниками фактовъ. Передача событій, пока они еще живы въ умахъ людей, проникнуты большей долей правды; они менѣе искажены вліяніемъ времени; и прочитанные свидѣтелями, которые еще имѣютъ въ памяти подробности событій они могутъ быть исправлены, что въ дѣйствительности и происходитъ.

Газеты столь же вѣрные и даже болѣе вѣрные источники документовъ, какъ оффиціальныя бумаги и записи парламентскихъ преній. Нужно только умѣть пользоваться этими газетами, критически разбирая ихъ. Достаточно устранять естественныя преувеличенія, сравнивая газеты различныхъ направленій и не основываться на одномъ только разсказѣ. Связь разсказовъ взаимно дополняютъ другъ друга. Тогда изъ этихъ листковъ можно извлечь историческое, криминологическое, соціологическое и т. д. ядро съ такою же достовѣрностью, какъ изъ мемуаровъ и хроникъ, оффиціальныхъ актовъ и корреспонденцій.

Разсказы въ газетахъ о судебныхъ процессахъ, о

самоубійствѣ отъ нищеты, о голодной смерти, о шантажѣ, о какой-нибудь жестокости, о злоупотребленіи властью,—обладаютъ такой же достовѣрностью, какъ и разсказы путешественниковъ о нравахъ народовъ,—азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ или европейскихъ. Никто, однако, не упрекаетъ соціологовъ въ томъ, что они ими пользуются, что они сравниваютъ ихъ между собою, подвергаютъ ихъ своему разумному анализу и своей критикѣ, несмотря на ихъ не полную достовѣрность. То же самое относится и къ газетамъ. Слѣдовательно совершенно несправедливо обвинять одни и оправдывать другіе.

Къ соціологическимъ наукамъ по необходимости примѣняется положительный методъ, онъ требуетъ наблюденія или опыта. Въ соціальной и коллективной психологіи, въ криминологіи очень трудно, если не невозможоо, пользоваться экспериментальнымъ способомъ, нужно прибѣгнуть къ наблюденію, а этотъ пріемъ обязываетъ обращаться къ различнымъ источникамъ наблюденія: мемуарамъ, письмамъ, газетамъ. Если ограничиться только личными воспоминаніями, какъ хотѣли бы этого нѣкоторые изъ моихъ критиковъ, то матеріалъ былъ бы очень недостаточенъ и по качеству и по количеству [1]). Человѣкъ не можетъ

---

[1]) Пользовавшихся личными воспоминаніями, какъ это видно въ Biribi, Sous-Offs, Eleve Maryt'r, Au port d'armes, Casque et sabre и т. д. упрекали въ страстности, въ желаніи мстить, въ ненависти. Говорили, что данная картина могла быть вѣрна въ извѣстной средѣ, но что къ другимъ подобнымъ же средамъ она не примѣнима. Во избѣжаніе упрековъ я стара-

быть въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстахъ и въ однородной средѣ. Было бы нелѣпо не воспользоваться для своихъ работъ чужими наблюденіями; и эти наблюденія другихъ людей находятся въ мемуарахъ, въ романахъ, въ корреспонденціяхъ, въ обозрѣніяхъ и въ газетахъ.

Вотъ почему мы пользовались и будемъ еще пользоваться всѣми этими источниками документовъ.

* * *

Множество критиковъ пыталось опровергнуть мою книгу возраженіемъ, что я обобщилъ частные факты. Говорили, что выбравъ извѣстное количество фактовъ, я классифицировалъ ихъ и вывелъ изъ нихъ обобщенія, что было очень мало научно или даже вовсе ненаучно[1])

Этотъ аргументъ, какъ и предыдущій, аргументъ принципіальный, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ простое опроверженіе *Психологіи Военной Профессіи*.

Я, дѣйствительно, обобщилъ отдѣльные факты, какъ это дѣлалось и до меня всѣми учеными, всѣми поль-

---

тельно воздерживался отъ личныхъ наблюденій и.... за это былъ вознагражденъ вымышленными упреками.

[1]) Archives d'anthropologie criminelle, 15 сентября 1893, Storck. — Gil Blas, 15 декабря, Marcel Lheureux. — Nouvelle Revue, 15. — Réforme (Bruxelles), 17, R. B. — Echo de Paris, 25 Mirman. — Estafette, 29, A. Peyrouton. - Echo de Paris, 3 января, Lepelletier. — Revue des Revues, 15, général Iung, — Echo de Paris, 23 февраля, Séverine. — Mouvement social, мартъ 1895, J. Bailhache.

зовавшимися, какъ раціоналистическимъ, такъ и позитивнымъ методомъ[1]). Я дѣлалъ тоже, что Дарвинъ, Ламаркъ, Летурно, Леббокъ, Ломброзо, Гарофало, Корръ, Мануврiе, Бенедиктъ, Геддъ и другіе. Тотъ кто утверждаетъ, что такой пріемъ изслѣдованія не имѣетъ значенія, уничтожаетъ тѣмъ самымъ труды Новиковыхъ, Геккелей, Брока, Тонниаровъ, де-Мортилье, Андре Лефевръ, Говелаковъ, Бордье, Матьіа Дювала, Лавеле, Беновъ, Бюхнеровъ, Модслей, Полановъ, Сержи, Сигелей, Гурней, Подморовъ, де-Грефе, Моссо, Тэновъ, Фере и т. д. Правильнѣе было бы бросить въ огонь научныя книги всѣхъ эпохъ, такъ какъ нѣтъ ни одной книги, которая не была бы обобщеніемъ отдѣльныхъ фактовъ.

Если эти ученые имѣютъ право обобщать отдѣльные факты, то и я также какъ и они обладаю этимъ

---

[1]) Достаточно познакомиться съ научными трудами прошлыхъ вѣковъ, чтобы замѣтить, что авторы ихъ обобщаютъ факты личными наблюденіями. Эти факты, будучи немногочисленны, проходили часто незамѣченными, такъ что, казалось, будто ученые основываются только на разсужденіи. Но это только казалось. Различіе раціоналистическихъ ученыхъ отъ позитивистовъ — то что первые рѣдко опираются на наблюденіи другихъ людей, они основываются только на своихъ собственныхъ: они выводятъ заключенія изъ своихъ личныхъ впечатлѣній о впечатлѣніяхъ другихъ людей, обобщаютъ свой личный опытъ и выводятъ раціональныя заключенія о томъ, что съ ними самими случилось приблизительно то же самое что и съ другими. Въ сущности ихъ раціоналистическій методъ тотъ же, что и позитивный, но количество элементовъ обобщенія въ немъ много меньше, что придаетъ ему меньшую научность сравнительно съ методомъ позитивнымъ.

правомъ. Если ихъ обобщенія не уничтожили достоинства ихъ трудовъ, то и мои обобщенія не могли лишить значенія мою книгу. Если пріемъ наблюденія и обобщенія законенъ для людей науки, онъ равно законенъ и для меня. И я не думаю, чтобы кто-либо могъ считать незаконнымъ употребленіе этого метода такими учеными, какъ Жоффруа, Сентъ-Илеръ, Геддъ, Тэйлоръ, Мантегацца, Гоммъ, Гавелокъ Эллисъ, Эли Реклю, Элизе Реклю, Вейсманъ и другими, я подтверждаю, слѣдовательно, законность моего пріема наблюденій и объявляю, что такое возраженіе противъ *Психологіи Военной Профессіи* не имѣетъ никакого значенія.

* * *

Многіе изъ критиковъ возразили, что факты, приведенные мною, исключительны [1]).

Факты эти абсолютно нормальны и совсѣмъ не исключительны. Нѣкоторые изъ нихъ требуются военными правилами и слѣдовательно, законны, такъ что они очень далеки отъ исключительности.
Клемансо подтвердилъ это слѣдующими строками:

„Почему же не подвергнуть армію тому же анализу, который разчленяетъ на свои составные элементы всякую идею, всякое учрежденіе, все что было, есть

[1]) Archives d'antropologie criminelle, 15 septembre 1893. Storck. — Réforme (Bruxelles) 17, R. B. — Libre Parole 19, Drumont. — Estafette 29 Peyrouton. — Autorité 9 февраля, A. de Batz.

и будетъ? Пусть беретъ г. Гамонъ свой скальпель и представляетъ свои доказательства. Доказательства его совершенно ясны; они неоспоримы и суровы и —для психолога—неопровержимы. Онъ собралъ факты, которыми онъ могъ бы, если бы захотѣлъ наполнить цѣлые фоліанты". (Justice, 22 декабря 1893).

Но взглянемте на этотъ отрывокъ письма старшаго военнаго врача, Бойе:

„Я полагаю, что вамъ не безразлично узнать по этому вопросу мнѣніе одного изъ членовъ той профессіи, о которой говоритъ книга г. Гамона, мнѣніе офицера санитарнаго отряда, впродолженіе болѣе двадцати лѣтъ наблюдавшаго очень близко армію какъ во Франціи, такъ и въ Тунисѣ, Тонкинѣ и Алжиріи. Я думаю, что по поводу *Психологіи Военной Профессіи* можно повторить то, что бывшій военный министръ, генералъ дю Барайль сказалъ о Sous-offs: „Все въ этой книгѣ правда". Документальная часть, которую можно было бы развить до безконечности, неоспорима. Типичные примѣры касаются большей частью современниковъ, съ именами и адресами, выставленныхъ субъектовъ, и указаніемъ источниковъ откуда они взяты, что облегчаетъ контроль и вторичную экспертизу и имѣетъ всю точность научныхъ наблюденій. Разъ достигнута такая точка опоры, слѣдствія изъ нея вытекающія естественны. Автора упрекали, что онъ черезъ-чуръ обобщаетъ факты и основываетъ свои заключенія на совершенно исключительныхъ случаяхъ, но этотъ упрекъ кажется мнѣ неосновательнымъ, потому что на одинъ случай скандала, увидѣвшаго свѣтъ, приходится сто или, можетъ быть, тысячу заглохшихъ и оставшихся неизвѣстными. По поводу петиціи, обращенной въ сенатъ въ 1892 г., гдѣ разсказывается о жестоко-

стяхъ, кражахъ и противоестественныхъ поступкахъ, совершенныхъ офицерами надъ подчиненными имъ солдатами, консервативный журналъ Liberté, оффиціальный органъ военнаго министра, въ номерѣ отъ 16 апрѣля 1892 года, откровенно признается, что *факты эти гораздо болѣе распространены чѣмъ это обыкновенно думаютъ...*“ (Parti ouvrier, 8 февраля).

Мнѣніе военныхъ или флотскихъ врачей, Бойе Лакасаня (см. стр. 174), Корра категорично. Этотъ послѣдній, ученость и философія котораго извѣстны, въ своемъ очеркѣ ***Милитаризмъ***[1]), посвященномъ моей книгѣ, привелъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ мою работу; а въ письмѣ, отвѣчающемъ на изслѣдованія г. Доккуа, онъ пишетъ:

„Я считаю, что идеи моего друга г. Гамона вполнѣ оправдываются фактами (за нѣкоторыми исключеніями, имѣющими второстепенное значеніе)... Есть истины, которыя опасаются высказывать: но неправы тѣ, кто желаетъ скрыть ихъ.“ (Ere nouvelle, апрѣль 1894).

Мнѣнія этихъ ученыхъ, жившихъ среди профессіональныхъ военныхъ, основаны на опытѣ; они имѣютъ значеніе фактовъ, подтверждающихъ мой трудъ.

Но, о прозрѣнія судьбы! Въ то самое время, когда газеты кричали изо всѣхъ силъ объ исключительно-

[1]) Société Nouvelle, декабрь 1893. — Были и отдѣльные оттиски.

сти приведенныхъ мною фактовъ, они сами доставляли множество документовъ, подкрѣплявшихъ защищаемый мною тезисъ[1]).

Такихъ фактовъ безчисленное множество. Ихъ находятъ повсюду! Откройте *Молохъ милитаризма* (Шнебелицъ, издатель въ Цюрихѣ), печатавшійся въ то же время какъ и моя книга, и вы найдете тамъ огромное количество подобныхъ мною разсказаннымъ фактамъ.

Весьма поучительна переписка подпоручика Норма-

---

[1]) Въ Temps именно были опубликованы выдержки изъ собранія «писемъ съ войны 1870—1871 г.» запаснаго офицера Риндфлейша. Это дало поводъ брюссельской газетѣ Reforme сказать 28 декабря 1893 г.: «Случай этотъ тѣмъ болѣе подтверждаетъ тезисъ Гамона, что здѣсь дѣло идетъ о случайномъ офицерѣ. Онъ съ успѣхомъ можетъ извлекать изъ этого интереснаго сборника многочисленныя доказательства и объясненія для подтвержденія своихъ обвиненій: въ воровствѣ, въ грубости и т. д.»

Въ Revue des Revues отъ 1-го мая есть выдержки изъ «Дневника чиновника въ Камерунѣ». взятыя изъ апрѣльской Neue Deutsche Revue» Это лишь длинный разсказъ о насиліяхъ, злоупотребленіяхъ властей, и жестокостяхъ, о которыхъ слѣдующіе факты дадутъ нѣкоторое понятіе: во время экспедиціи въ Бакоко, нѣмецкій начальникъ Вейланъ, приказалъ сжечь деревни; плѣнники: старики, женщины, дѣти были избиты и прикованы къ палубѣ парохода во время сильныхъ жаровъ; ихъ опухшіе и окровавленные члены покрылись червями; умирающихъ плѣнныхъ пристрѣливали, какъ дикихъ звѣрей; чтобы не брать плѣнныхъ, убивали всѣхъ. «Солдаты, — сказалъ за обѣдомъ Вейланъ, — и особенно одинъ изъ нихъ—научились удивительнымъ образомъ сдирать кожу съ враговъ; они надрѣзаютъ ее ножомъ на нижней челюсти; затѣмъ слѣдуетъ хорошій ударъ въ зубы, и вся кожа вдругъ слѣзаетъ съ лица»... Такія выдержки крайне поучительны.

на. Она для психолога имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что она писалась друзьямъ и не предназначалась для печати. Письма были опубликованы только послѣ того, какъ Норманъ былъ убитъ врагами.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ:

„Уже пять дней мы не имѣемъ извѣстій изъ Франціи. Только бы не заключили мира! *Дѣло въ томъ, что я непремѣнно хочу получить орденъ Камбоджи.* (стр. 19).

. . . *Наконецъ мы очень разсчитываемъ здѣсь, что экспедиція*, которая продолжится полтора года и для которой будетъ отправлено изъ Франціи не меньше 20,000 человѣкъ, — солдатъ и моряковъ, заслужитъ *медаль на память* тѣмъ, кто ее совершилъ (стр. 73). Мнѣ отказали въ этомъ *удовольствіи* (стрѣлять въ китайцевъ), но эти господа (тонкинскіе стрѣлки) имъ воспользовались. *И я съ удовольствіемъ видѣлъ*, какъ въ 300 метрахъ отъ меня семи или восьми китайцамъ *прострѣлили головы* (стр. 78). Мы, конечно, надѣемся, что благодарное отечество наградитъ насъ *медалью въ память нашей экспедиціи* (стр. 79). Мы имѣли *удовольствіе* видѣть массу *убитыхъ* китайцевъ на самой нашей дорогѣ; это насъ въ высшей степени *порадовало*... (стр. 92). Мы обходимъ всюду и повсюду *грабимъ* то, что намъ попадаетъ подъ руку. У меня два китайскихъ знамени, одна китайская сабля, поясъ съ патронами, очень любопытный итальянскій карабинъ, изъ за котораго многіе мнѣ очень завидуютъ и т. д. (стр. 94)... Въ деревняхъ, гдѣ мы проходимъ, мы встрѣчаемъ по нѣсколько *безоружныхъ* китайцевъ. *Мы уводимъ ихъ*, ради принципа... (стр. 103). Мнѣ нѣтъ надобности сообщать вамъ, что *всѣхъ раненныхъ и нераненныхъ*, кто только попадаетъ въ наши руки, *мы тотчасъ*

же казнимъ (стр. 120)... Мнѣ удалось *сшащить*, (это какъ разъ подходящее слово) китайскія ружья и сабли, потомъ два знамени, кинжалъ, копье и шляпу (стр. 126)... Цѣлый день занимался я тѣмъ, что *билъ палкой* или саблей плашмя кули, эту толпу лентяевъ, чтобы только заставить ихъ работать (стр. 141)... Аннамиты очень кротки, послушны и боязливы; *съ ними не разговариваемъ иначе, какъ толчками ноги въ задъ* (стр. 147)... Мы всѣ здѣсь сильно надѣемся, что государство вотпруетъ намъ *медаль на память* (стр. 163)... *Видъ раненныхъ и убитыхъ* не производитъ на меня уже болѣе никакого впечатлѣнія; я спалъ очень спокойно рядомъ съ убитымъ капраломъ, котораго я немного отодвинулъ, чтобы поставить мою палатку (стр. 171—172)... Я нисколько не сомнѣваюсь, что послѣ всего этого парламентъ наградитъ насъ *въ память похода медалью, которую мы всѣ такъ горячо желаемъ получить*; это будетъ стоить очень недорого, а между тѣмъ произведетъ очень хорошее впечатлѣніе въ арміи, поднявъ ее въ ея собственныхъ глазахъ (стр. 174)"... (*Письма изъ Тонкина*, отъ ноября 1884 года до марта 1885. Переписка R. A. L. V. Normand. Новое изданіе. Парижъ 1887. Ollendorf, издатель).

Всякіе комментаріи излишни.

Пусть читатель вспомнитъ новое дѣло Тюрпена, возникшее въ маѣ и іюнѣ 1894 года! Тотъ же самый образъ дѣйствій профессіональныхъ военныхъ, о которомъ я разсказывалъ въ Ministère et Mélinite и который я отмѣтилъ въ *Психологіи Военной Профессіи*, повторился снова, когда Тюрпенъ представилъ свое новое изобрѣтеніе французскому правительству. Въ газетахъ загорѣлась очень оживленная по-

леника, во время которой былъ опубликованъ очень интересный для психолога подлинный документъ. Документъ этотъ,—рапортъ, составленный вмѣстѣ 3-нымъ (артилерія и военная упряжь) и 6-нымъ военнымъ управленіемъ (порохъ и селитра), былъ сфотографированъ г. Серраномъ, инженеромъ, который во время своего процесса съ военной администраціей имѣлъ его въ своемъ дѣлѣ, благодаря посредничеству своего адвоката, г. Лагерра. Въ этомъ документѣ, исходящемъ отъ высшихъ офицеровъ и генераловъ, между которыми былъ генералъ Матьё, сказано:

„Когда Тюрпенъ представилъ военному министерству свое изобрѣтеніе, компетентные служащіе старались всѣми средствами прежде всего отстранить его совершенно, воспользовавшись его идеями, работами и сообщеніями, въ виду предполагавшихся съ его стороны слишкомъ большихъ требованій...“ (Figaro, 31 мая 1894 г.).

Нельзя признаться болѣе откровенно въ своемъ желаніи *украсть*.

Перечитайте газеты, гдѣ напечатаны отчеты о томъ, что происходило во флотѣ, — я говорю о дебатахъ парламентской комиссіи и слѣдственной внѣпарламентской коммиссіи, и въ образѣ дѣйствія этихъ профессіональныхъ военныхъ ясно можете увидѣть тотъ психическій характеръ, который мы опредѣлили. Мы позволимъ себѣ привести одинъ только слѣдующій фактъ:

Девятаго мая, въ частномъ засѣданіи комиссіи г. депутатъ, Кабаръ Данневиль сообщаетъ, что онъ *изъ*

вѣрныхъ и серьезныхъ источниковъ узналъ, что адмиралъ Жерве пригласилъ въ свой кабинетъ офицеровъ и служащихъ, назначенныхъ для экспертизы, для того чтобы *запретить имъ говорить* или давать какія-либо разъясненія *коммиссіи* (Justice, 11 мая). Агенство Гаваса опровергло это. Тогда во время засѣданія 11-го мая (Justice, 13 мая), г. Кабаръ Данневиль прочелъ замѣтку, въ которой онъ поддерживалъ свое показаніе, но изъ деликатности много смягчилъ его, потому, говорилъ онъ, что онъ былъ очень счастливъ видя, что начальникъ генеральнаго штаба своей честью ручался за невѣрность этихъ фактовъ. Послѣ засѣданія депутатъ этотъ добавилъ: Еще только вчера я видѣлся съ флотскими служащими, которые пришли ко мнѣ *подтвердить поведеніе* адмирала Жерве въ этомъ дѣлѣ. Я не могу настаивать, если онъ отпирается, потому что мнѣ нельзя открыть имена этихъ служащихъ. *Ихъ бы тогда разбили въ дребезги, какъ стекло*... Мнѣ оставалось только поставить г. адмирала Жерве лицомъ къ лицу съ его поступками и съ его честнымъ словомъ. Пусть самъ онъ разбирается теперь въ этомъ дѣлѣ."

Превышеніе власти здѣсь очевидно.

Желательны ли еще другіе факты? Жатва здѣсь очень обильна! Я просто затрудняюсь привести все подтверждающее мой тезисъ.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ, собранныхъ французской прессой за май и іюнь 1894 г.

Въ газетѣ Journal отъ 14 мая, докторъ Жанъ Байоль (Bayol), бывшій флотскій врачъ разсказывалъ, что въ началѣ дагомейскаго конфликта одинъ капитанъ сказалъ ему: „Ахъ, мало *Вы рылъ разбиваете*, г. губернаторъ". Г. Байоль прибавляетъ: къ этому. „Грубое

желаніе получить орденъ, почетный и выгодный въ одно и то же время, является здѣсь во всей своей внушительной красотѣ. Въ колоніяхъ военный и морякъ прекрасно знаютъ, что разъ они пріобрѣли какой-нибудь чинъ, никто уже не можетъ его отнять у нихъ, что имъ покровительствуетъ спеціальный законъ и что они безнаказанно могутъ дѣлать все то, что они считаютъ полезнымъ для умноженія славы ихъ оружія, и не опасаясь, что карьера ихъ впослѣдствіи отъ этого пострадаетъ". Въ Шалонѣ-на-Марнѣ военный совѣтъ 6-го корпуса *приговариваетъ къ смертной казни* двухъ пьяныхъ солдатъ 128 го линейнаго полка за то, что они *обругали и ударили начальника*, и оправдываетъ пьянаго бригадира 15-го стрѣлковаго полка, *убившаго въ ссорѣ крестьянина*. (Justice, 8 іюня). Въ Парижѣ, въ маѣ мѣсяцѣ г. Сантюбери, солдатъ третьяго полка морской инфантеріи, проходя въ нетрезвомъ видѣ по улицѣ, позволилъ себѣ вольности съ продавщицей м-мъ Мальнюи; она защищается, зоветъ своего мужа. Тотъ прибѣгаетъ и дѣлаетъ кроткое замѣчаніе солдату, который и убиваетъ его своимъ штыкомъ. Военный судъ въ Парижѣ *приговорилъ Сантюбери за убійство штатскаго къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія*. Въ Сайгунѣ военный судъ *осудилъ на смерть* солдата Панри, виновнаго въ томъ, что онъ бросилъ свое одѣяло на голову капралу. (Газеты отъ 17-го мая и слѣдующія. (Petite Republique, 8 іюля).

Факты эти говорятъ сами за себя. Вотъ еще нѣсколько слишкомъ типичныхъ, чтобы позволить себѣ забыть о нихъ.

Это было въ Портъ-Сандѣ въ 1879 г. Нѣмецкій оркестръ въ кафе сыгравъ Home Rule заигралъ Мар-

сельезу по просьбѣ одного англичанина, замѣтившаго присутствіе французовъ. Направо отъ М. Г. Клобри сидѣлъ подполковникъ Р.... сильно нахмурившись и стиснувъ зубы. „Что съ вами?—спросилъ я его. Неужели вы не замѣчаете такого деликатнаго вниманія? Вѣдь это нашъ національный гимнъ.“ — „Милостивый государь, я никогда не допущу, чтобы военный пѣлъ пѣсню, гдѣ говорится о «грубыхъ солдатахъ». Это оскорбленіе всѣмъ арміямъ міра“. Я былъ пораженъ, но все-таки нашелся отвѣтить ему: „Тогда Вы больше военный, чѣмъ французъ“. (Письмо X. Gaultier de Claubry, бывшаго профессора университета, бывшаго воспитанника аѳинской школы).

Въ Румыніи надъ солдатами производилось столько звѣрствъ, что нужно что-нибудь очень оригинальное въ жестокости, чтобы привлечь въ настоящее время вниманіе публики... Капитанъ Г., въ минуту гнѣва проткнулъ саблей солдата; его не преслѣдовали... Въ лѣсу нашли трупъ солдата съ револьверомъ въ рукѣ. Слѣдствіе раскрыло, что тутъ произошло убійство. Одинъ поручикъ, съ помощью двухъ другихъ солдатъ страшно избили несчастнаго и, убивъ его, дали ему въ руки револьверъ, чтобы придать видъ самоубійства. Офицера не безпокоили... (Письмо доктора П. Стоянова).

1 Сентября 1894 г. 86 вооруженныхъ офицеровъ и солдатъ напали въ Аѳинахъ на контору газеты Acropolis. Они разбили и переломали все: мебель, прессы, книги и т. д. „Ничто не ускользнуло, — писалъ мнѣ г. Филадельфъ, редакторъ этой газеты, — отъ ихъ топоровъ, сабель, молотковъ и пр.“. Почему же случился такой разгромъ? Потому что Acropolis напечаталъ статьи, не благопріятныя для арміи. Скандалъ былъ огромный. Офицеры были преданы суду; процессъ происходилъ 5 и 6 октября. *Они были оправ-*

даны, хотя и изобличены въ грубыхъ поступкахъ. (Nottingham daily Guardian, 3 сентября, Daily Chronicle, 8 октября).

Въ мартѣ 1895 г. одинъ мадридскій журналъ El Resumen напечаталъ статью критикующую армію вообще; въ оправданіе своихъ дѣйствій шайка унтеръ-офицеровъ и солдатъ нападаетъ на контору редакціи и предпринимаетъ кое-какія насильственныя дѣйствія. На другой день El Globo (15 марта) коротко разсказываетъ о дѣлѣ по полицейскому протоколу Статейка озаглавлена Los Valientes (храбрецы). Это заглавіе возбуждаетъ гнѣвъ арміи, и вечеромъ триста офицеровъ и солдатъ всѣхъ оружій нападаютъ на редакцію и на типографію El Globo, все тамъ ломаютъ и разбиваютъ. Тоже самое продѣлывается и въ типографіи El Resumen. Въ сенатѣ послѣдовалъ запросъ: генералъ Бермудецъ Рейна защищалъ военныхъ и объявилъ, что *нарушить законъ не значитъ погрѣшить противъ дисциплины*; въ палатѣ военный министръ защитивъ своихъ подчиненныхъ, объявилъ, что будетъ... судомъ преслѣдовать *журналистовъ* (El Heraldo 15, 16 марта; El Imparcial, 16 марта).

Гг. Ш. Морисъ и Жарзюель напечатали въ Figaro 18 мая 1894 г. интервью съ однимъ изъ генераловъ, командующихъ въ арміи; это былъ генералъ Галифе, какъ въ томъ признались интервьюеры и намъ, и Эдуарду Дрюмону. Изъ этого интервью мы приводимъ слѣдующіе отрывки: „военный духъ принадлежалъ нѣкогда одной кастѣ, впослѣдствіи онъ сдѣлался въ націи удѣломъ отдѣльной категоріи. Германія... это страна военной іерархіи... Я видѣлъ въ Берлинѣ, какъ простой пѣхотный капитанъ проходилъ черезъ толпу: она *почтительно* разступалась передъ нимъ. Это ясно говоритъ о военной морали націи... А помните ли вы дѣло этого нѣмецкаго генерала, который далъ пощечину простому штатскому? Онъ, правда, былъ осуж-

день гражданскимъ судомъ, но императоръ немедленно же его помиловалъ и возвратилъ ему ордена. *Вотъ какъ поддерживаютъ военный духъ*... До этихъ послѣднихъ лѣтъ *я жаждалъ войны*, я мечталъ при помощи ея составить себѣ громкое имя въ исторіи... Никто не говоритъ объ уничтоженіи арміи. Слѣдуетъ только довести ее до того объема, чтобы можно было безъ труда поддерживать внутренній порядокъ страны... Тогда получилось бы нѣчто вродѣ обширнаго жандармскаго управленія, которое защищало бы внутренній порядокъ отъ враговъ общества...“

Бывшій военный министръ, генералъ Барайль въ разговорѣ съ интервьюеромъ (Figaro, 30 мая) присоединился къ мнѣнію своего коллеги слѣдующими категорическими словами: „я признаю и слишкомъ прекрасными и слишкомъ дерзкими заявленія того солдата, съ которымъ вы только что бесѣдовали“.

Petite République (10 іюня) напечатала поучительное письмо того же генерала Галиффе отъ 25 декабря 1864 г.: Я... шефъ жандармовъ; я устраиваю засады... Мои солдаты — бо́льшіе разбойники, чѣмъ тѣ, которыхъ я преслѣдую. Я кромѣ того высшій судья. Всѣ разбойники (мексиканскіе солдаты)... которые не были убиты, повѣшены. И если кому нибудь нужны веревки отъ повѣшенныхъ, то вернувшись, я могъ бы торговать подлинными“.

Въ одной изъ книгъ, замѣчательной своей ученостью и философіей: *Криминальная этнографія* (Reinwald, éditeur, іюль 1894), докторъ Корръ привелъ нѣсколько типичныхъ фактовъ. Мы беремъ изъ нихъ два: Флотскій офицеръ спросилъ однажды у одного каторжника: „что же ты сдѣлалъ, за что тебя сослали туда...?“ — „Я имѣлъ сношенія съ маленькимъ мальчикомъ“. И офицеръ въ присутствіи всѣхъ, на палубѣ, полной народомъ, воскликнулъ: „ахъ бѣдняга! Если бы насъ за такіе грѣшки брали въ Кохинхинѣ!“ (стр. 43 въ замѣткѣ). — Адмиралъ Курбэ проникъ со своими ко-

раблями въ рѣку Мэнъ, пользуясь условіями, которыя, какъ онъ зналъ, были уже почти порваны и безъ которыхъ ему не возможно было бы пробить себѣ дорогу. Онъ поступилъ съ лукавствомъ достойнымъ азіата (стр. 337).

Докторъ Бойе (Boyer) напечаталъ въ апрѣлѣ 1894 г. маленькую брошюру въ 20 страницъ in-8, подъ заглавіемъ ***Документы.*** Это — собраніе писемъ и оффиціальныхъ актовъ. Можно бы цитировать всю брошюру, но мы возьмемъ изъ нея только слѣдующіе отрывки: Письмо поручика Рока депутату Летелье, 22 апрѣля 1891 г.: „отказываясь постоянно отъ непріятной обязанности разоблачать мошенничества моего капитана, я, наконецъ, былъ вынужденъ послать письменный рапортъ... Выяснились (изъ слѣдствія) всевозможныя грязныя дѣла, совершенныя капитаномъ Буи. Такъ какъ всѣ приведенные факты были ***не въ чести*** тѣхъ, которымъ слѣдовало бы организовать лучшій надзоръ, то вслѣдствіе этого ***я и былъ осужденъ.*** Въ виду точной достовѣрности фактовъ, перечисленныхъ въ моемъ рапортѣ (воровство, взяточничество, педерастія) старшій генералъ дю-Бесоль предложилъ капитану Буи... подать въ отставку, а мнѣ ***въ наказаніе*** онъ приказалъ отправляться въ Лагуа... 21 апрѣля 1891 г. докторъ Бойе хотѣлъ показать слѣдователю генералу Лаверу двухъ туземныхъ солдатъ (spahis), служившихъ женами капитану Буи. Подполковникъ де-Верженъ воспротивился этому. „Правда.—замѣтилъ генералъ Лаверъ, —если весь эскадронъ прошелся по нимъ, они должны быть утомлены". Письмо доктора Казалиса, старшаго врача 2-го зуавскаго полка, отъ 30 іюля 1891 г., Оранъ: „...Я могу подтвердить вамъ, что одно лицо... очень высокопоставленное (генералъ Бесоль) недавно говорилъ мнѣ о вашемъ дѣлѣ... Капитанъ Буи, — сказалъ онъ мнѣ, — совершилъ неприличныя вещи и поступки, настолько заслуживающіе порицанія, что нужно бы стараться

затушить дѣло, и докторъ Бойе не правъ, что хочетъ выставить ихъ на свѣтъ...“ Письмо доктора Саля, старшаго врача, 30 іюля 1891 г., Мостаганемъ: „Да, Буи — негодяй, — если будетъ *серьезное* слѣдствіе, потребуйте, чтобы пригласили полковника Бешада; пусть онъ скажетъ, что знаетъ, а знаетъ онъ много!... также и поручика Лапорина... Что же касается до содержанія солдатъ,... то я всегда замѣчалъ его недостаточность. Сколько разъ говорилъ я объ этомъ полковнику... *Одинъ разъ я написалъ это даже въ своемъ инспекторскомъ рапортѣ, но я это вычеркнулъ по просьбѣ полковника...* Что же касается до жестокостей... я сто разъ былъ ихъ свидѣтелемъ.... Лапостоль много, много разъ говорилъ мнѣ, что есть за что повѣсить Буи“. — Капитанъ Лапостоль явился защитникомъ капитана Буи противъ доктора Бойе. — Письмо доктора Кроса, главнаго врача 1-го класса, директора санитарной службы алжирскаго дивизіона, отъ 5 августа 1891 г.: „Въ настоящемъ случаѣ (оправданіе Буи и осужденіе Бойе) поступили неправильно не по ошибкѣ; *нужно было передъ неловкимъ непріятнаго свойства разсказчикомъ не уронить принципа непогрѣшимости командующаго.* Вотъ и весь секретъ. Совѣсть у нѣкоторыхъ людей растяжима какъ каучукъ.“ Дѣло доктора Бойе недавно имѣло свой эпилогъ. Ему была дана отставка за проступокъ противъ дисциплины. Капитанъ Буи по прежнему носитъ орденъ Почетнаго Легіона и остается запаснымъ офицеромъ. Главный врачъ Дюжарденъ - Бомецъ, директоръ санитарной службы, въ военное время допустившій всѣ эти безпорядки, былъ произведенъ въ генералы въ 1895 году [1]).

[1]) Къ сожалѣнію мы не можемъ болѣе цитировать изъ брошюръ доктора Бойе. Въ послѣдней изъ нихъ Les Scandales do Médéah — мартъ 1891 — январь 1895. (Брошюра in-8 въ

Въ Тонкинѣ, служившій на одномъ посту флотскій врачъ заявилъ Дюжардену-Бомецъ. своему начальнику, о вредѣ для больныхъ, происходящемъ отъ недавно принятаго рѣшенія одного изъ военныхъ начальниковъ. Военный врачъ, Дюжарденъ-Бомецъ съ надменнымъ, горделивымъ негодованіемъ возразилъ: „Милостивый государь, знайте, что для военнаго начальства ошибокъ не существуетъ“. (Сообщеніе, написанное флотскимъ врачемъ).

Майоръ главнаго штаба Фрицъ Герчъ, въ своей брошюрѣ *Дисциплина! Или разоруженіе!* (Бернъ, типографія Goeper und Lehmann, 1895) является защитникомъ дисциплины и военнаго духа. Изъ этого произведенія мы извлекаемъ слѣдующіе характерные отрывки: „случаи злоупотребленія властью и дурного обращенія съ солдатами сильно выставляются на видъ и черезъ-чуръ преувеличиваются; тогда какъ на самомъ дѣлѣ, здѣсь вопросъ простой строгости противъ безпорядковъ, а вовсе не дурного обращенія... (стр. 11). Если въ горячую минуту начальникъ сурово обойдется съ солдатомъ, что въ серьезной войнѣ часто бываетъ необходимо, солдатъ считаетъ уже, что съ нимъ поступили недостойнымъ образомъ. Онъ никогда не долженъ бы былъ такъ думать. Я далекъ отъ того, чтобы защищать жестокость; но рѣзкость тона и сильныя выраженія еще далеко не составляютъ жестокости и оскорбленія, даже передъ судомъ чести, какъ бы онъ ни былъ строгъ. И если даже офицеръ обойдется грубо съ неловкимъ или неисполнительнымъ солдатомъ въ то время, какъ онъ долженъ все видѣть, все слышать и всюду дѣлить свое вниманіе, то здѣсь еще нѣтъ рѣчи о жестокости... (стр. 20 и 21). Намъ нужны въ арміи солдаты, которые повинуются, а не люди въ

64 страницы — типографія Аллемана, Парижъ 1895) читатель найдетъ еще многія типичныя подробности.

солдатскихъ мундирахъ, въ которыхъ приходится всегда уважать гражданина...“ (стр. 24).

„Можно ли привить массѣ войска идеи чести и долга, такъ свойственныя офицеру? Это въ желательной степени трудно. Если бы это было, однако, возможно, то гдѣ бы была *такъ необходимая* разница между офицеромъ и солдатомъ... Рекрутъ — *лучшій* солдатъ... Онъ боится, и плодомъ этого страха является покорность, повиновеніе, иногда преувеличенное, и дѣтская торопливость по отношенію къ нахмурившему брови капралу... Дисциплина доказывается... отрицаніемъ своей собственной чести, своего собственнаго достоинства... Въ арміи, еще больше чѣмъ въ гражданской жизни, различіе въ чинѣ производитъ различіе чувствъ и мыслей Мужество, могущество и отвага офицера происходятъ отъ сознанія, что въ его положеніи начальника, онъ привлекаетъ на себя взгляды толпы... Простой солдатъ не можетъ чувствовать и мыслить какъ офицеръ, даже если вы изъ него сдѣлаете офицера... Требованія и законы войны суровы, варварски неумолимы. Чувствительность и гуманная разумность прямо противоположны тому, что дѣластъ солдатъ на войнѣ. «Живи и давай жить другому» — этотъ девизъ не для арміи... Презрѣніе къ жизни своихъ собственныхъ войскъ, къ жизни войскъ врага, а сверхъ всего этого и къ своей собственной жизни,—вотъ что требуетъ война. *Для арміи лучше — быть слишкомъ дикой, слишкомъ жестокой, слишкомъ варварской*, чѣмъ обладать черезъ чуръ большой чувствительностью и гуманной разумностью. Если солдатъ хочетъ быть на что нибудь годнымъ, то онъ долженъ быть полной противоположностью человѣка мыслящаго и разсуждающаго. Мѣркой арміи является ея способность служить войнѣ... Рюдіаръ Киплингъ справедливо пишетъ: «признакъ хорошаго солдата есть воздержаніе отъ черезъчуръ высокихъ размыш-

леній о цѣнѣ человѣческой жизни». Война и даже миръ требуютъ отъ солдата нравственности совершенно различной отъ общей нравственности и отъ всякой другой спеціальной нравственности различныхъ профессій и классовъ... Рекрутъ приноситъ въ армію много понятій общей нравственности, вынесенныхъ изъ своего воспитанія, но онъ долженъ ихъ немедленно бросить... Для солдата побѣда — все... Чувство, вдохновляющее завоевательную армію, не имѣетъ ничего общаго съ этикой и моралью Самыя варварскія примитивныя стремленія человѣка воскресаютъ на войнѣ; и для войны они неизмѣримо пригодны... Государства, такъ же какъ и арміи, руководятся и управляются не этикой и нравственностью...“ (Friedens-und Kriegsmoral der Heere am Ausgange des XIX Jahrhunderts, par C. V. B. K. — стр. 5, 8, 9, 13, 18, 10, 20, 22, 49. — Вѣна и Лейпцигъ — брошюра in-8. — Издатель Wilhelm Braumuller [1]).

И сколько еще можно привести другихъ, такихъ же исключительныхъ фактовъ? Вспомнимъ всѣ случаи жестокости, безчувствія, нравственной анестезіи, засвидѣтельствованные всей французской прессой съ января по мартъ 1895 г.? Вспомнимъ статьи Гюга-Ле-Ру въ Journal о солдатахъ, осужденныхъ производить общественныя работы? Если мы возьмемъ нѣсколько выдержекъ изъ брошюры *„Пятьдесятъ дней въ иностранномъ легіонѣ“* (Cinquante jours á la

[1]) C. V. B. K. — офицеръ германской арміи, написавшій книгу «Къ психологіи Великой войны» (Zur Psychologie des Grossen Krieges). Цитаты изъ его брошюры очень типичны, потому что они показываютъ совершенно искренное состояніе души профессіональнаго военнаго.

légion étrangère, (Revue Blanche, 15 апрѣля 1895), то матеріалъ тамъ будетъ очень обиленъ, также какъ и въ книгѣ *Каска и сабля* [1]), г. Шатовье (Casque et Sabre de M. Chateauvieux) и въ брошюрѣ *Три года въ полку* [2]) г. Монмилліона (Trois ans au régiment, par M. Monmillion), а также и въ *Воспоминаніяхъ о великомъ бунтѣ* (Reminiscences of the great Mutiny) [3]), написанныхъ простымъ солдатомъ англій-

---

[1]) Г. Шатовье публиковалъ въ маѣ 1894 г. у издателя Савина томъ воспоминаній. Стиль въ немъ робкій, неизящный, и разсказъ отъ этого получаетъ огромную силу. Это — 400 страницъ разсказа о страданіяхъ, болѣзняхъ, ранахъ и уколахъ. Это ужасно и полная искренность звучитъ въ этихъ листкахъ, написанныхъ вольноопредѣляющимся молодымъ человѣкомъ, съ восторгомъ вступившимъ въ армію. Воровство, жестокость, злоупотребленіе властью, почти безпрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ. Пусть наши противники прочтутъ этотъ томъ, и если они безпристрастны, то они признаютъ, что особенное устройство мозга профессіональныхъ военныхъ находитъ тамъ новое подтвержденіе.

[2]) Книга г. Монмилліона, изданная тѣмъ же самымъ книгопродавцемъ, имѣетъ много меньше значенія. Форма разсказа не только не обработана, но она еще болѣе скучна, не оживленна Но какъ бы тамъ ни было, то что разсказываетъ авторъ вполнѣ подтверждаетъ особенный складъ ума у профессіональныхъ военныхъ. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе важенъ, что авторъ признался, что имѣетъ цѣлью прославлять армію, поставить ее на пьедесталъ и защитить ее отъ нападокъ натуралистическихъ романистовъ: Германа, Февра Люгэ, Даріена, Шатовье и др.

[3]) По поводу этой книги намъ пишутъ: «Она вполнѣ отвѣчаетъ вашимъ теоріямъ о вліяніи милитаризма, но она доказываетъ также то, что я вамъ говорилъ, что въ Англіи превышеніе власти, пристрастіе и жестокость военныхъ гораздо менѣе ощутительны, чѣмъ на континентѣ». Это очень вѣрное замѣчаніе является еще новымъ доказательствомъ въ пользу

ской арміи и въ статьѣ *Рядомъ съ войной* (A côte de la guerre), Mon petit journal, 1870—71, Камилля Фонде (Camille Fondet), и въ брошюрѣ *Въ странѣ фетишей* (Au pays des fétiches) бывшаго флотскаго врача П. Винье (d'Octon), въ... [1]). Но лучше остановиться, потому что нѣтъ ни одного сборника приговоровъ военнаго суда, ни одного мемуара офицеровъ или солдатъ, ни одного разсказа о войнѣ или о колоніальной экспедиціи, который, при безпристрастномъ изученіи, не доказываетъ очевидно тѣ психиче-

---

нашего труда. Въ Англіи солдатъ выходитъ безъ оружія; офицеръ никогда не выходитъ на улицу въ мундирѣ, — исключеніе дѣлается только для оффиціальныхъ визитовъ. Такимъ образомъ, тамъ является частное осуществленіе тѣхъ пріемовъ, которые я рекомендовалъ въ моихъ выводахъ, чтобы уменьшить или даже совершенно уничтожить нѣкоторыя характеристическія черты военнаго. Въ Англіи предпочтеніе военныхъ бываетъ въ высшей степени рѣдко, потому что тамъ обыкновенно говорятъ: «Военный? О, это — ничто».

[1]) Приведемъ еще нѣсколько работъ, гдѣ можно набрать очень много фактовъ: «Разбойничество въ Кабиліи», Эмиля Віолара, Парижъ 1895; «Истина о Тамбукту», Гильомэ, Парижъ 1895; «Мемуары Буріена о Наполеонѣ», т., I изданіе 1895. Полныя разоблаченія, подкрѣпленныя подлинными документами о варварствахъ дисциплинарнаго режима въ одной части африканской арміи, Вилена де Сантъ-Илера, бывшаго вице-интенданта, брошюра, 1848 г., Парижъ; «Милитаризмъ въ Германской имперіи», брошюра 1893, Штутгартъ; «Неврастеническія маніи» (Les Phobies neurasthéniques), доктора Берильона, брошюра, Парижъ 1893; «Краснокожіе», Эри Стида (Les Culs-Rouges, par Ary Steede), Парижъ, 1895; «Воспоминанія о Севастополѣ», собранныя и редактированныя Е. И. В. Александромъ III, переведено Николаемъ Нотовичемъ, Парижъ, 1894; «Воспоминанія одного молодого человѣка», Анри Бауэра, Парижъ, 1895, и т. д., и т. д.

скія черты, которыя мы указали въ нашей книгѣ. Жестокость, пристрастіе, личный интересъ, личные мотивы, нравственная нечувствительность, превышеніе власти наивно вытекаютъ изъ всѣхъ фактовъ, которые мы приводимъ и изъ огромнаго количества тѣхъ, которые мы могли бы привести. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣчать той жестокости и того пристрастія которыя проникаютъ всегда и всюду въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Когда *исключительные* факты такъ многочислены, они перестаютъ быть исключеніемъ и дѣлаются правиломъ; тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ фактовъ совершены коллективно и, слѣдовательно, въ нихъ необходимо принимало участіе большое количество людей. Всякій искренній справедливый человѣкъ не можетъ этого не признать. Эта жестокость, это предпочтеніе такъ мало исключительны, что много другихъ авторовъ раньше насъ это отмѣтили. Такъ В. М. Теккерей пишетъ:

„Я имѣлъ честь встрѣтить разъ или два стараго джентельмена, который показался мнѣ самымъ совершеннымъ типомъ того, что могла сдѣлать изъ человѣка практика военной жизни. Онъ провелъ все свое существованіе на службѣ въ избранныхъ полкахъ, а затѣмъ командовалъ ими. Это — смѣсь эгоизма, жестокости, вспыльчивости и обжорства. Очень хорошъ онъ за столомъ, съ маленькими налитыми кровью глазами, заранѣе какъ бы поглощающими то, что было передъ нимъ на тарелкѣ. Каждая фраза его сопровождается ругательствомъ, а послѣ обѣда онъ начинаетъ разсказывать самыя неприличныя казарменныя

исторіи, которыя рѣдко удается слышать. Ради его чина и заслугъ всѣ считаютъ себя обязанными относиться съ нѣкоторой дозой уваженія къ этому старому дураку, украшенному титулами и орденами. Что же касается до него, то онъ смотритъ на васъ съ высоты своего величія и высказываетъ вамъ свое презрѣніе съ такой наивной увѣренностью, которую просто смѣшно видѣть. Быть можетъ занимаясь другой профессіей, онъ бы не сдѣлался тѣмъ жалкимъ созданіемъ , которое прогуливалось тамъ, передъ нашими глазами. Но какой былъ у него выборъ? Онъ никуда не годился. Его неисправимая лѣность и тупоуміе не допускали его до мысли о всякой другой карьерѣ, кромѣ той, гдѣ онъ составилъ себѣ репутацію хорошаго и браваго офицера, обладавшаго въ особенности умѣньемъ владѣть скаковыми лошадьми, пить портвейнъ, драться на дуэли и соблазнять женщинъ. Между тѣмъ въ его собственныхъ глазахъ онъ является самымъ значительнымъ и уважаемымъ лицомъ, значительнымъ, какое только существуетъ въ подлунномъ мірѣ. Вы почти можете быть увѣрены, что встрѣтите его послѣ обѣда на площади Ватерлоо, гдѣ онъ совершаетъ свою обычную прогулку въ лаковыхъ сапогахъ, щегольски облекающихъ его уже не гибкія отъ старости ноги, и заглядываетъ въ лорнетъ подъ шляпки проходящихъ женщинъ. Когда онъ умретъ отъ апоплексическаго удара, Times посвятитъ ему четверть столбца воспоминаній о его заслугахъ и походахъ. Добрыхъ четыре строчки по крайней мѣрѣ понадобятся для перечисленія его титуловъ и орденовъ; тогда какъ могила скроетъ останки самаго испорченнаго и самаго тупого существа, которое когда либо появлялось на нашей планетѣ". (Le Livre des Snobs).

Полагаемъ, что мы уже доказали, насколько несо-

стоятелемъ аргументъ, будто мы обобщили лишь исключительные факты.

* * *

Чтобы опровергнуть насъ нѣкоторыя газеты [1]) цитировали слѣдующія строчки, написанныя однимъ чиновникомъ, бывшимъ судебнымъ слѣдователемъ и криминологомъ, г. Габріелемъ Тардомъ:

„Спустя немного времени, онъ уже не думаетъ больше о своемъ отцѣ, почтительный страхъ къ которому управлялъ имъ раньше; о полѣ, о которомъ онъ мечталъ; о молодой дѣвушкѣ, за которой онъ ухаживалъ, имѣя въ виду основать новую семью; а еще меньше думаетъ онъ о катехизисѣ своего священника: *всѣ источники его честнаго трудолюбія и относительной чистоты его нравовъ перестали течь.* Но нравственность его скорѣе измѣнилась, чѣмъ упала, и *то, что онъ потерялъ въ трудолюбіи и воздержности, пріодрѣлъ онъ вновь въ мужествѣ и стойкости*, потому что для поддержки его дисциплинированной жизни въ казармѣ для подкрѣленія его на полѣ битвы, кромѣ мысли о военномъ судѣ, является идея стыда, униженія передъ товарищами, которыхъ онъ готовъ избѣгнуть даже цѣною смерти. Въ то же время, у него есть сознаніе, что онъ полезенъ исполненіемъ своихъ новыхъ обязанностей цѣлой толпѣ людей, которые недавно сдѣлались его ближними, этому великому отечеству, готовому поглотить его, о которомъ онъ такъ мало заботился раньше, занятый до сихъ поръ своими домашними работами.“

---

[1]) Gironde, 23 декабря, Bordeaux. — Petit Republicain, 24, Troyes, — Avenir de la Sarthe, 24, Le Mans. — Republicain Orléanais. 24, Orléans. — Moniteur du Puy-de Dôme, 26, Clermont-Ferrand. — Echo du Mexique, 13 января, Mexico.

Выигрышъ сомнителенъ, и его требуется еще доказать. Потеря же достовѣрна. Она была подтверждена Октавомъ Мирбо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Милостивый государь, изъ вашихъ документовъ и изъ выводовъ, которые вы изъ нихъ дѣлаете, выходитъ слѣдующее: милитаризмъ есть источникъ безконечныхъ злодѣяній и казарма стоитъ каторги. Эти выводы кажутся мнѣ, при всей ихъ рѣшительной смѣлости, очень справедливыми. Справедливые и страшные, они подкрѣпляютъ всѣ тѣ мысли, которыя могутъ прійти на умъ каждому, кто только разсматриваетъ великолѣпные портреты генераловъ, выставленные въ витринахъ бульвара и тѣ, которые печатаетъ на своей третьей страницѣ Eclair, разумѣется затѣмъ, чтобы поддержать въ сердцахъ патріотовъ надежду на будущія завоеванія. Эти низкіе и неровные лбы, эти глаза, отуманенные алкоголемъ и сдѣлавшіеся близорукими отъ слишкомъ частыхъ посѣщеній Annuaire, эти тяжелыя челюсти, изрекавшія столько проклятій на площадяхъ и полевыхъ маневрахъ, всѣ эти и подобныя имъ знаменательныя уродства, обличающія на различныхъ лицахъ этихъ героевъ долгіе годы отупляющей дисциплины, повелительнаго командованія, страшной зависти и безпрерывныхъ стакановъ абсента, говорятъ объ этомъ больше, чѣмъ все, что я могъ бы сказать. И потому я ничего больше не скажу объ этомъ.

Само собою разумѣется, что состояніе ума военнаго человѣка т. е., даже во время мира, состояніе постояннаго насилія, запрещеннаго даже дикимъ кодексомъ законовъ, которые написаны точно для Апачей и даже ими самими; состояніе подкрѣпляемое постояннымъ ношеніемъ мундира, который ставитъ одѣтыхъ въ него людей выше общихъ законовъ и обыкновенныхъ граж-

данскихъ обязанностей; подкрѣпляемое дисциплиной, которая есть ничто иное, какъ упраздненіе законовъ совѣсти и собраніе казарменной грязи, отнимающее у человѣка его личное достоинство, и дѣлающее его подобнымъ домашней скотинѣ; состояніе, возбужденное обоготвореніемъ грубой силы, идеализація на примѣрныхъ подвигахъ убійства и разрушенія, — само собой разумѣется, что все это должно породить въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ обществахъ варварскія аномаліи и спеціальныя преступленія, справедливо названныя вами профессіональными. Каждая профессія, особенно такая, какъ военная, представляющая такой антисоціальный характеръ допускаетъ цѣлый рядъ исключительныхъ и общихъ преступленій, настолько же вредныхъ человѣчеству, какъ и тѣ, которыя предусмотрѣны въ нашихъ уголовныхъ кодексахъ и караются нашими законами наказаніями, соотвѣтствующими ихъ вредному дѣйствію на общество. И я уже не говорю о войнѣ, которая, съ чѣмъ всякій согласится, есть только разнузданіе всѣхъ дурныхъ инстинктовъ человѣка, возвращеніе къ первобытной, животной грубости.

Но есть нѣчто еще болѣе печальное, еще болѣе важное. Это вотъ что:

Я часто наблюдалъ въ молодыхъ людяхъ моей страны ту испорченность, которую можетъ произвести трехлѣтнее пребываніе въ казармѣ. Она несомнѣнна и очень глубока. Я зналъ очень работящихъ молодыхъ людей, съ очень великодушной натурой, съ открытымъ сердцемъ, полныхъ жизни и которые, казалось, были предназначены быть счастливыми въ жизни; насколько это вообще возможно въ ней. Они отправляются въ армію и черезъ три года возвращаются; но какъ они измѣнились! У нихъ нѣтъ болѣе охоты трудиться, они не знаютъ, что дѣлать и тоскуютъ. Мастерскую, гдѣ нѣкогда они работали, теперь они презираютъ; поля

приводятъ ихъ въ ужасъ. Большая часть изъ нихъ только и думаетъ о томъ, чтобы поступить слугами въ богатые дома. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ дома въ лѣности, съ отвращеніемъ, со скукой, одни изъ нихъ, не находя болѣе средствъ, въ средѣ, лишенной развлеченій, удовлетворить своимъ распутнымъ привычкамъ, пріобрѣтеннымъ ими въ полку, другіе, увлеченные неосуществимыми честолюбивыми мечтаніями, — покидаютъ деревню и уходятъ увеличить число нищихъ въ городѣ. Армія, которую оптимистическіе философы называютъ родной семьей, могла сдѣлать изъ этихъ молодыхъ людей только мятежниковъ, или несчастныхъ. Я увѣряю васъ, что число тѣхъ, кто оставляя казарму, снова мужественно принимаются за прерванную работу становится все меньше и меньше". (Echo de Paris, 12 декабря 1893).

Кромѣ того, уже въ 1892 г. профессоръ Форбъ, основываясь на работахъ по сифилиграфіи доктора Фурнье и нѣкоторыхъ другихъ медиковъ сказалъ:

„Армія возвращаетъ семьямъ людей, испорченныхъ до мозга костей, зараженныхъ постыдными болѣзнями и унизительными пороками." (Parti ouvrier, 8 февраля 1894 г.).

* * *

Судя по страшнымъ нападкамъ, которымъ подверглась моя книга, можно подумать, что афоризмъ „армія есть школа преступленія" высказывался въ первый разъ. Увы! какъ и для всякой мысли, здѣсь можно повторить nil novi sub sole (ничего не ново подъ солнцемъ). Еще много задолго до меня сказали это другіе, а третьи повторили. Не говоря уже объ

Эмилѣ Жирарденъ, который почти буквально написалъ эту истину ,— мы узнали отъ нашего друга Ф. Пеллутье въ январѣ 1894 г., —сколько мыслителей подъ самыми различными формами выражали ту же мысль.

Для Лао-Тзе *тамъ, гдѣ процвѣтаетъ армія, цвѣтутъ также несчастія и развалины.*

Для Сенеки, *нельзя дѣйствовать въ одно и то же время какъ хорошій генералъ и какъ честный человѣкъ.*

Тертулліанъ утверждаетъ, что *обманы, жестокости, несправедливости суть достояніе войны.*

По мнѣнію Свифта, въ его *Путешествіи Гулливера: солдатъ есть существо, получающее жалованье, чтобы хладнокровно убивать сколько онъ только можетъ существъ своей же собственной породы, которыя его никогда не обижали.*

Въ своемъ *Телемакѣ*, Фенелонъ *смотритъ на войну, какъ на самый ужасный изъ всѣхъ пороковъ*, которые пятнаютъ человѣка.

Маккіавели говоритъ: „многіе придерживаются того мнѣнія (и они правы), что двѣ вещи не могутъ болѣе не согласоваться, и расходиться другъ съ другомъ, какъ жизнь гражданская и жизнь военная. Гражданскій порядокъ считается несвойственнымъ и тягостнымъ для того, кто готовъ на совершеніе всякаго насилія. *Гражданскіе порядки мягки и изнѣженны, и для человѣка, ремесло котораго есть удивлять и устрашать цѣлый міръ, врядъ ли будетъ логично проявлять кротость и снисходительность относительно другихъ людей... Всякій обманъ въ жизни отвратителенъ; въ дѣлѣ же войны это похвально и достойно... Тотъ, кто дѣлаетъ изъ войны ремесло, не можетъ быть инымъ, какъ порочнымъ.*

Война дѣлаетъ воровъ, а миръ ставитъ имъ висѣлицы...“

А вотъ голосъ народа въ одной старой итальянской поговоркѣ: „Когда начинается война, раскрываются врата ада“.

А въ старой испанской поговоркѣ говорится: „Война угощаетъ мертвецами“.

Послушайте, что говоритъ Вольтеръ: „*Воры и солдаты — синонимы...* Соберите вмѣстѣ пороки всѣхъ возрастовъ и всѣхъ мѣстностей, и все-таки они никогда не достигнутъ того огромнаго количества преступленій, которыя наполняютъ только одинъ походъ.“

Бурке высказываетъ такое мнѣніе: „Война пріостанавливаетъ всякія нравственныя обязательства, а что пріостановлено надолго, то рискуетъ быть совершенно отмѣненнымъ.“

„*Истинный военный духъ есть тотъ, который заставляетъ насъ находить лучшее средство жечь, грабить, избивать*, а затѣмъ побуждать и другихъ дѣлать то же самое.“ (Bou[illegible]h [illegible] des Perthes).

Луиза Аккерманъ пишетъ слѣдующія строки:

„Гоняясь за твоей побѣдной, грозной славой,
Вѣнчанной лаврами, — исторія сама
Готова оправдать тебя, тиранъ кровавый,
Убійца сумрачный и страшный, какъ чума.
Но пусть, война, тебѣ откроютъ всѣ объятья,
Пусть буду я разбитъ, раздавленъ, — у меня
Останутся уста для вѣчнаго проклятья
И сердце, полное священнаго огня.“

Въ Esprit humain, Кондорсе, мы читаемъ: „наиболѣе просвященные народы, захвативъ себѣ снова право самимъ располагать своей кровью и своими богатствами, научатся, мало-по-малу, *смотрѣть на*

войну, какъ на самый пагубный бичъ, *какъ на самое великое изъ преступленій... И войны между народами, какъ массовыя убійства*, будутъ принадлежать къ числу необыкновенныхъ жестокостей, которыя унижаютъ и возмущаютъ природу...“

Приведемъ еще нѣсколько строчекъ, написанныхъ Гюи-де-Мопассаномъ въ его произведеніи *На Водѣ*: „Народы скоро поймутъ, что увеличеніе насилія не будетъ его уменьшеніемъ; что если убійство есть преступленіе, то убійство многихъ не можетъ быть смягчающимъ обстоятельствомъ; что если воровать позорно, то грабежъ никогда не можетъ быть славнымъ дѣломъ. Ахъ! Провозгласимъ эти абсолютныя истины, обезславимъ войну... Люди войны — это бичи міра... Войти въ страну, задушить человѣка, защищающаго свой домъ только потому, что онъ одѣтъ въ блузу и у него нѣтъ на головѣ кэпи; жечь жилища нищихъ, не имѣющихъ больше хлѣба, ломать мебель, грабить остальное, пить найденное въ погребахъ вино, насиловать женщинъ, встрѣченныхъ на улицѣ, палить на милліоны франковъ пороха и оставить за собой только нищету и холеру...“

И еще другіе философы, экономисты, мыслители всѣхъ родовъ выражали то же самое мнѣніе. Такъ, Барбольдъ и Айкингсъ въ своихъ Evenings at Home назвали войну рядомъ звѣрствъ и массовыхъ убійствъ.

Итакъ, говоря совершенно искренно, изъ этихъ мнѣній Лао-Тзе, Сенеки, Тертулліана, Свифта, Фенелона, Маккіавели, Вольтера, Бурке, Буше-де-Перта, Кондорсэ, Л. Аккерманъ, Гюи-де-Мопассана не слѣдуетъ ли, что для этихъ философовъ милитаризмъ есть школа преступленія.

Сказать, что нищета и развалины процвѣтаютъ тамъ,

гдѣ есть цвѣтущая армія,—*это все равно, что сказать, что армія есть причина развалинъ и несчастій, то есть, что она преступна.*

Сказать, что личность не можетъ въ одно и то же время дѣйствовать, какъ хорошій генералъ и какъ честный человѣкъ, это все равно, что *заявить, что хорошій генералъ необходимо дѣйствуетъ, какъ нечестный человѣкъ, слѣдовательно, онъ преступенъ.*

Утверждать, что война имѣетъ своимъ достояніемъ обманъ, жестокости, несправедливости—*это значитъ сказать, что она порождаетъ обманщиковъ, жестокосердныхъ, несправедливыхъ, то есть преступниковъ, и эти преступники войны, профессіональные военные.*

Сказать, что солдату платятъ жалованье, чтобы убивать себѣ подобныхъ, *значитъ, сказать, что военный есть убійца.*

Сказать, что война есть самый ужасный изъ всѣхъ пороковъ, самое великое изъ всѣхъ преступленій — все равно, *что утверждать, что тѣ, кто ей занимаются по призванію—самые порочные, самые преступные изъ людей.*

Сказать, что тотъ, кто дѣлаетъ себѣ ремесло изъ войны, не можетъ быть инымъ, какъ порочнымъ, *это значитъ объявить, что война и, слѣдовательно, милитаризмъ есть школа преступленія.**)

---

*) Еслибы намъ возразили, что въ такомъ случаѣ всѣ солдаты — убійцы и преступники, мы отвѣтили бы, что это — правда, но между солдатомъ по обязанности и военнымъ по

Не кажется ли вамъ страннымъ, что ставятъ памятники такимъ философамъ, какъ Вольтеръ, Бурке, Фенелонъ, Свифтъ и т. п., авторамъ того же самаго афоризма, который мы высказали и который стоитъ намъ столькихъ оскорбленій? Не кажется ли вамъ, что это повтореніе одной и той же мысли въ такихъ различныхъ формахъ, въ такія различныя эпохи и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ, людьми такими чуждыми другъ другу, сдѣлавшими свои выводы изъ видѣнныхъ ими фактовъ,—не кажется ли вамъ, говорю я, что такое частое повтореніе придаетъ этой мысли характеръ истины?

Что касается до насъ, то намъ кажется именно такъ, и мы считаемъ, что справедливѣе думать такъ, какъ думали Лао-Тзе, Тертулліанъ, Свифтъ, Фенелонъ· Макіавели, Вольтеръ, Бурке, Франклинъ, Толстой, Колайани, Корръ и много другихъ, чѣмъ такъ думаютъ генералы Юнгъ, Дю-Барайль, какъ гг. С, Дрейфуссъ, Пейрутонъ и т. п.

* * *

Кое-кто возразили мнѣ, что моя психологія запоздала, потому что она представляетъ состояніе души уже исчезнувшей арміи[1]).

призванію есть, все-таки разница. Она состоитъ въ томъ, что первый есть случайный преступникъ, а второй — преступникъ по профессіи.

[1]) «Mercure de France», octobre 1893, военный по ремеслу. — «Estafette», 23 décembre, A. P. — «Ere novelle», avril. 1894. C. Dreyfuss.

Упрекъ этотъ очень забавенъ и обнаруживаетъ или невнимательное чтеніе *Психологіи Военной Профессіи* или странный пріемъ критики. Читатель нашей книги знаетъ, что характерныя психическія черты военныхъ по ремеслу были выведены нами изъ многочисленныхъ фактовъ, начиная съ 1794 года и до 1893. Какимъ же образомъ съ помощью фактовъ, относящихся къ этому вѣку, могли мы начертить портретъ военныхъ прошлыхъ вѣковъ? Желательно бы было, чтобы намъ это объяснили. Что же касается до насъ, то признаемся, что мы не понимаемъ, какимъ образомъ портретъ, нарисованный по наблюденіямъ нашей эпохи, касается только военныхъ прошедшихъ вѣковъ.

Интересно для контраста, что Эдуардъ Дрюмонъ, критикуя меня, похвалилъ наемную армію прошлыхъ вѣковъ. Статья эта очень хороша и ее стоитъ процитировать:

„Знаете ли вы что нибудь привлекательнѣе этого существованія истиннаго солдата, въ которомъ г. Гамонъ ничего не понялъ? Послѣ дѣятельности священника есть ли общественная дѣятельность выше дѣятельности этого самоотверженнаго существа, всегда готоваго, когда дѣло идетъ о смерти, всегда откликающагося на первый призывъ отечества.

Съ эстетической точки зрѣнія прекрасный офицеръ, хорошо экипированный, на горячей лошади, даетъ полное впечатлѣніе мужской красоты. Это — жизнь во всей своей силѣ, въ своемъ полномъ развитіи энергіи, и въ то же самое время это сдѣланная уже за-

ранѣе жертва этой жизнью, которую люди ставятъ выше всего.

Знаете ли вы, наоборотъ, что либо болѣе раздирающее душу, чѣмъ существованіе этого несчастнаго, котораго отнимаютъ отъ его поля, отъ его деревни и бросаютъ на три года въ казарму, далеко отъ своихъ, далеко отъ всего, что онъ любитъ, и присуждаютъ его жить съ другими людьми, столь же достойными сожалѣнія какъ и онъ?

Какъ хотите вы, чтобы въ странѣ остался запасъ бодрой силы, когда въ двадцать лѣтъ все населеніе проходитъ черезъ это ужасное испытаніе? Всѣ эти дѣти земли, которые бы поженились на бравыхъ дѣвушкахъ и сдѣлались бы отцами крѣпкихъ парней, возвращаются домой болѣе или менѣе зараженные сифилисомъ, развращенные казарменными грязными любовными похожденіями, потерявъ всякое понятіе о Богѣ и уваженіе къ женщинѣ, отвыкшіе отъ всякой работы, благодаря отупляющему и вмѣстѣ съ тѣмъ истомляющему и безсмысленному механизму. Это уже поконченныя поколѣнія.

Гамонъ, совершенно не обладающій философскимъ умомъ, берется за концы этого результата. Это абсолютно безсмысленно. Сущность въ томъ, что нынѣшняя военная система есть только проявленіе совершенно безсвязнаго, глупаго и сумасброднаго режима, который началъ функціонировать съ 1789 г.

То, что мы видимъ теперь, не существовало при старомъ режимѣ. Милиція брала только десять тысячъ человѣкъ въ годъ, изрѣдка собиравшихся въ сосѣдній городъ для чего-то вродѣ упражненій. Солдатами были только тѣ, кто хотѣлъ ими быть, — дворяне, которые по традиціи любили это славное ремесло, головорѣзы, люди съ горячими головами и авантюристы, которыхъ собирали сержанты - вербовщики на набережной.

Общество тогда, будучи христіанскимъ, было основано на свободѣ, потому что, какъ сказалъ святой апостолъ Павелъ: „не къ рабству, но къ свободѣ призвалъ насъ Духъ Божій“.

Тогда каждый повиновался своему призванію, той миссіи, къ которой онъ былъ предназначенъ. Тѣ, кто любили молитву, молились въ мирѣ; кто любилъ рисовать, рисовалъ, и если рисовалъ хорошо, то властители подавали ему кисти. Тѣ, кто любили звонъ шпагъ, блестящій нарядъ, вступали въ армію и были тамъ счастливы; они не думали о томъ, чтобы писать психологическіе этюды противъ своихъ начальниковъ; во время мира они пѣли пѣсни подъ кровлей загородныхъ кабаковъ или шутили съ маркитантками, какъ на картинахъ Патера.

Отъ времени до времени эти герои ощущали потребность сражаться, и на границѣ они встрѣчались съ людьми, имѣющими такое же желаніе, какъ и они. Все происходило учтиво и весело.— „Стрѣляйте первые, господа англичане!“—говорилъ майоръ французской гвардіи въ Фонтенуа. — „Потрудитесь укрѣпить ваши шляпы, господа“, — говорилъ маршалъ, комендантъ Королевскаго Дома, — мы сейчасъ будемъ имѣть честь зарядить“.

Это давало удовлетвореніе боевымъ инстинктамъ, геройскимъ стремленіямъ человѣческаго рода и не касалось существованія самой націи. Въ тѣ времена священники молились, художники рисовали или занимались ваяніемъ, а земледѣльцы продолжали жить нравственной и укрѣпляющей жизнью полей. Промышленная эксплуатація, раскаленная до бѣла, чтобы обогатить нѣсколькихъ капиталистовъ еще не сдѣлала изъ нашей расы расу лимфатиковъ, рахитиковъ и золотушныхъ. Мальтусъ не нашелъ бы себѣ послѣдователей въ нашихъ деревняхъ, и крестьяне съ увлеченіемъ повиновались священнику, который въ своихъ пропо-

вѣдяхъ толковалъ слова Писанія: *„Плодитесь и размножайтесь“*.

Очевидно, г. Гамонъ не видитъ всего этого. Еще разъ повторяю, это — прямая душа, которую трогаетъ зрѣлище общественнаго зла, но горизонтъ котораго слишкомъ не широкъ“ [1]).

Нѣтъ, я не вижу всего этого, и я былъ бы очень огорченъ, если бы увидалъ. Эта картина обольстительна, но совершенно невѣрна, такъ какъ мы охотнѣе повѣримъ генераламъ тѣхъ эпохъ, какъ напр. Фридриху Великому, который писалъ въ своемъ Anti Machiavel:

„Войско составлено изъ самой плохой части народа, изъ лѣнтяевъ, которые праздность предпочитаютъ труду, развратныхъ людей, которые ищутъ въ войскахъ вольности и безнаказанности... Я долженъ признаться, что порядокъ въ арміи не можетъ существовать безъ строгостей; потому что какимъ же образомъ заставлять исполнять свои обязанности своевольныхъ, распутныхъ солдатъ, негодяевъ, трусовъ, нахаловъ, грубыхъ и тупыхъ животныхъ, если бы страхъ наказаній не останавливалъ бы ихъ отчасти“.

Какимъ образомъ эти негодяи, эти развратники, эти лѣнтяи оставляли священниковъ мирно молиться, художниковъ рисовать, земледѣльцевъ обрабатывать зем-

---

[1]) «Libre Parole» 19 декабря. — «Petit Troyen» 20 Troyes. — «La Burgogne». 21, Auxerre. — «Le Messager Mémorial», 21, Moulins, — «La Nouvelle Bourgogne», 21, Dijon. — «La Verité», 20. — Le «Journal de la Dordogne», 22, Périgueux. — «Ralliement», 21, Montauban. — «Express du Midi», 21, Toulouse. — «Union Catholique», 21, Rodez. — «Messager», 22, Valence.

лю? Это не согласно съ разумомъ; и этого и нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Я не могу перечислить здѣсь всѣ доказательства, которыя уничтожаютъ неосновательное утвержденіе г. Дрюмона. Кто не слыхалъ объ огромныхъ шайкахъ Дюгеклена; о разграбленіи Магдебурга Тилли, о сожженіи Палатината Тюренномъ. Духовенство платило выкупъ, чтобы быть въ состояніи молиться въ мирѣ, что сдѣлалъ папа и по отношенію къ Дюгеклену. Художники и ремесленники не могли тоже спокойно заниматься ни своими искусствами, ни своимъ ремесломъ, когда солдаты грабили Магдебургъ, насиловали женщинъ, убивали мужчинъ, ломали мебель, рвали книги. Земледѣльцы не могли мирно сѣять питающій ихъ хлѣбъ, когда Тюреннъ, великій Тюреннъ, жегъ дома, жатвы, ломалъ земледѣльческія орудія, грабилъ скотъ и всѣхъ убивалъ. Если Патеръ и нарисовалъ солдатъ, балагурящихъ съ маркитантками, онъ принадлежитъ все-таки къ тѣмъ художникамъ, которые, какъ Кало, Ле-Нэнъ, представляли этихъ солдатъ прошлыхъ временъ, занимающихся грабежемъ населенія, сожженіемъ фермъ и т. п. Незабвенной кистью Кало нарисовалъ *маленькія и великія бѣдствія войны*. Онъ далъ намъ около двадцати полотенъ, которыя мы очень рекомендуемъ вниманію г. Дрюмона, особенно номера 4, 5, 6, 7.

Эти военные не шутятъ съ маркитантками и не поютъ пѣсенъ подъ кровлей кабачковъ. О, нѣтъ! Они грабятъ фермы, зажигаютъ аббатства, они насилуютъ дѣвушекъ, отнимаютъ быковъ, куръ гусей, вино, священные сосуды и церковныя облаченія!

Но, г. Дрюмонъ, хотите ли вы позволить мнѣ процитировать одну страницу изъ книги Альфонса Фелье. Удостоенная очень почетнаго отзыва академіи моральныхъ наукъ, — академіи иногда случается все-таки, вознаградить прекрасно сдѣланныя работы, — книга его, la Misère au temps de la Fronde et de Saint-Vincent-de-Paul [1]), тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе для моей работы, что она основательно подкрѣплена подлинными документами. Послушайте, слѣдующій разсказъ бенедиктинца Dom Furcy Baurin:

„За 18 дней пребыванія королевская армія уничтожила какъ хлѣба, такъ и луга. Всѣ дома предмѣстій, часть городскихъ домовъ (Ribemont)... кресла на хорахъ и стекла аббатства, пошли на устройство лагеря, а все остальное злоба солдатъ обратила въ пепелъ. Деревня вся была занята ими и представляла ихъ собственность; грабежъ былъ повсемѣстный, онъ считался благороднымъ дѣломъ и выгодами маленькой войны; насилія и убійства были безнаказанны....“ (La Misère au temps dela Fronde, стр. 292).

Скажете вы мнѣ, что разсказъ отца бенедиктинца можетъ быть преувеличенъ! Да! Тогда вы согласитесь съ письмомъ маршала Фаберъ. Въ немъ онъ разсказывалъ Мазарини, что генералъ Розенъ сказалъ при всѣхъ за ужиномъ, что онъ „предоставилъ на разграбленіе всѣ деревни между Эной и Маасомъ“.

И г. Фелье продолжаетъ:

„Скоро зло дошло до такой степени, что начальники

[1]) Volume in-8. Paris 1868. — Librairie Académique Didier.

корпусовъ арміи, — вѣроятно, опасаясь за свою жизнь, такъ какъ несчастные жители могли бы прійти къ какимъ нибудь отчаяннымъ рѣшеніямъ, коллективно обратились къ Мазарини. До какой же высоты должно было дойти море крови, чтобы четверо высшихъ офицеровъ подняли тревожный крикъ! Извѣстно, что если гдѣ нибудь искать жалость, внушаемую бѣдствіями войны, то никакъ ужъ не у солдата: глаза его слишкомъ часто видятъ кровавыя и отчаянныя сцены и до нѣкоторой степени привыкаютъ къ нимъ; если просмотрѣть мемуары великихъ военачальниковъ, какъ напримѣръ мемуары Тюренна, то невольно возмущаешься тѣмъ хладнокровіемъ, съ которымъ онъ разсказываетъ самыя звѣрскія сцены". (L. C. P. 293, 294).

Коллективное письмо маршаловъ и генераловъ Фабера, Нуармутье, Бюсси Ламе и Монтегю крайне выразительно, что можно судить по слѣдующей выдержкѣ:

„Зло, причиняемое г. Розеномъ, тѣмъ болѣе велико, что не только народъ несетъ на себѣ это безпокойство; но занятіе Розеномъ дворянскихъ замковъ и домовъ подъ свою квартиру и оскорбительное и дурное обращеніе съ ихъ владѣльцами, вредятъ безконечно... Крестьяне берутся уже за оружіе, чтобы спасти то, что у нихъ еще осталось, и если г. Розенъ желаетъ ихъ сжечь, какъ онъ грозитъ..."

Замѣтьте, что здѣсь дѣло идетъ о французскихъ войскахъ на французской же территоріи! Что же происходило бы на такъ называемой вражеской территоріи? Съ нашей стороны было бы неделикатно настаивать; картина и такъ слишкомъ яркая [1]).

[1]) Труды г. Фелье имѣютъ 560 страницъ и больше 300

Несмотря на все наше доброе желаніе, мы не видимъ, чтобы при старомъ порядкѣ духовенство спокойно молилось, художники работали, а земледѣльцы мирно трудились надъ своими полями въ то время, какъ солдаты бились между собою.

* * *

Одно довольно общее возраженіе очень показалось мнѣ забавнымъ по своей оригинальности. Критикъ важно заявляетъ мнѣ, что другія профессіи — тоже школы преступленія!

„Но гдѣ г. Гамонъ, повидимому, уступаетъ духу партіи это тогда, когда онъ хочетъ сдѣлать изъ скрытой преступности достояніе только военнаго по профессіи. На самомъ же дѣлѣ эту тайную преступность встрѣчаютъ повсюду, и только форма ея мѣняется сообразно съ профессіей. Въ торговлѣ, въ финансахъ она проявляется неуловимымъ воровствомъ; въ полиціи, въ магистратурѣ — злоупотребленіемъ власти; и *само собой разумѣется, что въ арміи она должна проявиться актами насилія.* Но что же это доказываетъ, какъ не вліяніе общественной среды на форму преступности? И списокъ этихъ фактовъ насилія, — рѣдкихъ, впрочемъ, чтобы тамъ ни говорилъ авторъ, — будетъ ли онъ когда нибудь доказательствомъ того, что всѣ военные — грубыя животныя? Тогда слѣдовало бы заключить, что всѣ коммерсанты — воры, и всѣ люди преступны, каждый на свой ладъ“. (Revue scientifique, 9 декабря 1893).

изъ нихъ наполнены только описаніемъ страданій, вынесенныхъ населеніемъ отъ солдатъ отъ 1643 до 1652 г.

„Я не буду разсуждать, милостивый государь, о томъ чувствѣ, которое побудило васъ написать *Психологію Военной Профессіи* и отложивъ въ сторону законное возмущеніе души патріота, я не стану пытаться пронзить васъ древкомъ національнаго знамени... Но я буду разбирать научный методъ, который въ такомъ видѣ, какъ вы его примѣняете, уже самъ по себѣ, кажется мнѣ, способенъ набросить неблагопріятный свѣтъ на ваши заключенія. Неужели вы думаете, что сдѣлали научную психологическую работу, стараясь выяснить якобы научную истину, подобравъ для этого нѣкоторое количество отдѣльныхъ документовъ, которые вы соединяете затѣмъ въ одно цѣлое, довольно прочнаго вида, чтобы пробить имъ колонны своихъ враговъ. Пріемъ этотъ, можетъ быть хорошъ на войнѣ, но по моему мнѣнію, онъ не годенъ въ философіи, потому что онъ даетъ только очень неполные результаты и спорные выводы. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ мірѣ нѣтъ ни „ремесла“ ни „искусства“, которое могло бы противостоять подобному испытанію, и я думаю, что было бы легко такимъ же способомъ доказать, что наука, литература, торговля или адвокатура — точно такія же школы преступленія — *менѣе жестокія, разумѣется*, но болѣе утонченныя зато, и болѣе, можетъ быть, лицемѣрныя! Вы черезъчуръ много приводите различныхъ фактовъ, милостивый государь, или вы не приводите ихъ достаточно, — а малѣйшее зерно личнаго наблюденія сдѣлало бы гораздо лучше наше дѣло“. (Petit Billet du matin A. M. A. Hamon — par Marcel L'henreux — Gil Blas, 15 декабря 1893).

„Профессіональные пороки существуютъ повсюду. Есть военные — суровые, грубые, жестокіе въ битвѣ. Но развѣ можно думать, что въ мирныхъ профессіяхъ нѣтъ ни грубости, ни жестокости, ни даже звѣрства? Капиталистъ, обременяющій работою представителей

нищеты, урѣзывающій заработную плату, но увеличивающій свои требованія къ ремеслу, не обладаетъ ли и онъ тоже нѣкоторыми пороками, въ которыхъ упрекаютъ генераловъ, полковниковъ? Не обращается ли фабрикантъ дурно съ своими блѣдными, хилыми, голодными работницами, плохо оплачиваемыми и живущими въ дурныхъ помѣщеніяхъ? Капитанъ на ученьи часто говоритъ болѣе вѣжливо съ своими рекрутами. Развѣ хищеніе и грабежъ такія необыкновенныя событія, которыя встрѣчаются только въ колоннахъ сенегальскихъ или аннаммійскихъ стрѣлковъ? Автору стоитъ только заглянуть въ бумаги какого-нибудь судебнаго пристава, и онъ увидитъ тамъ въ полномъ блескѣ легальный разбой, рядомъ съ которыми лихоимство древнихъ арабскихъ канцелярій будутъ просто любезностями. Развѣ зависть, страстное желаніе выдвинуться впередъ видны только въ рядахъ войскъ? Пусть г. Гамонъ отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ свободной арміи литераторовъ, и онъ увидитъ тамъ всѣ тѣ же пороки, зависть, притѣсненія, всю ту ненависть и всю ту злость, въ которой онъ упрекаетъ тѣхъ, кто носитъ золотыя или шерстяныя эполеты. Наконецъ, солдатъ пьянствуетъ, бездѣльничаетъ, задѣваетъ прохожихъ и пользуется своимъ оружіемъ, чтобы обижать безоружныхъ и, въ концѣ концовъ, даже убиваетъ! Но авторъ, значитъ, никогда не заглядывалъ съ своей философіей въ предмѣстья, въ окрайные кварталы города и не присутствовалъ при выходѣ изъ мастерскихъ рабочихъ въ субботу вечеромъ или въ понедѣльникъ, у входовъ въ конторы? Его портретъ можетъ точно также относиться къ дурному рабочему, какъ и къ дурному солдату.“ (Echo de Paris, 3 января 1894.— E. Lepellitier).[1])

[1]) Это возраженіе встрѣчается еще въ «Petite Republique»,

Это открытіе тѣмъ болѣе было нетрудно, что я самъ буквально сказалъ также въ своей книгѣ. Но сказалъ ли я его или нѣтъ, истинно оно или нѣтъ,— это не имѣетъ никакого значенія въ данномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того факта, что различныя профессіи суть тоже школы преступленія, безнравственности, нисколько не слѣдуетъ уменьшеніе и даже исчезновеніе безнравственности и преступности свойственной именно профессіи военной. Тогда зачѣмъ же это возраженіе? Зачѣмъ, при изслѣдованіи психическаго склада военнаго человѣка, требуется мнѣ знать, что существуетъ свой особенный складъ души и въ другихъ профессіяхъ? Очевидно, что знаніе этого не имѣетъ другого значенія, кромѣ косвеннаго подтвержденія существованія профессіональной психики у военныхъ. Если наши критики хотѣли подтвердить это, то я вполнѣ согласенъ, что они правы; если же они этимъ хотѣли ослабить значеніе моего труда, то признаюсь, что не могу понять смысла ихъ аргумента.

* * *

Г. Байльгамъ обвинилъ насъ въ томъ, что мы не считаемся съ двумя, очень важными факторами: об-

---

12 декабря, G. Renard. — «Gironde» (Bordeaux). 23. — «Estafette», 29, A. Peyroton. — «Revue des Revues», 15 января 1891, général Iung. — «Journal des Economistes», январь, Rouxel. — «Journal des Débats, 29, H. Malo. — «Journal de la Marne» (Châlons), 2 февраля. — «Concord» (London) февраль. — «Ere Nouvelle», мартъ, P. Dramas; S. Marlino. — «Ere Nouvelle», январь, мартъ, апрѣль, P. Dramas.

щественной формаціей, которая измѣняется у различныхъ народовъ и съ личнымъ характеромъ, различнымъ у различныхъ лицъ [1]). Этотъ критикъ не замѣтилъ, что изучая вліяніе профессіи на душевный складъ лицъ, занимающихся ею, мы не могли считаться съ этими двумя факторами, измѣняющими болѣе или менѣе только форму, но не природу характерныхъ душевныхъ черть, вызываемыхъ профессіей. Г. Байльгамъ же самъ отчасти подтверждаетъ нашу работу,—хотя онъ и относится къ ней отрицательно, говоря, что „милитаризмъ есть искуственная система, и поэтому чтобы поддержать ее, необходимо употребить и искусственные пріемы, наиболѣе дѣйствительные изъ которыхъ—это страхъ и насиліе.“

Въ самомъ дѣлѣ, если занятіе военнымъ ремесломъ требуетъ страха и насилія, то необходимо нужно, чтобы начальники, т. е. представители этого ремесла, употребляли угрозу и насиліе. Это употребленіе мало-по-малу вліяетъ на ихъ душевный складъ и развиваетъ одни психическія черты во вредъ другимъ, а эти черты суть именно тѣ, слѣдствіемъ которыхъ является нетерпимость, превышеніе власти, жестокость.

* * *

Нѣкоторые критики сдѣлали намъ различныя возраженія, имѣющія цѣлью доказать, что мы написали нашу работу не по тому плану, какъ они хотѣли. Такъ, одинъ изъ нихъ, назвавшій заглавіе нашей

[1]) «Mouvement social», мартъ 1895.

книги „дурнымъ и претенціознымъ“, хотѣлъ бы, что бы мы говорили о „томъ колоссальномъ бремени, которое тяготѣетъ на бюджетѣ человѣчества“, благодаря милитаризму. Другой жалѣлъ, что мы не занялись причинами, заставляющими народы поддерживать милитаризмъ, производить войны [1]) и о выгодахъ, получающихся изъ этого милитаризма [2]).

Разумѣется, эти критики не замѣтили, что мы писали не работу о милитаризмѣ,—тогда замѣчанія ихъ были бы вполнѣ умѣстны,—а этюдъ о душевномъ складѣ, вызываемомъ военнымъ ремесломъ у тѣхъ, кто имъ занимается. Нужно согласиться, что въ такомъ случаѣ не можетъ быть вопроса ни о колоссальномъ бремени, которымъ милитаризмъ подавляетъ народы, ни о необходимости войны и поддержкѣ армій, ни даже о преимуществахъ милитаризма, если эти преимущества,—а они суть слѣдующія: распространеніе образованія, соединеніе разнородныхъ этническихъ элементовъ,—не имѣютъ никакого вліянія на душевный складъ военныхъ по ремеслу.

Критики, такъ рѣзко напавшіе на насъ, встревожились, что мы вышли изъ обычныхъ рамокъ столь дорогихъ восхвалителямъ арміи. До сихъ поръ милитаризмъ и армію называли: школой безкорыстія [3]),

[1]) «Cocarde», 5 декабря. — «Soir», 18, A. David. — «Estafette», 29, A. Peyroton.

[2]) «Revista critica mensile di opère di filosofia scientifica», мартъ, Dr. Morselli, Milano.

[3]) «Mercure de France», октябрь, 1893, профессіональный военный. — «Estafette», 23 декабря; «Echo de la Semaine», 31, A. P. — «Figaro», 2 января, Saint-Genest. — «Dépêche

самоотверженности, жертвы [1]), улучшенія нравовъ [2]), долга [3]), равенства, братства [4]), труда [5]), правильной жизни, гигіены [6]), чести [7]).

Факты, которые фигурируютъ въ этой *защитѣ* и тѣ, которые мы разсказывали въ нашей книгѣ, сильно ослабляютъ эти громкія слова, которыя *фактами же* никому не удастся подтвердить [8]). Кто не знаетъ, что Наполеонъ I жалѣлъ, что осыпалъ богатствами своихъ генераловъ, потому что сдѣлавшись богатыми, они покинули его. Кто не знаетъ, что руководясь своими выгодами, эти военные по ремеслу служили по очереди Франціи, иноземцу и опять Франціи. Чины, которые они получали, сражаясь противъ своей стра-

---

de Clermont-Ferrand», 31. — «Petit Californien», 24 февраля, San Francisco. — «Gil Blas», 1 февраля, C. des Perrières. — «Journal des Débats», 29 января, A. Malo.

[1]) «Gironde», 23 декабря. — «Journal be Berlin», 23, Milès. — «Petite Republique», 12, G. Benard. — «National», 7 февраля, G. Lavergne. — «Etudes Religieuses», 31 мая, A. B. de la S. de J.

[2]) «Revue scientifique», 9 декабря. — «Journal de la Marne», 2 февраля. Châlons.

[3]) «Autorité», 9 февраля; «Courrier de la Champagne», 11, Reims, A. de Batz.

[4]) «Mercure de France», октябрь.

[5]) «Revue scientifique», 9 декабря. — «Gil Blas», 1 февраля.

[6]) «Revue scientifique», 9 декабря.

[7]) «Echo de Paris», 27 декабря, Turpin. — «National», 7 февраля, G. Lavergne. — «Etudes religieuses», 31 мая, A. B. de la S. J.

[8]) M. Ledrain въ «Echo de Paris», 27 декабря и въ «Ere Nouvelle» въ апрѣлѣ, повидимому думали, что это очень нетрудно; что касается до насъ, то мы считаемъ это невозможнымъ.

ны, были оставлены имъ, когда они въ нее вернулись. Недавно мы прочли въ одной рукописной работѣ: *Великій обманъ*, Ш. Детре, внушительный списокъ прославленныхъ военныхъ по профессіи, которымъ поставлены статуи и тріумфальныя арки. У этихъ генераловъ и полководцевъ было столько безкорыстія, что они перебѣгали отъ одной арміи къ другой, преслѣдуя только свой личный интересъ. Этотъ списокъ стоитъ прочесть: Дюмурье, герцогъ Шартрскій, Ней, Мюратъ, Бернадотъ, Моро, Сультъ, де-Бурьенъ, де-Монталамберъ, Масена, Даву, де-Бурмонъ, Клуэ, герцогъ де-Коньи, де-Монморанси, маркизъ де Санъ-Симонъ, Алекс. де Ламетъ, Латуръ-Мобуръ, баронъ Жомини, Эрнуфъ и др.

Люди, занимающіеся военнымъ ремесломъ такъ безкорыстны, такъ нравственны, что генералъ де Кубьеръ, маршалъ Сультъ и много еще другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ были обличены въ томъ, что получили взятки. Нужно имѣть смѣлую и слишкомъ горячую вѣру, чтобы считать, что армія есть школа чести и и всѣхъ этихъ добродѣтелей. Нужно быть смѣлымъ, потому что всѣ мемуары офицеровъ и солдатъ, всѣ архивы, содержащіе милліоны фактовъ, доказываютъ противное. Стоитъ прочесть, напримѣръ, недавно появившуюся работу Е. Гильона, *Военные заговоры при консульствѣ и имперіи* [1]); для генераловъ и маршаловъ этой эпохи и для другихъ знаменитыхъ полководцевъ, тамъ это рѣшительно доказано.

---

[1]) Volume. Paris 1894. Plon et Nourrit, éditeurs.

Недавніе процессы капитана Дрейфуса и другихъ офицеровъ, французскихъ, итальянскихъ, германскихъ, которые были или измѣнниками или шпіонами, служатъ тоже явными доказательствами, что военные по ремеслу крайне мало заботятся о безкорыстіи и нравственности

Но послушайте еще слѣдующій фактъ, столь необыкновенно поучительный, благодаря наивности его автора. [1])

Работникъ на фермѣ изъ личной выгоды убиваетъ своего хозяина и двухъ другихъ лицъ. Онъ осужденъ на смерть. Въ тюрьмѣ онъ разсказывалъ, что былъ *храбрымъ солдатомъ и спасъ жизнь одному изъ своихъ офицеровъ* и что его представили къ военной медали. Несчастный говорилъ: „Это странно, въ Тонкинѣ я убилъ, Богъ знаетъ, сколько людей, и меня хотѣли за это наградить! Здѣсь же я убилъ только троихъ, и меня хотятъ обезглавить“.

Это дало автору брошюры поводъ къ слѣдующему размышленію:

„Мнѣніе о человѣкоубійствѣ этого приговореннаго къ смерти преступника резюмируетъ ту извращенность сознанія, которую производитъ разрушительный милитаризмъ“.

Я не возражаю, что милитаризмъ не есть школа мужества, но мужество, которое онъ развиваетъ, запятнано насиліемъ, жестокостью. Мужество военныхъ

[1]) Мы приводимъ этотъ фактъ изъ брошюры «Война», г. Гермита, адвоката. Бордо. 1893.

людей по ремеслу проявляется въ грубыхъ и жестокихъ поступкахъ и ни въ чемъ больше. Слѣдовательно, не мужество есть характерная черта военнаго по ремеслу, но жестокость. Кромѣ того, мужество не есть свойство только одной профессіи; оно встрѣчается у всѣхъ людей, мѣняя только форму. Врачъ, больничный служитель, ухаживающій за холерными больными; химикъ, изучающій взрывчатыя и ядовитыя вещества; инженеръ, пробующій новые аппараты и производящій опасные опыты; кровельщикъ, работающій на крышахъ; механикъ, управляющій своимъ локомотивомъ; мыслитель, пишущій то, что онъ считаетъ истиной, рискуя за это тюрьмой и смертью; политическій преступникъ, рискующій жизнью за свой идеалъ; священникъ. подвергающійся пулямъ, чтобы помочь солдатамъ умереть съ миромъ; миссіонеръ, рискующій пытками за распространеніе евангелія и т. п.—проявляютъ въ различныхъ формахъ тоже чувство мужества, самоотреченія, жертвы. Слѣдовательно, мужество не есть свойство только военныхъ, а въ изслѣдованіи *Психологіи Военной Профессіи,* я отыскивалъ только его характерныя черты.

Но мы всѣ хорошо знаемъ, что во время войны милиція и случайные солдаты дѣйствуютъ также мужественно, какъ и военные по ремеслу. Не слѣдуетъ ли изъ этого вывести, что сильно преувеличенно считать, что армія имѣетъ такое огромное вліяніе на развитіе мужества у людей?

„Нѣсколько американскихъ ученыхъ, взявшихся недавно за изученіи психологіи умирающихъ на поляхъ

битвы, вынесли изъ этого изученія самыя печальныя данныя. Повидимому, героическія позы, приписываемыя воинамъ въ моменты битвъ, совершенно лживы и выдуманы. Всѣ геройскія заигрыванія со смертью, всѣ болѣе или менѣе достойныя и благородныя позы существуютъ, по словамъ этихъ ученыхъ, показанія которыхъ были резюмированы въ Popular Science Monthly, только въ воображеніяхъ, работающихъ послѣ каждой битвы". (Revue des Revues, сентябрь, 1893).

Другая работа, перепечатанная Revue des Revues въ октябрѣ 1893 г. изъ газеты Waffen Nieder,—мемуары художника Верещагина,—тоже имѣетъ цѣлью доказать, что мужество военныхъ болѣе вымышленно, чѣмъ дѣйствительно. Итакъ еще одинъ ореолъ исчезаетъ! Но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія, потому что извѣстно, что мужество, даже мужество воинское, свойственно не однимъ военнымъ по ремеслу, и намъ нечего было съ ними считаться въ опредѣленіи характерныхъ чертъ, свойственныхъ этимъ военнымъ.

* * *

Г. Манувріе, извѣстный криминологъ, написалъ слѣдующее по поводу *Психологіи Военной Профессіи*:

„Это заглавіе, повидимому, обозначаетъ, что здѣсь дѣло идетъ объ описаніи типическаго состоянія души, общаго или, по крайней мѣрѣ, средняго для тѣхъ, кто занимается военнымъ ремесломъ. Въ такомъ случаѣ военный по ремеслу, описанный г. Гамономъ, будетъ ничто иное, какъ знаменитый *прирожденный*

преступникъ, итальянской выдѣлки, нѣчто вродѣ мозаики, арлекинскаго народа, козла отпущенія, простого манекена, запятнаннаго всѣми беззаконіями, найденными въ его профессіи... Но если заглавіе книги г. Гамона разногласитъ съ ея содержаніемъ, оно не лучше характеризуетъ и цѣль автора. Эта цѣль не есть, на самомъ дѣлѣ составленіе полной психологической монографіи военнаго ремесла и нѣкоторыхъ другихъ, но только желаніе показать, что преступность въ каждой профессіи принимаетъ свою особенную форму, соотвѣтственно съ различными условіями болѣе или менѣе спеціально присущими различнымъ профессіямъ при нынѣшнемъ состояніи общества" [1])...

---

[1]) «Ere Nouvelle», апрѣль 1894. — Въ опросѣ (анкетѣ) г. Ж. Дюккуа приняли участіе еще нѣсколько лицъ; гг. Гастонъ Данвиль, Элизе Реклю, Жанъ Гравъ, написавшій слѣдующія строки: «Для всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ армію вблизи и пережилъ тотъ гнетъ, которымъ она давитъ личность, мысль, защищаемая г. Гамономъ въ его очеркѣ «Психологія Военной Профессіи», не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Суровостью своего кодекса, карающаго жестокими наказаніями малѣйшій недостатокъ требуемаго пассивнаго повиновенія, своей іерархіей, создающей высшихъ и низшихъ, армія одуряетъ личность, пріучаетъ все терпѣть отъ нахальства, когда она стоитъ внизу и злоупотреблять своей властью, когда она поднимается наверхъ... Отдѣляя молодыхъ людей отъ текущей жизни и отъ повседневныхъ отношеній, армія останавливаетъ ихъ умственное развитіе. Стѣсняя ихъ нужды, она только раздражаетъ ихъ и превращаетъ въ пороки... Воспитанные для войны, они, само собой разумѣется, начинаютъ считать жизнь человѣческую очень незначительной вещью. Вѣдь, развѣ у нихъ нѣтъ приказанія нападать на всякаго, кто попытается нарушить запрещеніе, за исполненіемъ котораго имъ поручено слѣдить. Если всѣ тѣ, кто выходитъ изъ арміи — не убійцы, то, по крайней мѣрѣ, это самый большой разсадникъ пьяницъ, развратниковъ и полицейскихъ»...

Въ этомъ возраженіи есть нѣкоторая доля правды, касающаяся дѣйствительно недостатка единства въ нашей книгѣ, то есть недостаточной гармоніи содержанія съ заглавіемъ. Этотъ недостатокъ единства имѣетъ свое начало въ самомъ происхожденіи нашего труда.

Какъ отмѣтилъ д-ръ Корръ въ Société nouvelle, первоначально работа ограничивалась простымъ обозрѣніемъ. Первоначальная мысль была также озаглавить ее: *Армія школа чести!* Это ироническое заглавіе указывало на воинственный духъ, оживлявшій ее въ концѣ 1892 года. Но передъ массой докумен-

---

Г. Дюмела Ньювенгайсъ, высказавшій слѣдующую мысль: «что касается до меня, то я считаю, что Гамонъ внесъ въ трудъ очень похвальную сдержанность, потому что... онъ далъ себѣ трудъ сдѣлать выборъ въ цѣлой группѣ злоупотребленій, менѣе умѣреннымъ разсказомъ о которыхъ онъ легко могъ бы наполнить тысячу страницъ. Вотъ въ чемъ состоитъ правило, а совсѣмъ не исключеніе: военная служба одуряетъ тѣхъ, кто къ ней привыкаетъ... Военная жизнь и деморализація — это два тождественныя понятія. Казарма есть школа, гдѣ вербуются шпіоны, лѣнтяи, лакеи и пяницы...»

Гг. Саръ Пеладанъ, С. Писарро, Анри Февръ, Жанъ Ажальбергъ, написавшій слѣдующее: «книги, подобныя книгѣ Гамона, касаются самой сущности учрежденій: чернила есть лучшій динамитъ. Краснорѣчіе фактовъ — вотъ главная заслуга этого ужаснаго обвинительнаго акта... Можетъ быть, слѣдовало бы сдѣлать упрекъ Гамону, что онъ коснулся только нѣкоторыхъ сторонъ вопроса, немного общихъ, примѣнимыхъ къ очень различнымъ классамъ гражданъ, вліянія профессіи на душевный складъ ея членовъ, — корпоративнаго духа, общаго, между прочимъ, всѣмъ профессіямъ. Съ другой же стороны не приняты во вниманіе два очень важныхъ наблюденія, изъ которыхъ каждое заслуживало въ книгѣ цѣлой отдѣльной главы: во первыхъ, алкоголизмъ, абсентизмъ — отъ праздности;

товъ, задача моя измѣнилась, и я захотѣлъ написать *профессіональную криминологію военнаго*. Работа приняла эту форму, которая еще модифицировалась, и въ результатѣ получилась та книга, которую читатель знаетъ, какъ она и была напечатана. Само собою понятно, что эти послѣдовательныя измѣненія, при своемъ образованіи, необходимо создали произведеніе, которое хотя и имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ это подтвердили нѣкоторые критики, — но страдаетъ недостаткомъ единства. Такимъ образомъ до нѣкоторой степени оправдалось возраженіе нашего ученаго коллеги изъ антропологическаго общества Па-

---

въ гарнизонной жизни — онъ достигаетъ своей высшей стопени въ арміи; во вторыхъ, сифилисъ, имѣющій въ арміи свой самый упорный очагъ... Именно въ потомкахъ военныхъ медики констатируютъ самыя ужасныя вырожденія. Посредствомъ арміи, во время войны, націи убиваютъ другъ друга, а въ мирное время онѣ посредствомъ ихъ убиваютъ самихъ себя...»

Г. Е. Ледренъ, заявившій: «Это одна изъ самыхъ любопытныхъ книгъ, которыхъ я давно уже не читалъ. У автора есть философскія привычки, особенное стараніе собирать самые мелкіе факты. Но объявляя себя сторонникомъ Корра, не подражаетъ ли онъ скорѣе Тэну?... Это человѣкъ съ талантомъ, но во всякомъ случаѣ слишкомъ страстный, которому нельзя во всемъ довѣрять. Между тѣмъ сколько справедливыхъ разсужденій и самыхъ тонкихъ наблюденій есть въ этой работѣ! Если и не все правда, то тамъ есть очень вѣрныя мѣста...»

Г. Жоръ Монторгейль, написавшій слѣдующія строки: «книга г. Гамона есть книга сильная, мужественная и честная....» Наконецъ, въ анкетѣ приняли участіе Ж. Делафоссъ, д-ръ Бойе и баронесса Берта Сутнеръ. За исключеніемъ Данвиля и Делафосса всѣ одобрили нашу работу. Этотъ опросъ (анкета) былъ воспроизведенъ «Peuple de Lyon» 8, 9, 10 и 11 апрѣля 1894 г.

рижа[1]). Въ нашей книгѣ однѣ главы, а именно отъ III до IX, дѣйствительно, вполнѣ гармонируютъ съ заглавіемъ *Психологія Военной Профессіи*. Главы же II, X и XI имѣютъ только очень отдаленное отношеніе къ нему; первая изъ нихъ возвышается до общаго труда о милитаризмѣ, а двѣ другія представляютъ очеркъ профессіональной криминологіи. Это-то несоотвѣтствіе и объясняетъ критику цѣлаго, сдѣланную Мануврiе, который до нѣкоторой степени говоритъ истину.

Я говорю — до нѣкоторой степени, потому что я думаю, что я, въ самомъ дѣлѣ, далъ полную психіологическую монографію военной профессіи, потому что я убѣжденъ, что общій типъ, который получается изъ моего труда, какъ типъ военнаго по ремеслу — совершенно реаленъ, а ни въ какомъ случаѣ не манекенъ.

Это — какъ типъ лошади, типъ человѣка, типъ собаки; или какъ монгольскій или кавказскій типъ въ человѣческой породѣ. Естествоиспытатель собираетъ общія черты, присущія всѣмъ особямъ рода собаки, и составляетъ изъ нихъ средній типъ, къ которому принадлежатъ и борзая собака, и большая датская, и моська, и лягавая. Однако, описаніе этого идеальнаго типа не есть описаніе борзой, моськи или лягавой;

---

[1]) Тоже самое возраженіе встрѣчается и въ «Parti socialiste», 21 января, и въ «Ere Nouvelle», январь, мартъ, за подписью г. Драма. Мы подозрѣваемъ, что эти возраженія были только эхомъ возраженія Мануврiе, такъ какъ авторы его — усердные посѣтители лекцій этого блестящаго профессора.

и для каждой изъ этихъ породъ можно тоже сдѣлать среднее описаніе, которое не будетъ описаніемъ какой нибудь опредѣленной борзой или моськи. Также и въ дѣлѣ антрополога.

Между тѣмъ мы всѣ признаемъ правильность и полезность описанія средняго типа собаки, человѣка. Нашимъ намѣреніемъ было установить въ области психологіи идеальный средній типъ психическаго состоянія, опредѣляемаго извѣстными профессіями.

Существуетъ общее психическое состояніе, свойственное лицамъ, занимающимся одной и той же профессіей, какъ мы это и написали въ предисловіи къ нашей книгѣ. Этотъ душевный складъ, присущій отдѣльнымъ профессіямъ и сектамъ, открытый нами *послѣ многихъ другихъ авторовъ*,—между которыми мы отмѣтимъ Ла Брюйера,—писавшими подъ другими заглавіями, практиковался и *послѣ насъ* д-ромъ Густавомъ Лебономъ. Этотъ ученый пишетъ въ Revue Scientifique (6 апрѣля 1895).

„Подъ кастой подразумѣваются только люди одной и той же профессіи, а слѣдовательно, и одного и того же воспитанія, и приблизительно одинаковой среды... Каста представляетъ самую высшую ступень организаціи, на которую только способна однородная среда. Въ самомъ дѣлѣ она складывается изъ личностей, которыя по своимъ вкусамъ, своимъ стремленіямъ, воспитанію, средѣ —очень похожи другъ на друга, если не во всѣхъ пунктахъ ихъ душевнаго строенія, то по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ ихъ поведенія. Есть даже нѣкоторыя касты, какъ напримѣръ, каста военная, духовенство, всѣ члены которыхъ до такой

степени похожи другъ на друга, своими моральными чертами и даже своими внѣшними манерами, что никакое переодѣванье не даетъ имъ возможности скрыть свою профессію... Онъ думаетъ, разсуждаетъ и дѣйствуетъ душой своей касты... Стоитъ только взглянуть на людей, принадлежащихъ къ одной и той-же кастѣ, — военныхъ, чиновниковъ и т. п., чтобы увидѣть до какой степени они вылиты по одной и той же формѣ... Духъ касты дѣйствуетъ, разумѣется, на каждаго отдѣльнаго члена ея, но особенно сильно проявляетъ онъ свою власть въ томъ случаѣ, когда люди, принадлежащіе къ одной и той же кастѣ, объединены между собою."

Итакъ, слѣдовательно, неоспоримо существуетъ профессіональный душевный складъ, присущій всѣмъ лицамъ, занимающимся одной и той же профессіей.

Въ нашемъ первомъ томѣ очерковъ соціальной психологіи, мы имѣли намѣреніе изслѣдовать характерныя психическія черты военной профессіи.

Мы утверждаемъ, что выяснили такимъ образомъ средній типъ, къ которому подходятъ всѣ военные. Мы утверждаемъ, что эти характерныя душевныя черты, въ различныхъ степеняхъ развитія, существуютъ въ мозгахъ всѣхъ военныхъ людей по ремеслу.

Типъ, который мы нашли и который мы не выразили ясно, благодаря послѣдовательнымъ измѣненіямъ, пережитымъ нашей работой, — не есть манекенъ, какъ типъ *прирожденнаго преступника* Ломброзо. Его нельзя даже сравнить съ нимъ. У Ломброзо нѣтъ критеріума преступника и непреступника; у него нѣтъ достаточно прочнаго опредѣленія пре-

ступленія, на которое онъ могъ бы опереться, чтобы сказать вполнѣ увѣренно: этотъ преступникъ, а этотъ — нѣтъ. У него нѣтъ основанія, чтобы утвердить своего *прирожденнаго преступника*, потому что человѣкъ еще не въ состояніи въ настоящее время указать ни границы преступленія, ни границы безумія или вырожденія, ни границы разумности и честности. Что же касается до насъ, то у насъ есть основаніе, чтобы установить военный типъ, типъ полицейскаго, чиновника по ремеслу. Всѣмъ извѣстно, что такое военная профессія, профессія чиновника, полицейскаго. Онѣ очень опредѣленны и рѣзко отличаются другъ отъ друга. Изслѣдованіе характерныхъ душевныхъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ, занимающимся этими профессіями, необходимо должно дать ихъ средній типъ, къ которому подходятъ всѣ лица одной и той-же профессіи; но это не частный портретъ какого-нибудь опредѣленнаго лица.

Нашъ психическій профессіональный типъ не есть манекенъ, или одежда арлекина, какъ не манекенъ типъ ящерицъ, китовъ, обезьянъ и жесткокрылыхъ у естествоиспытателей.

Онъ точно также вымышленъ[1], какъ и эти типы, и между тѣмъ онъ также реаленъ, какъ и они; тогда какъ въ настоящее время нереальность типа прирожденнаго преступника доказана. Итакъ мы думаемъ, что возраженіе д-ра Манувріе, по отношенію къ намъ,

---

[1]) «Réforme» 17 декабря, Bruxelles; M. R. B. упрекаетъ насъ, что мы выдумали какой то странный типъ, нереальный.

имѣетъ только очень небольшое значеніе, именно то, которое мы только что указали.

Кромѣ того, типъ военнаго по ремеслу настолько реаленъ, что милиціонеръ ярко отличается отъ него. Чтобы доказать это, приведемъ слѣдующія строки доктора Гоба.[1]):

„Что видимъ мы въ странахъ, гдѣ есть милиція? Тамъ, офицеръ, надѣвающій мундиръ только на нѣсколько недѣль въ году, сохраняетъ на службѣ свои чувства гражданина во всей ихъ полнотѣ; его санъ и его обязанности не даютъ ему въ его глазахъ другихъ правъ, кромѣ того, чтобы наблюдать за исполненіемъ дисциплины и примѣнять къ провинившимся карательныя мѣры военнаго кодекса. Онъ остается въ гражданскомъ обществѣ; онъ не отдѣляется отъ него; въ особенности ему никогда не приходитъ въ голову мысль смотрѣть на него, какъ на что-то низшее чѣмъ армія или даже какъ на ея соперника. Въ Швейцаріи, напримѣръ, военная спѣсь была бы осмѣяна; и офицеръ, парадирующій ею,

---

[1]) Этотъ соціологъ пишетъ въ Conférence interparlementaire 1 мая 1894 г.: «Очевидно, авторъ (A. Hamon) не хотѣлъ сказать, что каждый офицеръ способенъ совершать дѣла жестокости, насилія, несправедливости и безнравственности, подобныя тѣмъ, въ которыхъ оказались виновными извѣстное число ихъ; но онъ полагаетъ, что ихъ профессія, благодаря нравственной и физической нечувствительности, къ которой она ведетъ, усиленіемъ принципа власти и корпоративнаго духа, содержитъ въ себѣ зародыши преступности. Достаточно только доказать эти психологическія дѣйствія». Д-ръ Гоба высказалъ этимъ часть нашей идеи, — мы говоримъ только часть, потому что мы думаемъ, что каждый офицеръ есть въ состояніи возможности, человѣкъ, способный совершать эти поступки въ различной степени интенсивности

тамъ невозможенъ. Въ результатѣ выходитъ, что грубые поступки военныхъ по отношенію къ штатскимъ — тамъ совершенно незнакомая вещь; и если бы случилось что-нибудь подобное, то общественное мнѣніе ужъ позаботится, чтобы они не возобновлялись. Солдаты являются для офицера не низшими людьми, не простыми орудіями, но помощниками и, такъ какъ они — такіе же граждане, какъ и онъ, обладающіе тѣми же гражданскими правами, то онъ поостережется обращаться съ ними такъ, какъ гражданинъ не потерпитъ. Вся нація энергично вступилась бы за солдата, съ которымъ обошлись бы грубо или жестоко. Даже обучающіе рекрутъ, слѣдовательно, профессіональные уже военные, и тѣ никогда не позволятъ себѣ ударить или жестоко обойтись съ солдатомъ. А между тѣмъ дисциплина въ милиціяхъ нисколько не хуже, чѣмъ въ постоянныхъ арміяхъ, и даже, можетъ быть, лучше, потому что она совершается тамъ по собственному соглашенію.

„Что касается до корпоративнаго духа, онъ тамъ не существуетъ внѣ службы, и подчиненному никогда не приходится жаловаться, что онъ не добился правосудія на своего начальника. Достоинство гражданина равно уважается военнымъ судомъ, какъ и гражданскимъ“.

Таковъ портретъ милиціонера, нарисованный докторомъ Гоба и въ немъ ярко указывается психическое различіе между случайнымъ военнымъ и военнымъ по ремеслу, что мы тоже имѣли случай наблюдать въ Англіи лично и черезъ другихъ.

* * *

* * *

Мы подошли къ концу нашей *защиты*, оставивъ въ сторонѣ возраженія на разныя детали, сдѣланныя намъ нѣкоторыми, между прочимъ и нашимъ другомъ Корромъ. Отвѣты на нихъ слишкомъ увеличили бы— и притомъ далеко не соотвѣтственно ихъ важности— размѣры этого опроверженія, и такъ черезъ чуръ уже длиннаго.

Читатель имѣетъ теперь и возраженія и то, что что мы считаемъ отвѣтами на нихъ. Пусть онъ самъ судитъ! Пусть онъ самъ увидитъ ту же истину, какъ и мы!

А. Гамонъ.

Эдинбургъ, январь 1895 г.
Парижъ, апрѣль 1895 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРУППА АНТИМИЛИТАРИСТОВЪ

На заглавномъ листѣ этой книги выставлена издательская фирма: „Международная группа антимилитаристовъ". Такъ какъ дѣятельность этой группы еще мало извѣстна публикѣ, то я, какъ одинъ изъ участниковъ ея, считаю своимъ долгомъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Прежде всего я приведу описаніе собранія, состоявшагося въ Женевѣ 25 января 1902 г.*).

Вотъ какъ это происходило. Въ большой залѣ Бонфантини (гдѣ часто бываютъ разныя собранія, рефераты и публичныя лекціи) было назначено собраніе, присутствовать на которомъ приглашались всѣ сочувствующіе борьбѣ съ милитаризмомъ.

Когда я пришелъ на собраніе, зала была уже полна. Я полагаю, что было болѣе 500 человѣкъ народу. Основатель и иниціаторъ вновь учреждаемой лиги, Штейнегеръ, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью, которую я передаю вамъ вкратцѣ.

„Вы собрались сюда, господа, чтобы выразить свой протестъ вопіющему злу, войнѣ и войску, и выразить сочувствіе вновь учредившейся группѣ борьбы съ милитаризмомъ. Вопросъ объ общемъ мірѣ давно уже занимаетъ весь цивилизованный міръ. Но одинъ великій Толстой сьумѣлъ дать ему серьезное

*) Это описаніе было напечатано въ Листкѣ Свободнаго Слова № 25.

и реальное рѣшеніе. Чтобы не было войны — не должно быть войска, не надо идти въ солдаты, не надо брать въ руки оружія. И примѣры такого рѣшенія уже не рѣдки. Въ Россіи цѣлый народъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ, отказался отъ военной службы. Я говорю объ извѣстныхъ всему міру духоборахъ, которыхъ русское правительство подвергло за это жестокому преслѣдованію и принудило къ эмиграціи, —то самое правительство, по иниціативѣ котораго была разыграна комедія въ Гаагѣ.

Во Франціи также началось это движеніе, и я выражаю отъ имени нашей группы глубокое почтеніе г-ну Урбенъ Гойэ, который цѣлымъ рядомъ статей въ „Aurore“ возбудилъ во Франціи общественный интересъ къ этому вопросу. И теперь уже назрѣваетъ болѣе широкій вопросъ о всеобщей военной стачкѣ, о всеобщемъ отказѣ отъ военной службы. Починъ уже сдѣланъ; на многихъ конгресахъ соціалистовъ и свободомыслящихъ—вотирована стачка на случай войны. Но надо перейти къ дѣлу. Мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ намъ присоединиться къ намъ. Кто бы вы ни были: соціалисты, какого бы ни было оттѣнка, какого бы ни было исповѣданія — мы будемъ рады всѣмъ тѣмъ, кто поможетъ намъ въ борьбѣ съ милитаризмомъ. Приглашаю желающихъ высказаться по этому вопросу.“

На трибуну взошелъ президентъ Женевскаго общества свободныхъ мыслителей г-нъ Фюльпіусъ. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующемъ: вполнѣ сочувствуя цѣлямъ учреждающагося общества и присоединяясь всецѣло къ борьбѣ съ милитаризмомъ, мы замѣчаемъ, что кромѣ военной арміи, производящей войны, существуетъ еще клерикальная армія поповъ. Смотря въ исторію, мы видимъ, что первая—военная армія находилась большею частью въ подчиненіи у второй, поповской арміи, и потому корень зла ле-

житъ въ этой послѣдней. И я приглашаю васъ, господа, одновременно съ борьбой противъ милитаризма на борьбу противъ клерикализма. Пусть каждый честный человѣкъ будетъ съ такимъ же отвращеніемъ смотрѣть какъ на военный мундиръ, такъ и на поповскую рясу. Для борьбы же съ клерикализмомъ самымъ могучимъ орудіемъ является просвѣщеніе. И на это просвѣщеніе массы направлены всѣ силы международнаго „Общества свободныхъ мыслителей".

Послѣ него сталъ говорить представитель Женевскаго общества для борьбы съ военною податью. Въ Швейцаріи недавно изданъ новый законъ, опредѣляющій правила о взиманіи военной подати (taxe militaire) съ тѣхъ гражданъ, которые освобождаются по болѣзни отъ личнаго несенія военной службы. За неуплату же этой подати сажаютъ въ тюрьму. И вотъ въ Женевѣ образовалось общество для противодѣйствія этой подати. И представители общества приглашаютъ гражданъ отказываться платить эту подать, сдѣлать своего рода военную стачку. Общество это имѣетъ чисто мѣстный характеръ и дѣйствуетъ независимо отъ антимилитарной международной лиги.

Затѣмъ взошелъ на трибуну французскій ораторъ, Ліаръ-Куртуа. Онъ въ яркихъ краскахъ очертилъ все бѣдствіе, причиняемое человѣчеству войной и войскомъ, указалъ на то, что главное назначеніе войска не защита границъ отъ враговъ, а защита капиталистовъ и правящаго класса отъ угнетеннаго рабочаго и отъ всего того, что можетъ поколебать могущество правительствъ. Онъ особенно подробно остановился на разбояхъ китайской войны и прибавилъ, что хотя общая военная стачка и необходима и желательна для уничтоженія войска, но она неосуществима, пока юноши воспитаніемъ не будутъ подготовлены къ тому, чтобы смотрѣть на военное званіе не какъ на почетное, а какъ на позорное; пока матери не станутъ не только

не поощрять военное геройство своихъ сыновей, но отрекутся отъ дѣтей своихъ, ставшихъ убійцами. И такъ какъ воспитаніе дѣтей бываетъ большею частью въ рукахъ женщинъ, то это ихъ обязанность внушать отвращеніе къ военному дѣлу. И войны прекратятся, и войска исчезнутъ тогда, когда жены-матери этого захотятъ.

Послѣ длинной и содержательной рѣчи Ліаръ-Куртуа, предсѣдатель вновь обратился къ собранію и сказалъ, что онъ ничего не можетъ прибавить къ высказанному, развѣ только то, что онъ былъ самъ военный, но больше имъ никогда не будетъ, что онъ получилъ хорошее воспитаніе и образованіе въ общепринятомъ значеніе этого слова и въ первый разъ поступилъ на службу горячимъ патріотомъ. Но казарма — эта школа разврата — открыла ему глаза. И онъ вышелъ изъ нея, чтобы уже болѣе не возвращаться. Затѣмъ онъ выразилъ ораторамъ благодарность отъ имени антимилитарной группы и пригласилъ взойти на трибуну защитниковъ милитаризма, обѣщая выслушать ихъ съ полнымъ вниманіемъ, убѣждая публику быть терпимой, каковы бы ни были возраженія. Но защитниковъ милитаризма не оказалось.

Тогда предсѣдатель обратился къ публикѣ съ заключительной рѣчью, въ которой благодарилъ за оказанное участіе и заявилъ, что въ программу дѣятельности общества входитъ пропаганда всѣми возможными средствами антимилитарныхъ идей, а именно: чтеніемъ лекцій, изданіемъ книгъ и брошюръ, устройствомъ мирныхъ празднествъ и демонстрацій и оказаніе всевозможныхъ пособій и гостепріимства всѣмъ отказывающимся платить военную подать.

Онъ закрылъ собраніе словами: „да здравствуетъ соціальная свобода, да здравствуетъ солдатская стачка!“

Публика во все время собранія единодушными аплодисментами и восторженными криками выражала со-

чувствіе ораторамъ. До и послѣ собранія продавались номера журнала „La voix du peuple“ („Голосъ народа“), спеціально посвященнаго вопросу антимилитаризма. Изъ этого номера интересно было бы сдѣлать нѣкоторыя выдержки.

Вообще настроеніе собранія было удивительно единодушное, серьезное и сочувственное и чувствовалось что началось какое-то важное и разумное дѣло могущее дать благо человѣчеству.

Черезъ нѣсколько времени, приблизительно черезъ мѣсяцъ состоялось учредительное собраніе на которомъ въ общихъ чертахъ былъ намѣченъ планъ дѣйствій. Было рѣшено раздѣлить дѣятельность общества на три отдѣла.

1) Отдѣлъ непосредственной пропаганды идеи антимилитаризма путемъ научной и популярной литературы, путемъ публичныхъ лекцій и демонстрацій.

2) Отдѣлъ выработки тѣхъ соціальныхъ формъ жизни, коотрыя бы освобождали общество отъ потребности въ войскѣ, полиціи, судахъ и всякаго другого рода насилія.

3) Отдѣлъ — педагогическій, устройство школъ въ которыхъ бы дѣтямъ внушались идеи всеобщаго мира и изгонялись идеи націонализма и милитаризма. Кромѣ того членамъ этого общества было предложено во всякихъ случаяхъ частной жизни стараться ни коимъ образомъ не прибѣгать къ содѣйствію полиціи, судовъ и къ другого рода представителямъ грубой физической силы, даже въ ущербъ личнымъ интересамъ.

Дѣятельность группы выразилась пока въ прочтеніи нѣсколькихъ публичныхъ лекцій и въ изданіи нѣсколькихъ брошюръ, поименованныхъ на обложкѣ этой книги, тоже включенной въ серію этихъ изданій.

Средства на изданіе этой книги были пожертвованы покойной Елизаветой Ильинишной Мансуровой, убѣжденной антимилитаристкой, давшей въ мое распоряженіе 2000 франковъ, которыя я считаю своимъ долгомъ употребить на распространеніе идеи антимилитаризма.

Въ одной изъ послѣдующихъ брошюръ я надѣюсь дать отчетъ расходовъ этого капитала имени Е. И. Мансуровой.

Такимъ образомъ изданіе этой книги является однимъ изъ актовъ дѣятельности международной группы антимилитаристовъ. Какъ всегда въ подобныхъ дѣлахъ—жатва велика, а дѣлателей мало.

Но вопросъ антимилитаризма назрѣваетъ все болѣе и болѣе. Семя брошено на готовую, вспаханную почву. Расти и приноси плодъ сторицею!

П. Бирюковъ.

Onex, près Genève. Suisse.
20 Марта 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Къ читателямъ 5
Предисловіе 13
Глава I. Общія замѣчанія. 21
„ II. Цѣль службы профессіональныхъ военныхъ. 23
„ III. Практика военнаго ремесла . . . 33
„ IV. Вліяніе профессіи на психику ея членовъ. 55
„ V. Презрѣніе къ человѣческой жизни и къ физическимъ страданіямъ. . . 62
„ VI. Звѣрство въ профессіональной средѣ. 77
„ VII. Звѣрство внѣ профессіонакьной среды 95
„ VIII. Грубость въ профессіональной средѣ и внѣ ея 108
„ IX. Разныя другія проявленія военнаго духа 116
„ X. Половое чувство. 133
„ XI. Преступность караемая закономъ и безнравственность 144
„ XII. Заключеніе. 159
Защита Психологіи военной Профессіи . . . 173
Приложеніе. Международная группа антимилитаристовъ. 259